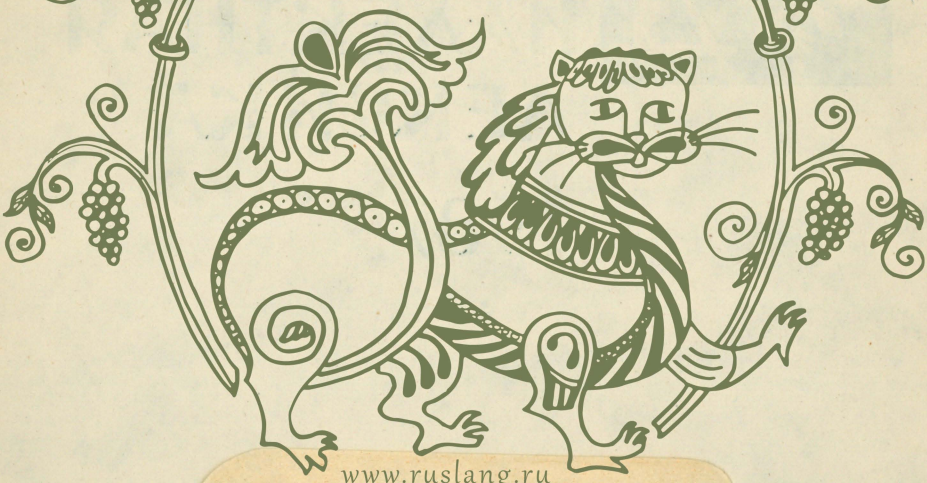
9
Д-44

61

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1987

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

86372

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
СЛОВАРНЫЙ ОТДЕЛ

Диалектная лексика

1987

Ответственный редактор
Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

Настоящий сборник — одиннадцатая книга из серии лексикологических работ, подготовленных коллективом составителей «Словаря русских народных говоров». В статьях сборника исследуются состав и происхождение русской диалектной лексики, изменение и развитие ее в новых социальных условиях, обсуждаются вопросы взаимоотношения диалектной и литературной лексики, особенности функционирования отдельных лексических групп в условиях воздействия на местные говоры литературного языка.

Рецензенты: *Е. А. ИВАННИКОВА* и *В. И. КОДУХОВ*

4
Д-44

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
86372

Д 4602000000-656 / 042(02)-91 -570-91 (II)

ISBN 5-02-028074-7

© Коллектив авторов, 1991

© Издательство «Наука», 1991

О. Д. КУЗНЕЦОВА, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Диалектные словари как памятники русской крестьянской культуры

Проблема взаимодействия языка и общества, языка и культуры, возможность познания особенностей духовной и материальной культуры через изучение языка, его словарного состава относятся к кругу наиболее сложных и важных лингвистических проблем. Говоря о значении языка в познании жизни народа, его исторического прошлого, акад. И. И. Срезневский замечал, что «для изучения событий времен позднейших есть у историков много различных материалов, есть летописи, записки современников, памятники юридические, памятники литературы, науки, искусств, живые предания народа. От первого же времени жизни нашего народа не сохранилось почти ничего подобного, и первые страницы нашей истории остаются ненаписанными. Они и останутся белыми до тех пор, пока не примет в этом участия филология. Она одна может написать их. Пусть она и не скажет ничего о лицах действующих, пусть обойдется в своем рассказе и без собственных имен, безо всего этого она будет в состоянии рассказать многое и о многом. Она передаст быль первоначальной жизни народа, его нравов и обычаев, его внутренней связи и связей с другими народами теми самыми словами, которыми выражал ее сам народ, передаст тем вернее и подробнее, чем глубже проникнет в смысл языка в его соотношении с народной жизнью, и проникнет тем глубже, чем большими средствами будет пользоваться при сравнении языков и наречий сродных».[1]

Язык является одним из наиболее достоверных источников характеристики интеллектуального, культурного и хозяйственного состояния той или иной эпохи, того или иного коллектива; язык является порой единственным орудием для воссоздания фактов истории культуры.

Культурно-исторический компонент наличествует во всех частях (ярусах) языковой системы, наиболее отчетливо он проявляется в словарном составе языка. Культурно-исторический компонент значения слов содержит указания на предметы и явления

[1] *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка. М., 1959. С. 27.

© О. Д. Кузнецова, Ф. П. Сороколетов, 1991

различной социальной и общественной значимости. Этот компонент отражает особые явления культурной и общественной сферы, миропонимания и быта данного общества, он отражает особенности самих предметов (их устройство, форму, назначение), он может быть вызван отношением к предметам и явлениям реальной жизни, их оценкой. Лексическая семантика тесно связана с экстралингвистическим содержанием, т. е. с реальным миром вещей и явлений. Язык, по выражению акад. В. В. Виноградова, является элементом истории культуры народа, средством познания объективного мира. Это особенно отчетливо осознается в последнее время, когда начинает углубленно изучаться слово как вместилище и хранилище знаний о внеязыковой действительности.

Давно уже осознано и теоретически осмыслено наличие культурно-исторического компонента, особой семантики фразеологических оборотов и так называемой безэквивалентной лексики — обозначений специфических явлений природы, общественной жизни и производственной деятельности того или иного ареала (государственного, социального, географического). Эта категория слов и устойчивых словосочетаний смыкается с этнографизмами. Термин «этнографизм», как обозначение слова, отражающего в своем значении понятие материальной и духовной культуры народа, употребляется довольно широко в научной литературе, хотя и не получил до сих пор лексикографической фиксации. Да и само понятие «этнографизм» не имеет еще достаточно четкого и общепринятого истолкования, в его значение вкладывается далеко не всегда одинаковое содержание. Распространенное понимание этнографической лексики как совокупности слов, отражающих понятия и реалии материальной и духовной жизни народа, в общем правильно, но слишком широко, так как все слова языка отражают понятия и реалии, связанные с духовной и материальной деятельностью человека (-народа). «Мир языка есть не что иное, как своеобразная переработка в общественном сознании мира реалий».[2]

Иногда этнографизмы отождествляются с диалектными словами. Так, Н. М. Шанский называет этнографизмами «диалектные слова, которые обозначают предметы и явления быта и труда, специфичные для определенной местности и неизвестные литературному языку».[3] В этом определении правильно указывается на понятийную отнесенность этнографизма — обозначение явлений, относящихся к специфическим особенностям народной жизни.

Действительно, к этнографизмам должны относиться слова, называющие отличительные (характерные только для данного коллектива) особенности быта и жизни. В русском языке можно выделить две категории этнографизмов: 1) общерусские; 2) локальнорусские.

---

[2] *Абаев В. И.* Язык и история // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968. С. 35.

[3] *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского литературного языка. М., 1964. С. 118.

Этнографизмы, термины ремесел, специальных занятий, промыслов и т. п., обозначающих понятия, явления и реалии, связанные со старым бытом, ушедшим укладом жизни, с отмершими верованиями, обычаями, приметами, так же как слова, обозначающие вновь возникающие, зарождающиеся особенности жизни носителей диалекта, заключают в себе богатое содержание добытого коллективом знания и коллективный опыт освоения мира, отображают суждения и представления о действительности.

Обсуждение и решение многих вопросов, относящихся к этой проблеме, связывается прежде всего с лексикографической работой, с созданием толковых, идеографических, исторических, диалектных словарей. Лексикографы осознали значимость словарей в познании внеязыковой действительности уже давно. Общепризнанным является мнение о том, что толковые словари национального языка отражают успехи развития нации в области материальной и духовной деятельности, уровень развития общественного устройства, науки, культуры и искусства, особенности духовного склада народа и черты его исторического прошлого. Время, запечатленное в словах, жизнь современного и предшествующих поколений, социальные процессы, общественные взгляды и течения — все находит отражение в словаре.

Г. Шухардт приводит слова из предисловия к словарю Vocabularius optimus Вакернагеля о том, что «наиболее плодотворный путь, впервые открытый в средние века, для одновременного познания вещей и слов, обозначающих эти вещи, — это составление. . . словарей».[4]

«Общественным рычагом наук, стремящихся выработать общий для всех людей рациональный взгляд на мир, является лексикография, ищущая простейших слов для объяснения широким кругам читателей, что́ означают те или другие слова, как пересекаются специальные термины со словами разговорного языка, как переносятся функции слов с одних вещей на другие, как образуются устойчивые словосочетания, в которых остаются только отзвуки семантического содержания их составных частей. . . Размышление о значениях слов — а к этому должно побуждать чтение словаря — одна из самых существенных форм рационализации своего отношения к жизни и своего участия в ней», [5]— утверждал польский ученый В. Дорошевский.

Лучшие русские словари всегда стремились к наиболее полному и последовательному решению всех этих важных языковедческих и общественно-воспитательных задач.

Общепризнана роль диалектных словарей, фиксирующих лексику народных говоров, в становлении и развитии диалектной лексикологии и семасиологии. Современные диалектные словари русского языка представляют собой относительно полные собрания

---

[4] *Шухардт Г.* Вещи и слова // Избранные статьи по языкознанию. М., 1950. С. 198.

[5] *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973. С. 36.

диалектных слов с развернутым описанием смыслового содержания русской народной лексики и детальной ареальной характеристикой ее. Диалектная лексикография представляет материалы, без которых невозможно изучать многие проблемы русистики, славистики и общего языкознания.[6]

Но значение словарей выходит далеко за пределы языкознания. Словари давно и заслуженно считаются ценнейшими памятниками культуры; лучшие словари русского языка, как, например, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, называют «подлинной энциклопедией русского народного быта, склада ума и характера, нашедших свое выражение в речи».[7]

Эта роль словарей связана с основным объектом их описания — словарным составом языка, семантики слов и фразеологических сочетаний.

В народных говорах отражаются различия в сегментации понятий, реального мира вещей и явлений, что, естественно, находит выражение в диалектных различиях лексико-семантического уровня. Это может выражаться, например, в том, что в одних говорах есть слово, обозначающее общее понятие, в других — только слова, выражающие различные степени детализации этого понятия. Многозначность как проявление человеческой склонности к экономии в языке, к систематизации таким путем предметов и явлений внешнего мира, особенности группировки слов в синонимические и ассоциативные группы и антонимические пары, организация лексико-семантических групп и лексических полей — все это является отражением неповторимой практики данного языкового коллектива в духовной и материальной сферах жизни.

Многие явления, связанные со стратиграфией слов и терминов, формированием синонимических групп, родо-видовых соотношений, антонимических противопоставлений и ассоциативных связей, находят объяснение в области психологии и конкретных условий жизни коллектива. Человек дает наименования тому, что его интересует с утилитарной точки зрения, особенно тому, что имеет непосредственное отношение к роду его занятий. Так, термины льноводства (посев, уход за льняным полем, уборка и обработка льна и т. п.) наиболее широко представлены в говорах псковской, калининской, смоленской и некоторых других областей, где льноводство составляло главное занятие крестьян. Набор слов и терминов, относящихся к разведению, уборке и обработке льна, ярко характеризует особенности жизни населения этих регионов. Лексический состав диалектных словарей, характер семантической характеристики слов в них отражают эти особенности.

Чтобы выполнить задачу отражения и закрепления достижений материальной и духовной культуры народа, диалектный сло-

[6] Подчеркиванию этого положения посвящены многие работы Б. А. Ларина, Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова и других исследователей.

[7] *Бабкин А. М.* Толковый словарь В. И. Даля // Даль В. И. Толковый словарь. . . М., 1955. Т. 1. С. VII.

варь должен в семантических описаниях дать картину объективного мира вещей и явлений, характеризующих жизнь и быт народа. Определения значений слов должны в этом случае стать описанием самих предметов и явлений. Толкование в этом случае неизбежно переходит от определения значений к раскрытию, описанию идей, понятий, предметов и реалий внешнего мира. Происходит тесное переплетение принципов филологических и энциклопедических словарей, причем это сближение теоретически оправдано и практически целесообразно.

Такой подход к семантической характеристике слов отчетливо проявляется в Словаре В. И. Даля и в замечательных для своего времени областных словарях А. О. Подвысоцкого и Г. И. Куликовского.

Следует заметить, что приемы и способы представления культурно-исторического и этнолингвистического компонента слова в словарной дефиниции различаются в зависимости от различных групп лексики. В статье обращается внимание на слова, в которых культурно-исторический компонент входит в структуру значения и может быть репрезентирован в словарной дефиниции. Это прежде всего — этнографизмы в широком смысле.

Поучительный опыт разработки слов этой категории накоплен в практике создания диалектных словарей в XIX—XX вв.

Особо ценным в словаре В. И. Даля является громадное количество областных слов, связанных с ремеслами, промыслами, народной медициной, народными названиями растений, животных, птиц, рыб, обычаев, преданий и поверий, значительная часть которых собрана самим составителем.

Одной из основных задач, которые ставил перед собой Даль, было стремление отразить в словаре духовные и нравственные взгляды русского народа, черты его характера, обычаи, верования и предания. Рецензентами единодушно отмечалось богатство содержания тех статей Словаря Даля, «которые относятся к быту, к нравам, обычаям, поверьям русского народа, к промыслам, торговле, мореплаванию, наконец к естественным наукам. В этом-то, рядом с богатством запаса собранных Далем слов и примеров, заключается главное, неотъемлемое достоинство его словаря». В Словаре заключен «обширный круг сведений о русском народе, богат словарь Даля объяснениями разных сторон жизни русского народа и русской природы».[8] Как правило, эти слова разработаны Далем в «энциклопедическом ключе».

«Представляя итог нашей истории, вывод, до которого дошла многовековая жизнь нашего народа, труд В. И. Даля равно драгоценен и для истории, и для исследования народности — этнографии. Замените только словарное расположение предметным — и в его Словаре вы получите полное изображение современной жизни русского народа, живую картину его современного нравственного

[8] *Грот Я. К.* Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля // Труды. СПб., 1894. Т. 2. С. 53—55.

бытия и деятельности, его нужд и потребностей, его мыслей, наивных верований, нравов, обычаев; вы живо почувствуете и то, что ожидает в грядущем этот народ, создавший такой звучный язык, такое богатство понятий».[9]

Недаром критики отмечали, что Словарь Даля является «справочной книгой», «но не в том узком смысле, о каком обыкновенно говорят, а в высоком значении справочной книги истории народа, его характера и вообще всего, что мы называем дорогим именем своей народности. . . Словарь это зеркало и вместе с тем истолкователь явлений жизни народа, . . здесь собрана наша внутренняя история, неподкупная правда нашей жизни».[10] Комиссия РГО (Русское географическое общество), представляющая Словарь Даля на Константиновскую медаль, отмечала большое значение Словаря для развития этнографии. Материалы, представленные в Словаре, делают его «весьма важным лингвистическим источником для изучения живой великорусской народности, . . .живого русского человека, со складом его способности, силы, действий, с его взглядом на себя и на всех, что представляется ему в быту домашнем и общественном».[11]

Вот почему Словарь В. И. Даля до сих пор остается незаменимым источником сведений по русскому языку и русской культуре XIX в.

А. О. Подвысоцкий считал, что диалектный словарь обязательно должен быть и этнографическим: полное название словаря, составленного им, — «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении». Это требование Подвысоцкий объяснял характером образования местных говоров: «Так как областные наречия образовались под влиянием различных в разных местностях этнографических условий, которыми только и можно объяснить склад и происхождение весьма многих областных слов и особенностей наречий, — то необходимо, чтобы словари были с тем вместе и этнографическими».[12] Отсюда вытекали и требования к составителю словаря, который должен быть хорошо знаком («лично знаком») с «общей этнографической и бытовой обстановкой данной местности», ибо «недостаточно черпать материал за глаза, так сказать на веру, лишь через местных корреспондентов». Подвысоцкий предложил программу собирания сведений для словаря, которая включала перечень тем или разделов, содержащих лексические группы, обслуживающие эти разделы. Например, в разделе «Внутреннее домашнее хозяйство», кроме слов, обозначающих предметы и процессы, необходимые в домашнем хозяйстве, указывались выражения для обозначения приемов

---

[9] *Котляревский А. А.* Сочинения. СПб., 1895. Т. 4. С. 441.

[10] Там же. С. 337—441.

[11] Отчет о присуждении медалей Русского географического общества 1862. РГО, 1863. Кн. 1. С. 24.

[12] *Нефедов Г. Ф.* А. О. Подвысоцкий и его словарная работа. (Письмо Подвысоцкого Я. К. Гроту от 20 апр. 1882 г.) // Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962. С. 124.

гостеприимства, приветствий, угощений и потчеванья, поговорки, пословицы, присловья, народные приметы, что должно было обеспечить детальное описание сегмента народного быта архангелогородцев. Вот почему одно из требований Подвысоцкого сводилось к тому, что составление областных словарей возможно только людьми, хорошо знающими диалекты и условия жизни их носителей. Этим требованиям полностью соответствовал сам А. О. Подвысоцкий, что определяющим образом сказалось на информативном аспекте его словаря. По материалам словаря А. О. Подвысоцкого можно восстановить многие черты жизни, быта, духовной деятельности жителей Архангельской губернии XIX в., например свадебный обряд (см. слова: заручье, рукобитье, образование, поискание, пропой, пропить девку, биться по моде, добровь, почёска, запрос, рыжики, посидки, заплачка, воять, голос, плачея, смотрины, посвадебье, байка, плакальные деньги, красованье, благословящий образ, тысяцкий, сторож, князь, выводно, вывод, приводно, поздравлёное, почестье и др.).

Словарь А. О. Подвысоцкого дает возможность воссоздать условия, характеризующие занятия скотоводством (уход за лошадьми, рогатым скотом, свиньями и козами — кормление их зимой и летом на пастбище; особенности найма пастухов, ведения молочного хозяйства, огородничества, птицеводства, лесного хозяйства и т. п.). На основании материалов словаря исследователь народной медицины, суеверий и предрассудков, нравов и обычаев может изучать тайны этих видов занятий русских крестьян Архангельской губернии XIX в. Широко представлена в Словаре А. О. Подвысоцкого бытовая лексика — слова и выражения, обозначающие названия крестьянских построек, домашней утвари, местных обычаев, предметов материальной культуры, явлений природы и т. п.: буйна, нюки, байна, бугор, коча, кушня, разволочная изба; вывод, богомолье, заговор, зарученье, морок, няша, вода, волок, вара, запад, запайнало, корга, кошка, маниха и т. п. Ни одно из этих слов или слов в этом значении неизвестно в южнорусских, например в курских, говорах. Уже сам перечень относящихся сюда слов создает определенное впечатление специфического, отличного от других регионов быта.

Диалектные словари советского времени во многом следуют установившейся в диалектной лексикографии традиции в отборе слов и их семантизации. «Словарь русских народных говоров» не является исключением в этом отношении. Словарь отражает и закрепляет достижения материальной и духовной культуры народа. Это относится ко всем толковым словарям, и прежде всего к историческим и диалектным словарям.

Чтобы выполнить такую задачу, диалектный словарь должен максимально полно отразить лексико-фразеологический состав говора (говоров). Если же говорить об отражении специфически крестьянской жизни, то диалектный словарь должен включить в свой состав все слова и фразеологические обороты, отличающие народные говоры от литературного языка. Вместе с тем этот сло-

варь должен в своих семантических описаниях дать картину объективного мира — картину крестьянской жизни. Определения значений слов в этом случае должны стать определениями самих предметов и явлений — толкования должны раскрывать, описывать идеи, понятия, предметы и явления. Это приводит к переплетению принципов филологических и энциклопедических толкований, причем это переплетение и сближение является неизбежным, теоретически оправданным и целесообразным.

Такой подход к семантической характеристике указанных классов слов характерен для СРНГ.

Словарный состав современных говоров представляет собой совокупность слов, появившихся в них в разное время и различными путями. В говорах сохраняется та часть словаря, которая отражает некогда актуальные явления действительности, а теперь связана с пережитками старины; эта лексика не имеет соответствующих эквивалентов в современном литературном языке. К этой категории слов относятся слова, связанные с отражением старых форм ведения земледелия, названия вышедших или выходящих из употребления сельскохозяйственных орудий, хозяйственных построек, одежды, обуви, предметов быта, ремесленная терминология, обрядовая лексика, названия обычаев, игр, поверий, жилищ, надворных построек, кушаний, особенностей рельефа, действий и процессов, связанных с трудовой деятельностью. Говоры богаче, чем литературный язык, словами и терминами, отражающими понятия из сферы производственной деятельности сельского жителя — крестьянина — земледельца, скотовода, ремесленника, словами, связанными с обозначением понятий и явлений из области обрядов, обычаев, поверий, имеющих локальное распространение.

СРНГ, отражая лексико-фразеологический состав всех русских народных говоров по записям XIX—XX вв., включает в свой корпус основную часть слов, называющих понятия, предметы и явления, характеризующие особенности быта и трудовой деятельности, образа мышления, верований, обычаев и привычек русского крестьянства последних двух веков нашей истории. Этот период характеризуется расцветом русской крестьянской материальной и духовной культуры и ее упадком, закатом, размыванием под влиянием общественных и социально-экономических условий, переживаемых страной в целом. Писатель А. Михайлов назвал этот период «классическим периодом русской крестьянской культуры»; он же определил СРНГ как «памятник этой культуры».

Русские народные говоры обладают богатейшей производственно-промысловой терминологией, которую составляют термины земледелия, лесного промысла, охоты, рыболовства, садоводства и огородничества, обработки льна и шерсти, прядения и ткачества, гончарного и бондарного производства, кожевенного и строительного дела, кулинарного искусства и народной медицины и т. д.

Вся совокупность специальной ремесленно-промысловой терми-

нологии разделяется на две категории — старый фонд терминологии и термины новые, появившиеся в процессе обогащения словарного состава говоров, отражающего процессы развития, изменения и усложнения реального мира. Первую группу составляют термины, как правило, ограниченного распространения, бытующие только в говорах и не известные литературному языку. В «Словаре русских народных говоров» все эти разряды слов и терминов нашли относительно полное отражение.

Простое перечисление тематических разрядов лексики, нашедших отражение в СРНГ, свидетельствует о многообразной картине жизни русской деревни в XIX—XX вв. Так, выделяются термины земледелия: названия земледельческих орудий, землепашества, огородничества, садоводства, жатвы, сенокоса, уборки льна, обработки льна, молотьбы, пахоты, полки, сева, пивоварения, выпечки хлеба, убоя скота, птицеводства, животноводства, названия птиц, животных, рыб, названия растений, названия участков обрабатываемой земли, термины охоты, рыболовства, пчеловодства, термины, обозначающие предметы и процессы домашней работы, домашнего обихода: ткачества, стирки белья, названия тканей — бель, набель, новина, отетёха, пика, платяной холст, синедь, синька, девятня, девятнивый холст, узчина, посконина, ручешник, семитный; кулинарии, хлебопечения, шитья, домашней утвари, посуды, хозяйственных принадлежностей, разных сооружений, средств передвижения, судоходства, названия упряжи, названия построек, способы построек, названия составных частей избы, частей печи, украшения построек, надворных построек, одежды, обуви. . .

Это далеко не полный реестр тем и относящихся сюда слов и терминов, но и он достаточно убедительно иллюстрирует богатство и разнообразие наименований такого рода. Важно подчеркнуть, что эти слова вызывают представления о других словах, связанных с ними ассоциативно.

Собранные вместе и надлежащим образом лексикографически обработанные, они представляют собой прекрасный эвристический материал.

В русских народных говорах также широко представлены слова и термины, обозначающие понятия и явления духовной культуры русского крестьянства XIX—XX вв. Не ставя перед собой цели привести полный набор относящихся сюда наименований, остановимся лишь на некоторых тематических сферах, достаточно широко представленных и в СРНГ.

Обряды. Свадебный обряд. а) действующие лица: шафер со стороны жениха (волк, дружка, дружко, святчий и т. д.); шафер со стороны невесты (рожник, кисница); дружка, шафер, который едет с приданым невесты (коробейник); б) крестная мать жениха (крюнька, посаженая мать); в) сваха (высват, сватья, сваха); г) участник свадебного поезда (бояры, дворяне, поежжане); д) этапы свадьбы: первый после рукобитья свадебный пир, на котором «пропивают» невесту (запой, пропой); е) вечер у невесты

накануне брака (девишник); ж) свадебный поезд; поезд княжеский; з) стол на второй день после венца с участием молодых: княжий стол, даровой стол, отводины; и) приданое: вина, вывод и т. д.; к) образные наименования времени, пространства, веса, количества, высоты, длины и т. п.: *куры*, *пение петухов* в знач. 'рассвета'; *богато* в знач. 'много'; л) бытовые названия: *залога*, *уповод*, *упряжка* в знач. 'отдых', 'перерыв в работе'; м) названия понятий, связанных с выражением вежливости, приветствий: *беленько вам* (при стирке белья), *море под коровой* (доярке), *тоненько-долгенько* (пряхе).

Все эти термины нуждаются в энциклопедических разработках. СРНГ так и поступает. Вот какие сведения содержатся в СРНГ в статье на слово *коляда* (*коледа*, *колида*, *коляда́*, *коледа*, *коля́да*). 1) 'В народном календаре — святки, рождество и все дни до крещения'. С этим значением слово известно в южных и западных частях России; 2) 'В народном календаре — канун рождества и крещения; сочельник'. Это значение употребительно в говорах Курской, Московской, Смоленской, Псковской, Калужской, Рязанской, Новгородской, Воронежской, Брянской губерний (областей). Там же были употребительны терминологические сочетания: коляда рождественская, первая коляда, другая коляда, коляда крещенская; 3) 'В народном календаре — церковный праздник — Лазарева суббота (канун вербного воскресенья)'; 4) 'Старинный рождественский и новогодний обряд, сопровождавшийся обходом соседей с песнями, за что хозяева одаривают колядующих деньгами и угощением' (Петерб., Перм., Сиб., Прикам., Ворон.); 5) 'Обрядовая песня, которая пелась в канун рождества, крещения, Нового года; припев в такой песне' (Вят., Влад., Олон., Сарат., Курск., Орл., Пенз., Пск., Твер.); 6) 'Угощение и деньги, получаемые за пение величальных песен и поздравление хозяев в канун рождества, Нового года, крещения' (Калуж., Новг., Курск., Орл.); 'старинная обрядовая игра с переодеваниями, песнями' (коляду *играть*) (Ворон.); 'последний день поста перед рождеством, когда обед и ужин подают одновременно, с восходом первой звезды, и обязательно готовят кутью'; 'свинья, забиваемая на рождество'; 'милостыня, подаяние'; 'дневной сбор милостыни нищими' (Смол., Твер.); 'остатки зерна, собираемого нищими и бедными людьми в осеннее время' (Смол.); 'сбор хлеба (особый) для духовенства' (Курск.); 'попрошайка' (Сарат.); 'мифическое существо, которым взрослые пугали детей' (Иркут.) и другие оттенки значения.

На семантическое значение таких слов оказали влияние мифологические представления, ритуальные и обрядовые действия, т. е. определенные фоновые знания носителей говоров.

В этой статье авторы затронули лишь некоторые аспекты, связанные с отражением культурно-исторического и этнолингвистического фона в диалектных словарях. Но и из рассмотренных материалов видно, что диалектные словари, отражающие словарный состав русских народных говоров различных регионов, дают возможность воссоздания существенных сегментов духовной и материальной культуры русского крестьянства XIX—XX вв.

В. В. КОЛЕСОВ

Слова литературного языка в диалектной речи
(4. Образ)

Этимологически **ob-raz-ъ* — это ‘вырез’ (чередование *rěz/raz*), т. е. нечто искусственно выделанное, может быть — посредством удара или ударов (*по-раз-ить*, *раз-раз-иться*), безразлично — *вы-раз-ительное* или *без-об-раз-ное*, но всегда заменяющее по внешнему облику образец, подлинник, натуру. Слово, скорее всего, является общеславянским, но в разных славянских языках оно получило различные значения, например у южных славян — лицо или щека (также и в северно-русских говорах, о чем речь пойдет ниже) или другие выразительные части лица, в западно-славянских языках — изображение, т. е. искусственное изображение лица.[1]

Сложность изучения истории этого слова по русским говорам заключается в том, что со временем, но не раньше XVII в., исконное восточнославянское его значение соединилось с литературным, книжным, пришедшим из церковнославянского языка, и теперь очень трудно их разграничить. Начать можно с установления тех образований (а следовательно, и значений слова), которые несомненно не являются диалектными (русскими), и с тех формальных признаков различения слов, которые определяют отношение к книжной лексике.

Несомненно, например, что *образ* ‘икона’ и производные (*образник* — место, где стоят иконы; *образница* — киот и т. д.), а тем более *образ* — ‘вид чего-либо’, — значения, для русского языка вторичные, как *образец* — ‘тип, разновидность чего-либо’. Первое пришло из церковнославянского, второе — из современного литературного языка. Такой вывод подтверждается и фактами вторичной номинации с помощью той же производящей основы. Так, во всех северных русских говорах (сюда относятся также псковские и новгородские) распространено слово *образно́й* или *о́бразный* (утиральник) и производное от него, уже указанное *о́бразни́к* — в значении ‘расшитое полотенце на образах’. Связь реалии с иконой, употребление определения *образно́й* при наличии

[1] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 106.

© В. В. Колесов, 1991

личнóй (утиральник для лица) и почти полное отсутствие собственно русского (исконного) ударения на корне (*обрáзник* записано только в Медвежьегорском районе Карельской АССР),[2] — все это подтверждает вторичность слова в народной речи. В Усть-Цильме Л. А. Ивашко (личное сообщение) записала: «Павлик на ево шибко-то находит, папа у нас очень óбразный» — в значении 'красивый, представительный', т. е. опять-таки связанный с неким эталоном красоты, изображенной «как на картинке». И здесь ударение слова указывает на вторичность слова, тем более что других записей в таком значении больше нет. Общее представление о выразительно красивом всегда присутствует при употреблении слова, контекстные его значения могут, следовательно, варьировать то, что лексикографы именуют «значением слова».

Образец в значении 'вид, разновидность, тип' записывается только с середины XX в. (примеров множество по разным говорам; очевидно, это результат вторжения просторечия в говор), тогда как прежде то же значение слова использовало иные словообразовательные модели, как бы «примериваясь» к новому для говора значению: в псковских говорах в большом употреблении слово *обрáзчик*, в говорах Карелии *обрáзанок* или *обрáзец* с русским акцентом; иногда разница между «резать» и «образец» как бы нейтрализуется в контексте, ср.: «Покажи, мама, им кусочек маленькой, обрáзанок полотенца холщова» (Кондопога, Карел.) — это не только «образец холста», но и «обрезок холста»; «Обрáзец дан, как шить» (Медвежьегорск., Карел.) также с исконным ударением, соединявшим представление о виде и вырезании (не случайно сохранение этих слов с исконным акцентом в портновской терминологии).

Древность (первоначальность) акцента на корне доказывает и сопоставление с другими восточнославянскими языками. В украинском, например, *óбраз* — изображение, картина, образ (икона), образ (подобие), лицо, тогда как *обрáза* — оскорбление (первоначально может быть ударом; возможно значение «личное оскорбление»), ср. и производные для восточнославянской формы: *обрáзливый* и *образли́вый* — оскорбительный, обидчивый, *обрáзливо* — оскорбительно; *обрáзли́вість* — оскорбительность и др.[3] Такие же отношения и в белорусском языке.

В. И. Даль также различал еще *óбраз* и *обрáз*: «*Óбраз* — вид, внешность, фигура, очертание (в чертах или в плоскостях); подобие предмета, изображение его», и «*Обрáз*, — *образéц* — вещь подлинная, истотная, или снимок с нее, точное подражание ей, вещь примерная, служащая мерилом для оценки ей подобных», другими

---

[2] Полные выборки даны по картотекам ЛГУ: «Псковского областного словаря» и «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (далее: Пск., Карел.).

[3] См.: *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1909. Т. 3. С. 24.

словами — модель.[4] Семантически все значения слова *образ*, представленные и Далем (род, вид, направление, сущность; способ, средство; образец, пример; порядок, устройство; портрет, подобие; икона), вторичны для русского языка; они возникли путем наложения на восточнославянское слово калькированной семантики слова из книжного славянского языка.[5] Характерны они и для современного русского литературного языка, в котором, правда, некоторые значения уже перенесены на производные (*образец*, *образа́*).[6]

Обра́з по акцентному типу является формой исконной, сохраняющей древнее восточнославянское ударение.[7] Дифференциация акцентом — первый формальный признак, которым можно воспользоваться в разграничении искусственно «книжного» и «природного» значений слова.

Вторым формальным признаком разграничения является грамматическая форма слова. Например, с прошлого века в говорах в сходных значениях записывается две формы глагола — *образить* и *образовать*; вторая из них несомненно вторична, поскольку в русском языке глаголы на *-овать* окончательно сформировались только к XVIII в.

В отношении к этим глаголам действуют сразу два формальных критерия разграничения, ср. у Даля *обра́зить* и *образова́ть*, более ранняя форма сохраняет и старое ударение. С тем же исконным ударением *обра́зить* находим и в старых записях диалектной речи, ср. в сводке 1858 г.: «*Обра́зить* — 1) нарядить в парадное платье (невесту обра́зили под венец); 2) оправить, привести в благовидное состояние. Дом обра́зили»[8] Другие записи из числа старых все связаны с южнорусскими говорами (курские, орловские, воронежские, калужские, рязанские, пензенские, тамбовские и др. с 1852 по 1966 г., см. картотеку «Словаря русских народных говоров», где такие примеры представлены в изобилии). Из примеров выявляется, что первое значение ‘нарядить в парадное платье’ оказывается случайно выделенным; речь идет об обряде зарученья, т. е. о «приведении в порядок свадебных дел», об окончательном сговоре; наряд и угощение в данном обряде — подробность второстепенная. Многие записи фиксируют внимание именно на этом, ср.: *образить* — привести в порядок: можно образить хату, детей, саму себя — «переоделась, перестала ходить в разорванной и

---

[4] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 2. С. 613—614.

[5] См.: *Колесов В. В.* Лексическое варьирование в Изборнике 1073 г. и древнерусский литературный язык // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 119—127.

[6] Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 355—358.

[7] См.: *Колесов В. В.* Ударение префиксальных имен в древнерусском и славянском // Studia Slavica. XXI. Fasc. 1—2. Budapest, 1975. С. 30.

[8] Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858. С. 152.

грязной одежде, купив новую на заработанные деньги».[9] Только в XX в. возникает колебание в ударении слова: *обра́зить* и *образи́ть* [10] — налицо вторичное воздействие со стороны литературного слова.

Изменение ударения и развитие новых значений слова связаны, очевидно, с появлением переносных значений слова. Недавние записи демонстрируют это. «*Образить* — привести в порядок; часто в ироническом смысле — обокрасть» (Орл.); [11] «съесть украдкою; лущить подсолнухи; убирать за обе щеки» (Моск.); [12] *образовать* — и образумить, и обмануть, и проучить.[13] Отсюда и новое просторечное *сообразить*, т. е. привести в порядок (путем обмана, уловки, хитрости); в толковых словарях нашего времени это значение показано уже как шутливое, видимо — вошедшее в речь через посредство просторечия.[14]

Образовать употребляется в единственном значении — благословить молодую чету на брак — образами.[15] *Образоваться* — помолвить, женить, дать клятву на брак и т. д.[16] Новое значение слова, связанное уже несомненно со словом *образ*(*а́*), пришло из литературного языка и является вторичным.

Еще более новым значением слова является распространенное во всех русских говорах: «возникнуть, проявиться, оказаться, появиться, наступить» и др. Оно записывается с 50-х гг. XX в., а в некоторых словарных картотеках оказывается очень распространенным. Вот несколько примеров из картотеки Карельского словаря ЛГУ: «три корзинки гумённые образовались кверху дном»-(-оказались), «У нас волк как образовался здесь в деревне, так всех поел овец», «она бежала и образовалась под машиной», «я нашел папироску: она у меня в кармане образовалась», «перед ним вдруг старичок образовался», «лошадь образовалась перед окнами», «я ладюсь за одного (замуж), а образуется за другого» (=окажется), «рись образовалась мертвой», «кавалер со мной не пошол, а этот образовался рядом» и мн. др., — все в указанном значении, общий смысл которого несомненно связан с формой проявления, «материализации» какого-то лица или качества. Такие же примеры можно найти и в картотеке Псковского словаря, и всякого иного

---

[9] *Резанова Е. И.* Образцы говора и мировоззрения крестьян . . . Суджанского уезда Курской губернии (Рукопись Словарного сектора Института языкознания в г. Ленинграде, № 124. 1915 г.).

[10] Фактически во всех записях, начиная с середины XX в.

[11] *Вуколов Б.* Село Луковец и другие Малоархангельского уезда (Орловской губ.) // Архив АН СССР, ф. 197, № 164/2 (1914 г.).

[12] *Глебин И. А.* Бронницкий уезд. 1897 г. // Там же, № 118/3.

[13] Ср.: *Немченко В. Н.* и др. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963. С. 187 — в архаических говорах, но то же и в старых записях, ср.: *Сахаров А. И.* Язык крестьян Ильинской волости Болховского уезда Орловской губ. // Сб. ОРЯС. СПб., 1904. Т. 68.

[14] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1982. С. 665.

[15] См.: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. С. 134.

[16] Уже достаточно рано, см. записи по тульским говорам в кн.: Труды любителей российской словесности. СПб., 1820. Вып. 20. С. 125.

современного диалектного словаря, и во всех них значение слова будет отражать современную просторечную норму.

Вторичность самого глагола *образовать(ся)* подтверждается и производным *образованье*; слово встречается во всех русских говорах, в том числе и в северных, ср: «Другой раз приходят родные жениховы — называется *образованье*: *образоваться* у нас — сводят снову навесту к жениху».[17] Ср. с этим новейшую запись в Сибири: «*образованье* — выкройка; вот вам надо, чтоб костюм лег хорошо на вас, по стану вашему, какой вы есть».[18] На первый взгляд кажется, что коренным образом изменилось значение слова, но это неверно; изменилось его назначение — оно не используется уже в устаревшем свадебном обряде, но значение его сохраняется неизменным: соотнесенность формы с моделью, устройство в определенном порядке, возникновение нового (качества) на основе прежних стандартов, — как ни скажи, все будет не очень точным, потому что на многих употреблениях слова трудно уловить семантическую доминанту собственно русского слова.

Характерно, что и в прошлом никакой связи с образами-иконами в момент «образования» — рукобитья крестьяне не видели, хотя в ритуале она присутствовала (благословение молодых образами); ср. два авторитетных указания такого рода: «В канун кануна свадебного жених приезжал к невесте с некоторыми из своих родственников, привозил гостинцы и подарки (в том числе обязательно мыло, которым невеста должна была на следующий день мыться в бане). После принятия подарков все вместе садились за стол. По словам человека, со слов которого я записал эти подробности, „образование“ не имело отношения к образам (иконам), что, впрочем, весьма странно».[19]

Вполне вероятно, что и в данном случае информаторы, давая оценку слову, смешивали значения слов *образить* — устраивать и *образовать(ся)* — благословлять(ся) в результате наложения двух культур — языческой и христианской.

Зато другое, распространенное в говорах, слово несомненно связано с исконным *обра́зить — обра́зина*, затем и *образи́на* — рожа, харя, уродливое лицо (Даль. Т. 2. С. 614). Любопытным образом изменялось и отношение собирателей к эмоциональным оттенкам слова: в середине прошлого века, записывая северно-русский говор, собиратель указывал, что *образина* — просто ‘лицо’,[20] но в других случаях уточняли: «неприглядное лицо»,

---

[17] См.: *Будде Е. Ф.* О говорах Тульской и Орловской губерний / Сб. ОРЯС. СПб., 1904. Т. 74. С. 16.

[18] *Федоров А. И.* и др. Материалы для общесибирского словаря (хранятся в картотеке Словарного сектора Института языкознания в г. Ленинграде — это записи 1970-х гг.).

[19] *Гарновский К.* Местные слова, записанные в Боровичском уезде Новгородской губ. (Рукопись Института русского языка, 1923—1928 гг.).

[20] См.: *Зырянов А. Н.* Язык у шадринских крестьян, 1856 г. (Архив АН СССР, ф. 216, оп. 4, № 140); *Лепорский А.* Слова и выражения . . ., употребляемые жителями в обыкновенных разговорах, собранные в Пермской

86372
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

«урод, обезображенное лицо»,[21] «дурное и смешное лицо»,[22] иногда просто «образ человека», т. е. жалкое его подобие,[23] «некрасивое лицо, дурная рожа»,[24] «слово бранное»,[25] в других комментариях и притом часто: «нехорошее», «ругательное», «неприличное», хотя несомненно исконным значением этого производного являлось отмеченное в курских говорах «большое безобразное лицо»; [26] именно такое значение впервые отмечено в диалектных записях: «*Образина* — большая, нехорошая рожа, лицо, как говорят: — *Эка образина*!» [27] То же значение, с обязательным указанием на величину (большое, значительное) см. и в других описаниях по южно-русским говорам.[28] Во всех случаях возникает и помета: «бранное слово», «с презрительным оттенком», «унизительное от *образ*», «харя, морда» и т. д. Иногда в современных говорах слово *образина* употребляется именно (и прямо) в значении «ненатуральное» выражение или состояние лица, ср.: «А красивый, образина красивая, она за нево и вышла» (Новоржевск. Пск); «образина-то у тебя какая грязная, помыть надо» (Пудож. Карел.) и т. д.; при этом *образина* не только и не столько лицо, так что и само слово отчасти колеблется в словообразовательном отношении, ср. в записях по Островскому району Пск.: „неплахой он был на образ, высокий», «не видывать яво о б р а з ц а тяперь» (т. е. лица или внешности) и т. д.

В целом можно сказать, что *образина* — выразительное, чем-то выделяющееся, как правило — крупное лицо, маска, ненатуральное обличие, нечто искусственное, непривычное, так или иначе связанное с понятием «красивый» или «некрасивый» (подобный переход от выразительного к красивому-некрасивому обычен в диалектной речи), в связи с изменением исходного значения слова, от нейтрального ‘большая н а к л а д н а я личина’ к бранному ‘отталкивающее лицо’; совмещению семантики слов *личи́на*, *образи́на*, видимо, способствовало и изменение ударения (от *обра́зина* к *образи́на*).

губернии Оханского уезда села Черповского, 1854. (Там же, ф. 216, оп. 4, № 79), и мн. др.

[21] См.: *Тиховидов А.* Словарь местных слов Вятской губ. 1848 (рукопись). (Там же. ф. 216, оп. 4, № 43).

[22] *Козлов Х.* Собрание простонародных слов // Тамбовские губ. ведомости, 1851. № 9. Отд. 3. С. 45.

[23] *Муллов П.* Дополнения к «Опыту областного великорусского словаря», рукопись Архива АН СССР, ф. 216, оп. 4, № 193.

[24] *Горелин Я. П.* Этнографическое описание Шуйского уезда и его окрестностей. Рукопись РГО, 6, 1, 73.

[25] *Преображенский В.* Тверской областной словарь // Тверские губ. ведомости, 1860. № 253. С. 85.

[26] По записям А. С. Машкина среди рукописей Архива АН СССР (см. ф. 216, оп. 4, № 93: «Местные слова Обоянского уезда» и др.).

[27] *Мудров А. Н.* Словарь сольвычегодских провинциальных слов, рукопись 1821 г. (хранится в Институте русского языка).

[28] См.: *Резанова Е. И.* Образцы говора и мировоззрения крестьян. . . *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973; *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, и др.

Соотношение производных форм прилагательного также показательно в выяснении последовательности изменения семантики исходного слова. «*Обра́зный* црк., стар. иноречивый, иноказательный, окольно выраженный. . .» (Даль. Т. 2. С. 614); *образо́ванный* — вторично и значило не всегда одно и то же, ср. «сделанный, сложенный или составленный» (Даль. Т. 2. С. 613; тут же и значение 'изображенный'), но также и 'развратный',[29] что может быть связано с исконным значением производящей основы.

Общая историческая последовательность морфологических, акцентных, стилистических и семантических переходов свидетельствует, с одной стороны, об органичности глагольной основы *образи-* в русском языке, с другой же — о постепенном изменении смысла слова, возникающем под давлением книжной культуры.

Внутренняя реконструкция по данным современных русских говоров в их развитии на протяжении полутора веков показывает, что «исходной» народной была глагольная основа *образи-ти* и, следовательно, общая «идея» слова-понятия воспринималась через глагол, выражавший действие, т. е. деятельность по украшению, обработке, отделке, достижению законченной выразительной формы или вида кого-нибудь или чего-нибудь. Движение мысли в отношении к образу совпадало с мыслью о лице как объекте двузначном: и подлинное лицо, и лукавая личина-обличье, т. е. и образ, и образина.

Наличие вариантов типа *образ*, *обра́за*, т. е. именно отглагольных форм, до XIX в. дополнительно свидетельствует в пользу того, что именно глагольная основа преобладала в древнерусском языке, а в связи с этим — что создание законченного понятия об «искусственном» лице по крайней мере до XIX в. было не закончено в народном говоре. Такое понятие возникло под давлением книжного слова *образ*, что и определило высокий ранг самого слова *образ* в современном литературном языке. Литературное *о́браз* — отвлеченное именование того же, что и народное, конкретное по своему значению *образина*, но с противоположной эмоциональной оценкой, с принципиально другим отношением к искусственному, надуманному, воображаемому. Чтобы такую противоположность представить себе нагляднее, сопоставим слово *образ* со словами *лицо*, *вид*, *подобие*, участвовавшими в формировании новой семантики слова *образ*(*ина*).

В русских говорах *лицо* — щека, морда животного, одна из сторон предмета, передняя часть прялки, основной цвет материи (фон), но самое главное, что определяет и переносные значения диалектного слова, — это указание на выразительную п о в е р х н о с т ь, т. е. и «общий уровень ч-л. по одной плоскости», и «поверхность наковальни», и «черная поверхность пива под пеной» и т. д.[30] *Лица нет* — что-то запачкано, скрыто под чужеродным

[29] *Вильер-де-Лиль-Адам В.* Деревня Княжая гора и ее окрестности. Этнографический очерк // Зап. РГО по Отд. этнографии, 1871. Т. 4. С. 261 (лужские говоры Петербургской губернии).

[30] Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Т. 17. С. 86.

слоем, затрудняющим восприятие.[31] Образ, создающий представление о «лице», тот же, что и в случае с *образиной*, которая также представляет собою закрытое грязью лицо.

На севере *лицо* (*личенье* и т. д.) — щека или скула, т. е. выдающаяся часть лицевой поверхности. ср. в Карел. (записи по Медвежьегорскому району): «Щеки дак лицо, а щека дак лицина», «Лицами вот по обе стороны от носа называется, два лица у человека», «Одна половинка — та лицо, а две половинки — так лицины, а все лицо — это мордашка», «Зимой морозы страшенные, у меня лица были заморожены», и др. Возможны и переносные значения, связанные с указанием на (принятый) внешний вид, ср. там же: «А заболеть недолго: не под личо оденешься, дак и простудишься», «Такая женщина противная — потеряла всякое лицо», и др. Характерно (хотя и неустойчиво по разным местностям) разграничение значений по акценту: *ли́цо дома* — фасад избы, выходящий окнами на улицу; *лицо́* — в указанном уже значении 'щека'.

Личина — бессовестное лицо, но также и внутренний замок у сундука или двери, верхняя часть прялки и др.[32] На севере *личиной* в отличие от *лица* называют выдающуюся часть щеки — скулу, верхнюю челюсть (примеры из Медвежьегорского района): «Две личины, а над личиной — это ягодица», «Какая же тут щека! Вот где щека, а тут личина называется!» «Личину, или ягодицу, засадила занозой — одно равно сказать!» *Личина* — что-то накладное, видоизменяющее внешний вид поверхности, ср. в Карел.: «Покойника нарежали, личину сделают: страшно́й он» (Каргополь). Новое для говоров слово *личность* также воспринимается в значении 'внешность', ср. по картотеке Псковского словаря: «Личность у нее все как у мужчины» (Новоржевск.); часты сочетания «Красивый на личность», «А просто в личность крепкая старушка», «Не портился цвет личности»и др. В конечном счете происходило (достаточно давно) перенесение признака 'вид' на слово *лицо*, первоначально таким значением не обладавшего. Подобное соотношение вполне возможно, поскольку и до сих пор в русских говорах севера *вид* — прежде всего 'зрение', и только производные (напр., *ви́де́нье*) обозначают 'вид' или 'лицо', но прежде всего 'глаза', так же как *видило* — 'зрачок', а *видимость* — 'наружность чего-либо'.[33] По данным Карел. картотеки, *вид* — либо 'зрение', либо 'способ обозрения', ср.: «Нету, желанные, виду-то в глазах, не видно ничего» (Вытегра), «Оба века потеряла, года три цетыре жила без виду» (Каргополь), но также и 'внешний вид' — «Виду, красы в ей много» (Кирилл.), «Я по видам вижу» (по приметам — Тихвин); «Говоришь в таком виде, что ничего не знаешь» (Кириши); «По всем видам видно»; «На этот вид» — (в обоих случаях «таким образом» — Онеж.). Но ср. вы-

---

[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же. Л., 1969. Т. 4. С. 273.

сказывание, записанное в Подпорожском районе, хотя и характерное для северной речи других мест: «Богородица явилась в живом виде», т. е. в о б р а з е живого человека. Обратим внимание на контексты, в которых происходит совмещение значений слов *вид*, *образ*, *лицо* (*личность*): это «культурные тексты», не связанные с «простым разговором» деревенского жителя. Естественно, что, как только разговор выходит за рамки бытового общения, сразу же возникает и необходимость в употреблении «культурных слов», хотя значение их воспринимается сквозь призму наличных диалектных слов. Отсюда многочисленные смешения в семантике, которые собиратель воспринимает как наложение со стороны литературной лексики или как новую, характерную для говора, многозначность общерусского слова. Детальные подробности состоявшихся совмещений как лексического, так и семантического плана можно наблюдать только непосредственно в поле, только в границах данного говора, — более крупные сопоставления окажутся сдвинутыми и не оправдают лингвистического анализа. Поэтому и в данном случае выводы могут быть только предположительными, основанными на общей совокупности всех имеющихся в нашем распоряжении данных.

Последовательность появления прилагательных косвенно указывает на постепенное изменение семантики слова *лице*: *личнóй* и *лицевóй* соотносятся по признаку «относящийся к лицу» (*личнóй*, *личнóе полотенце*) и «лицо (переднюю часть предмета) составляющее» (*лицевóй*, *лицевы́е мускулы*). Таково и обычное соотношение прилагательных, образованных с помощью суффиксов *-ов* и *-н*. Исконная акцентовка производных от подвижноударной основы была наконечной, поэтому ударение *личнóй* и *лицевóй* — самые древние. *Ли́чный* вторично по ударению, *личневóй* — по суффиксу; *ли́чный* — «к особе, человеку относящийся», *личневóй* — «о ткани или иной гладкой поверхности» (Даль. Т. 2. С. 258). Отвлеченность признака, передаваемого этим прилагательным, вторична уже в отношении к конкретному *личнóй*, *лицевóй*. По свидетельству Даля (там же) *лицева́ть* — «придавать вещи красивый наружный вид, чистить, гладить, ровнять с лица», т. е., другими словами, также *обра́зить*, но не в отношении фактуры и объема, а лишь в отношении к наружной поверхности. Развитие понятия о лице проходило последовательные этапы «снятия» признака с «лица» и отстранения его от данного, конкретного, вполне определенного лица; стало возможным совмещение ‘лица’, как поверхности, с ‘видом’, как способностью эту поверхность увидеть, с ‘образом’, который также воспринимался в его условной (предполагаемой, не конкретно чувственной) конфигурации, и тогда-то возникла дополнительная необходимость разграничить положительные или отрицательные степени того, что «увидено».

Так и между словами *образ* и *лицо* постоянно существовало различие, на которое некоторыми контекстами указывает тот же Даль, ср.: «*Где лицо*? где наличное или поличное, что найдено» (Даль. Т. 2. С. 258). Реально существующее, действительное,

подлинное все-таки связано со значением *лица*; *лицо* всегда конкретно, его «ищут», т. е. определяют степень достоверности в отношении к подлиннику. *Образ* же только п о д о б и е лица, подражание ему, вот почему после XIV в. одно из значений слова *лицо* 'маска' фиксируется в производном *личина*, ср. в цитате из памятника XIV в.: «*Лице* добро без ума *подобно* есть скомрашину, якоже бо и скомрахъ, аще и *злообразенъ* будеть, но *личины* красны имать, тако и сь.» [34] Скоморошье лицо ложно и лживо, поскольку, даже и безобразное, оно скрывается за красивой маской и кажется красивым. «*Личина* — накладная рожа, харя, маска» (Даль. Т. 2. С. 259). Она украшает так же, как и образ, но личина в отличие от образа существует материально; это не превращение в другое качество, но только подделка под это другое качество. Отношение к личине также иное, чем к образу: недоверчивое, с подозрением в ее истинности и искренности, тогда как образ — подлинное, не скрывающее за собою ничего ложного. Прошедшие через тексты разного стилистического достоинства, оба слова стали выражением одного и того же понятия в различиях по их качеству: *образ* — высокое и благое, тогда как *личина* — низкое и дурное. Таково различие между полным перевоплощением и кажущимся подражанием. *Каким образом* — каким способом; *какой личиной* — каким выражением, не больше того.

В древнерусском тексте важно и указание на *подобие*. Подобно лицо, а не образ. «*Подобие* — сходство, согласие, одновидность, схожесть. . . *церк. стар.* — удобный, своевременный, кстати; должный, приличный, пристойный: достойный. . . *подоба* — *церк.* естественная потребность, побужденье. . . *подобень* — *Южн.*, *Ворон.* поличие, портрет, образ // снимок с чего-л.» (Даль. Т. 3. С. 191). Различие между русским и церковнославянским, между *образом* и *подобием* вполне очевидно: в славянском *подобное*, в соответствии с этимологическим значением производящей основы, — удобное и необходимое, тогда как в русском языке (и по говорам тем более) *подобное* — сходное, а следовательно, и имеющее степени ценности. Для русского языка *подобие* — почти то же, что и *образ*, т. е. обязательно сходство с оригиналом, отрицательные признаки проявления нежелательны.

Разницу между образом и подобием полнее покажет исторический экскурс.

Как можно судить по старославянским переводам с греческого, слово *образъ* вступало в эквивалентные связи по крайней мере с десятком греческих слов, причем некоторые из них одновременно дублировались другими славянскими словами, ср.: εἰκών и τρόπος передавались также словом *видъ* (которое, как и *видѣние*, чаще всего соотносилось со словом εἶδος или ἰδέα, εἰκών со словом *тѣло*, ὁμοίωσις — словом *подобие*, τύπος — словом *знамение* или *обличье*). По уточнениям, распространениям в текстах, по глоссам можно понять, что *образъ* — *явѣ же есть*: то, что проявляет смысл, изо-

[34] Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Т. 8. С. 257.

бражает невидимое, воплощает духовное и т. д., т. е. является внешним знаком выражения сущности, иначе не постигаемой.[35] Когда древнеславянский переводчик использовал слово *образъ* в значении 'написание' (Сказание о преложении книг в Повести временных лет) или выразился таким образом, что «писмены въобразовано въ камени» (в переводе Апостола), — он материально выразил идею передачи «невещественной информации» посредством материального знака — буквы или надписи на камне. Здесь несомненна еще связь слова с этимологическим его значением: вырезать, выбивать ударом. Однако первоначально ни *образъ*, ни *подобие* никак не соотносились с философскими понятиями типа *ипостась* (термин *собьство*) или *физис* (термин *естьство*). Само сочетание «по образу и подобию», очень распространенное в древнерусской письменности, является переводом греч. τὸ εἶδος καὶ ἡ μορφή 'по виду и по форме', т. е. по красоте и порядку, и восходит к Аристотелю. В совместном употреблении этих слов указывается то, что видно, противопоставляясь общему принципу формы. Первоначально вид и форма не различались, во всяком случае у восточных славян, и *образъ* понимался как *тѣло*,[36] иногда как круг, как объем. У Кирилла Туровского в XII в. «аще бо и нарицаеться ч(е)л(о)в(е)комъ (Иисус), то не о б р а з о м ъ, но п р и т ч е ю, ни единого бо п о д о б и я имѣеть ч(е)л(о)в(е)къ б(ож)ия», т. е. лишь иносказательно Иисус похож на человека, но не видом, потому что никак на человека не похож, а неким сходством.[37] У Кирилла *образъ* — всегда либо 'вид', либо 'символ', поэтому и сочетания слова у него всегда однообразны: я в и л с я — образом человеческим, животным, рабьим, иноческим, мнишеским и т. д.; о б р а з — крещения, ветхого закона, пасхи, тернового венца и т. д. Внешнее изображение становится символом чего-то иного, иначе не постигаемого; *образъ* — модель познания, образец, эталон средневековой гносеологии. Такова исходная точка семантического развития нового для восточных славян слова — *образъ*.

«(Бог создал) о б р а з и р а з н о л и ч н и и въ чл вчьскыхъ л и ц и х ъ. Аще и весь миръ съвокупить, не все въ единъ о б р а з ъ, но кыи же своимъ л и ц ъ о б р а з о м ъ» (Лаврентьевская лет., 1377 г., л. 79б). Здесь несомненно говорится о виде, облике лиц, т. е. о конкретном их проявлении, воплощении, предъявлении. Все древнерусские переводы непременно согласуют употребление слова *образъ* со словом *лице* — в отличие от церковных текстов, для которых важно философское осмысление «образа и подобия»; ср. в переводе Повести об Акире Премудром «мужь о б р а з о м ъ с л и ч е н ъ мнѣ» или в переводе Девгениевых дея-

[35] Подробности и материал с указанием источников см.: *Колесов В. В.* Лексическое варьирование в Изборнике Святослава 1073 г. . . // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.

[36] *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л., 1963. С. 276, 302, 436 и др.

[37] Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858. Т. 2. С. 131.

ний обращение богатыря к девушке: «въборзѣ приклони л и ц е свое ко оконцу и покажи о б р а з а своего велегласного» — красивое выражение лица. Вообще при изучении истории отдельного слова важно установить правила сочетаемости этого слова с другими, может быть и однозначными: именно через литературные «штампы» и получала разговорная речь новые значения известных слов (в них же, в подобных штампах, дольше всего и сохранялось исходное значение слова). В самых ранних, переводных древнерусских текстах и основанных на них церковных обычным является выражение «образъ житья», тогда как собственно древнерусские переводы чаще используют сочетание «образъ лица»: написать, изобразить, выразить — *образъ лица его*. «Измѣнися образъ лица его» — такое же указание на выражение лица; сочетание попало и в летопись, ср.: «Аньдрѣи же то слышавъ от Михна, и бысть образъ лица его попуснѣлъ» (Ипатьевская лет., 1174 г., л. 203 об.).

Подобие в древнерусских переводах понимается как *притча* — иносказание, символ. В древнерусском переводе Пандект Никона Черногорца в сравнении с переводом (или редакцией) того же текста, сделанного в Болгарии, мы неоднократно найдем соответствие русскому *притча* — болгарское *образъ* или *подобие*. В древнерусском переводе Космографии Козьмы Индикоплова книжному выражению «образ и подобие» соответствует «притчя и образъ», ср.: «Суть убо явлени образи подобия коего вещи» — внешнее сходство неких вещей, понимаемое как проявление такого сходства.[38] В этом переводном тексте древнерусские книжники совершенно отчетливо показали свое понимание образа: *образъ* — вид, видимость, наружное проявление чего-то, ср.: «и небеси круглообратенъ образъ даруя» (л. 180), т. е. видимость движения небесной сферы, и т. д.

Слову *образъ* в значении ʻсходство' в древнерусском языке долго предпочиталось слово *подобие* («подобие иконное» и др.). В Хронике Георгия Амартола находится много древнерусских глосс, из которых, между прочим, выясняется: «история рекше образница», «скиму рекше образъ» (как замена для греч. σχῆμα), «иконии рекше образьникъ» и др.[39] при переводе с греческих слов *исторія*, *схема*, *икона* — во всех случаях *образ* — то, что изображает, нечто выражает, передает: прежде всего — символ. *Образ* как ʻвнешность' фиксируется достаточно поздно, причем в переводе того же слова σχῆμα, которое обозначает все-таки форму: «Идола образъ украшаетъ, а мужа дѣянья» (в переводе афоризма из Плутарха).[40] Требуется дополнительное слово, которое способно подчеркнуть к р а с о т у того или иного образа, выделить эту сторону изображения. Некоторые из древнерусских контекстов иногда невозможно передать на современный язык достаточно

[38] Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886, л. 147, 8.

[39] *Истрин В. М.* Книги временьныя и образныя Георгия мниха. Пг., 1922. Т. 2. С. 165, 188, 205, 208 и др.

[40] *Семенов В.* Древнерусская Пчела по пергаменному списку XIV в. СПб., 1893. С. 8.

точно. Так, в московской редакции «Чина свадебного», созданной в начале — первой половине XVI в., неоднократно говорится о ритуальном поклоне на все четыре стороны, которые делают свахи, дружки жениха и невесты, жених и невеста, ср.: «А сваха бы встала, а в тѣ поры ничево свахе не говорить, и из-за стола свахе не выходить же, и кланятися образомъ на все четыре стороны», «А на крыльце друшку стрѣтит друшка ж, а какъ войдетъ в ызбу и кланяеться образомъ на 4 стороны и говорит тестю: — А государь велѣлъ челом ударити. . .» и др.[41] Когда ниже говорится о дарах крестами и образами, — ясно, что речь идет об иконах; в приведенных же примерах трудно допустить, что дружка, только что сошедший с коня, обращается на все стороны с иконой в руке, которой до этого у него не было. «Кланяется ликом»? Также маловероятно; поэтому можно допустить, что в синкретизме значения нового для московского быта слова присутствует, кроме неизвестных нам, еще то значение, которое сопоставимо со словом «способ, образ действия» — действующее лицо кланяется, к а к п о л о ж е н о, на все четыре стороны.

Сводя теперь воедино различные формы выражения одного только этого смысла — «таким способом» — мы можем установить последовательность в смене лексем, обслуживавших понятие о способе действия (именно действия, поскольку древнерусская глагольная основа *образи-ти* могла совмещаться лишь с выражением действия): *разноличь* (напр., в переводе Козьмы Индикоплова) — *различными образы* (также сначала в переводах, а затем и в оригинальных древнерусских текстах, прежде всего — в летописях) — просто *образомъ* (как в тексте Чина свадебного). Постепенно происходило как бы «впитывание» в семантику нового слова привычных значений славянской («местной») лексемы, причем *разноличное* конденсировалось в *различное* и первоначально сопутствовало как определение употреблению нового слова, а затем оно могло попросту опускаться, потому что характер самого действия описывался в контексте («на 4 стороны», например).

Как можно судить по некоторым замещениям слов в древнерусских текстах и их списках, *видъ*, *видѣние*, в отличие от *образа*, представляют собою только «лицевую» часть изображения, именно потому на месте греч. ὄραϲις возникает чередование слов типа *зракъ — възоръ — видѣние*, но также и на месте греч. εἶδος *зракъ — видѣние — образъ*: «то, ч т о можно видеть» и вместе с тем «то, ч е м можно видеть». Из амбивалентности смысла возникает впоследствии и философское значение слова *видъ* как ‘идея’, *видъ* как частное в отношении к роду; в обоих случаях эти значения взаимопроникаемы, отношение «субъект — объект» или «часть — целое» можно передать только подобными им словами, выражающими разные стороны все того же (одного и того же) объекта. Εἶδος, σχῆμα, μορφή как синонимы в значении ‘внешняя

[41] Чин свадебный // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 180 и др.

форма' лучше всего (точнее с точки зрения славянского языка) передаются словом *образъ*.[42]

Перевод Козьмы Индикоплова показывает, что *видъ* всегда связан с *лицом*, тогда как *образъ* воплощает их обоих: «ины же вся вои на лица, ли вещи, ли образы» (л. 128); с одной стороны, «земля кругловидна» (л. 149) в пространственном измерении, потому, в частности, возможно и выражение «на лицы земля» (л. 36), тогда как жизнь и небо — «круглообратны» (лл. 134, 140, 154) — а это передает идею движения, неразмещения в пространстве; ср. с этим приведенное уже «небеси круглообратень образъ даруя» (л. 180), из чего следует, что и *образъ* — также вид, но уже в новом качестве, связанном не с простым размещением в пространстве, а с перемещением во времени постольку, поскольку «круголъ образъ п о д р а з у м Ѣ в а я й» (л. 41). В любой вариации текста для древнерусского книжника характерно восприятие образа — как символа вещи, модели ее, образца; ср. русскую и болгарскую редакции Пандект Никона, в которых русскому *вещь* или *смотрение* (т. е. собственно *видъ*) последовательно и часто соответствует болгарское *образъ*. Так и должно быть, потому что восточноболгарское значение слова очень долго не принималось древнерусскими книжниками. Одновременно происходило последовательное и упорное совмещение заимствованного слова *образъ* со значениями «русского» слова *образ-ити*. Если для болгарского переводчика статьи Хировоска «О образех» σχῆμα поэтическая фигура есть одновременно и *видъ*, и *образъ*, древнерусский справщик нашел бы иной способ передать название этого тропа или сохранил бы только термин *видъ*.[43] Для него внешняя форма проявления и вид (тип) чего-то существовали в совместном восприятии, и их не следовало смешивать.

Аналогичным образом можно показать и противоположность образа лицу (и мы приводили примеры, способные это подтвердить), причем окажется, что, несмотря на близость значения, *видъ* всегда — впечатление от л и ц а, т. е. другими словами, — его о б р а з. Новое столкновение смыслов могло идти и по другому пути — при оценочной характеристике увиденного: *вид* или *лицо* могут быть добрыми, красивыми, выразительными и т. д., но *образъ* — свободен от такой характеристики, потому что положительность идеальной модели попросту не допускает никакой оценки по качеству. Осталось сказать, что и *лицо* — происхождением своим связано с глагольной основой, подобно двум другим словам: *образъ* и *видъ*. *Лицо* — первоначально внешняя сторона чего-то, следовательно — уже не образ; но значение «делать (быть) явным» в нем является исконным. Но таково же исходное значение каждого слова, рассмотренного в этих заметках: нечто

---

[42] *Weiher E.* Studien zur philosophischen Terminologie des Kirchenslavischen // Die Welt der Slaven. 9. 1964, Hf. 2. S. 163.

[43] *Вагнер Г. К.* Статья Георгия Хировоска «О образех» в Изборнике Святослава 1073 г. и русское искусство XI в. // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 144.

представлено как «явное», как вещь, затем значение слова сужается до обозначения «внешней стороны» этой вещи, в случае с *лицо* — с лицом, с лицевой стороной. Попутно прорабатывается и значение 'сторона' (для слова *образъ* — в Чине свадебном).[44]

Сжатость исторического комментария, возможно, не помешает читателю понять, для каких целей он здесь приведен. Оказывается, что семантическое развитие слова *образ* в русском языке повторилось дважды: в древнерусских текстах в общей последовательности своих значений оно входило в систему языка на основе тех же самых принципов семантического сближения и по тем же причинам, что происходит и сегодня в диалектном слове, но уже под давлением собственно русского литературного языка. Диалектная система повторяет путь, пройденный «общерусским» литературным языком, и это облегчает работу над словом. Однако в известном смысле это характеризует и само слово *образ*.

---

[44] См.: *Звегинцев В. А.* Семасиология. М., 1957. С. 247—250.

И. А. ПОПОВ

Лексико-семантическая группа наречий со значением «спустя некоторое время, по прошествии какого-либо времени, после, потом»

Исследование словарного состава русских народных говоров идет в основном по двум направлениям — по линии установления общих закономерностей и тенденций его развития и по линии углубленного изучения отдельных его звеньев — лелексико-семантических групп. Оба эти направления научного поиска тесно между собой связаны и взаимно обогащают и дополняют один другой.

Словарный состав русских народных говоров представляет собой обширный запас диалектных слов, их вариантов. Необъятность его для изучения сразу во всем объеме [1] давно побудила исследователей проводить детальное изучение его по частям.

Особое распространение получило исследование диалектной лексики по лексико-семантическим группам, представляющим собой объединения слов с близкими или тождественными значениями.[2] Это касается всех слоев диалектной лексики, в том числе и наречий. При том, что история формирования каждой из таких групп подчиняется общим закономерностям развития языка, история формирования каждой из них неповторима, глубоко индивидуальна и потому достойна специального изучения.

Предметом изучения в данной статье является одна из многочисленных лексико-семантических групп наречий (в дальнейшем — ЛСГ) с общим значением 'спустя некоторое время, по прошествии какого-либо времени, после, потом' — ее состав и ареалы слов, характер вариантности, соотношение с литературным языком, история формирования. Материалом послужили те же источники, что и в других статьях о наречиях, опубликованных в серии исследований «Диалектная лексика».[3]

[1] *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., С. 517—518, 608; *Толстой Н. И.* Опыт типологического исследования славянского словарного состава // ВЯ. 1966. № 5. С. 18.

[2] *Филин Ф. П.* О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957. С. 525, 537.

[3] См. напр.: *Попова И. А.* Наречия и наречные сочетания со значением временной координации в пределах ближайших суток // Диалектная лексика. Л., 1979. 1982. С. 29—49.

© И. А. Попов, 1991

А. Наречия в русских говорах XIX—XX столетий

В современном русском литературном языке в состав данной ЛСГ входит сравнительно небольшой ряд наречий и наречных сочетаний: потом, после, позже, попозже, позднее, впоследствии, в дальнейшем, со временем, когда-нибудь потом [4] и нек др. К ним примыкают наречия просторечные ужо, ужотка и группа диалектных наречий.

Семантически названные наречия не все равнозначны и позволяют выразить тонкие смысловые оттенки общего значения ‘потом’. Так, наречия после, потом выражают самое общее значение — ‘не сейчас, а спустя некоторое время, по прошествии какого-либо времени’.[5] Другие его конкретизируют: «слово попозже употребляется в тех случаях, когда хотят указать, что что-либо будет иметь место сравнительно скоро, в недалеком будущем; впоследствии и в дальнейшем подчеркивают, что что-либо произойдет, случится, будет иметь место через значительный промежуток времени».[6]

Эта семантическая палитра является общерусской. Специфика диалектного материала заключается не в семантическом разнообразии слов, а в расширении самой группы за счет главным образом диалектных вариантов некоторых общерусских наречий, семантического своеобразия некоторых из них, а также небольшого круга собственно диалектных слов. В целом, если учесть индивидуальные фонетические, акцентологические, словообразовательные, а также лексико-семантические особенности этих слов, складывается такая структура данной ЛСГ: 1) диалектные варианты, соотносительные с общерусским наречием после; 2) диалектные варианты, соотносительные с общерусским потом; 3) семантические диалектные варианты с корнями зад-, перед-; 4) группа собственно-диалектных наречий. Рассмотрим их подробнее.

I. Диалектные варианты, соотносительные с общерусским наречием после.

К числу наречий, представляющих собой фонетические, акцентологические или словообразовательные варианты общерусского после, относятся следующие.

1. Бесприставочные образования на я, яя и наречие послев. Послѧ. Я переж обмолочу гречуху, а после примусь за овес. Спас. Казан. (Фанагорский, 1855, Доп. Оп., 1858). После ужо я приду к тебе. Вят. (Васнецов, 1907). Приходи после. Варнав. Костром. (Марков, 1899). Это было после. Нижегор. (Марков, 1914). Онеж. Арх. (Верюжский), Покр. (Чернышев, 1910), Юрьев-Польск. Влад. (Торлин, 1968), Клин., Моск. (Чернышев, 1910), Кашир. Моск. (Монаенкова, 1946—1947), Твер. (Дурново, 1904—

[4] Словарь синонимов русского языка. Л., 1971.
[5] Там же.
[6] Там же.

1914). Ета посля снесем. Славк. Пск. (Максимов, 1957). Мещов. Калуж. (Косогоров, 1916). Иван-травник еще не был, он посля бывает. Мы разобьем, она уж посля придет. Ряз. Ряз. (ССРНГ). Посля скажу. Зап. Брян. (Расторгуев, 1957), Балаш. Сарат. (Адливанкин, 1954). А ты отдай посля. Ульян. Чердакл. (Алексеев, 1952). Урал (Бирюков, 1934). А я почем знаю: мне копну надо посля. В-Кет., Сперва мы сеяли ячмень, посля рожь стали сеять. Тег., Зыр., Крив. Том. (Том. сл.). Посля я приду к тебе. Г. Таштып Хакас. Краснояр. (Андреева, 1967), Сиб. (Королев, 1968).

Ср. также в роли наречного предлога: теляшом (нагишом) убегли посля пожару. Ряз. (Будде., 1892). А дед Гаврюшка посля время нагоняет меня на лошади. Ряз. (ССРНГ). Поливай мои цветочки частенько, Утренними да вечерними зарями, Посля того да горючими слезами. Орл. (Иваменко, 1905). Посля дождя грыбы растуть. Посля обеда в лес пойду. Дубен. Тул. (Филин, 1933—1960). Посля спирту, посля водки. Сосновоборск. Пенз. (Зелепукина, 1956). Посля Роштва. Нижнедев. Ворон. (Поликарпов, 1893). Посля колхозов. Чердакл. Ульян. (Алексеев, 1952). Колея на дороге посля телеги. Новоржев. В животе так и гурчи посля гороху. Пск. Пск. (Гомонов, 1968). На овсище овес сеяли, посля овса опять под рожь пашут. Шег., Асин. Том. (Том. сл.). Посля войны мы плохо жили. Новосиб. (Федоров), Сиб. (Королев, 1968).

Посля́я (паслия́). Землян., Задон. Ворон. (Тростянский, 1916).

По́слев. Лужск. (Вильер-де-Лиль-Адам, 1871). Послев то я уж спохватился, да было поздно. Ямбург. Петерб. (Иваницкая). Пск. (Конашева, 1914—1918).

Ср. после(и)в в роли предлога: послев сушки. Старорус. Новг. (Слов. карт. ИРЯЗ, 1946). Послив дожжа в выбоинах вода стоит. Пск. (Гомонов, 1968). Сиб. (Королев, 1968 — с примеч.: «архаические говоры»).

2. Наречия с приставками о-, на-, по- (с изменениями в звуковом составе слова): опосле (опо́сле, опосле́, о́после, опо́сли, опосли́ о́посли, опо́сль, опо́сля, опосля́), на́после, поопо́сле. Приведем соответствующие материалы.

Опо́сле, опосле́ и о́после ‘после, потом’. Опо́сле, опосле́: Волог., 1822. Ужо опосле побаем, а тожде мне недосуг. Ты опосле приходи. Волог. Арх. Опосле пойдет родимая матушка. Пск., Киреевский. Опосле́: Осташк. Твер., 1855. Южн., Мещов. Калуж. Опо́сле: Перм., Тихв. Новг., 1852. Новг., Прионеж., Пудож. КАССР. На решете опосле одни осевки остаются. Калин., Моск., Влад., Костром. Опосле не певала. Нижегор., Вят., Киров. Ране по суседству две лекарки жили — женщины, которы травы лечебны собирают, да лечат опосле. Перм., Вост., Урал, Зауpал. Ладно, опосле. Курган, Сиб., Тобол., Новосиб., Том., Кемер. О́после: Костр., Даль (рукоп. СРНГ). Ср. в роли предлога «позже кого-, чего-либо, вслед за кем-, чем-либо». Опо́сле, опосле́: Волог., 1822. Опо́сле: Вост., Даль. Опосле его я ушел. Сев. Двин., 1928. Опосле отца кормились. Новг., Ленингр. Опосле́: Южн., Даль. О́после: Костром., Даль (рукоп. СРНГ). Опо́сли, опосли́ и о́посли. О́посли:

Кинеш. Костром., 1846. Опóсли: Дмитров. Моск., 1904. Калуж., Курск., Дон., Волог., Иркут. Опóсли и опослú: Пск. Пск., 1902—1904. Пск. Опóсли: Мещов. Калуж., 1910 (рукоп. СРНГ). Опóсль. Брон. Моск., Архив АН (рукоп. СРНГ).

Опосля́, опóсля и óпосля. Опосля́: Нижегор., 1840. Вят. Опосля придешь. Киров. Опосля смирились с Чурилом, да и свататься вместе ходили за двух девок. Печора и Зимний Берег. Сев.-Двин. Опосля досталось караулить середнему брату. Арх., Афанасьев. Олон., Онеж. КАССР, Петерб., Новг., Волог., Иван., Влад., Яросл., Твер. Не пошла (замуж), почванилась, опосля спокаялась. Твер., Калин., Пск., Смол., Зап.-Брян., Моск., Калуж., Тул., Курск., Орл., Ряз., Тамб., Пенз., Симб., Казан., Куйбыш., Сарат., Рост. Наплачешься опосля у меня. Дон., Терск., Краснодар., Кубан., Ставроп., Сталингр., Урал., Перм., Свердл., Челяб., Курган., Сиб., Тобол., Омск., Семипалат., Новосиб., Том., Кемер., Енис. Енис., Забайкал., Иркут., Верхнелен., Алт. Слов. Ушакова с пометами «простореч» и «обл». Опосля: Морш. Тамб., Стандровский, Архив РГО. Опосля: Кем. Арх., 1910. Курск. (рукоп. СРНГ).

Ср. опосля́ в роли предлога ‘позже кого-, чего-либо, вслед за кем-, чем-либо’. Перм., 1856. Вят. Опосля мясной каши подали ржаной кисель с суслом. Волог. Петерб. Опосля его и не была. Опосля обеда-полдня. Пск. Смол. Пришел опосля всех, ничего не досталось. Тул. Эту свадьбу сыграли опосля нас. Ряз., Тамб., Курск., Пенз., Казан., Сталингр., Краснодар., Кокчетав., Омск. Опосля пермянок пошли плуга воронежские. Новосиб., Кемер., Краснояр. Енис., Забайкал., Кедабек. Азерб. ССР (рукоп. СРНГ).

Опося́. Арх., 1885 (рукоп. СРНГ).

На́после и напóсле. На́после: Напосле отдать ему деньги. Смол., 1914. Напóсле: Даль (без указ. места). Ее раньше зазывали одерчик, а напосле расшивками. Том., 1964. Сиб. (СРНГ). Напосле на ветродуйке очищают, в ветру их больше. Кемер. (Том. Слов.).

Ср. в роли предлога ‘после чего-либо’. Напосле всех встал. Смол., 1914 (СРНГ).

Поопóсле: Вторая приставка — по- вносит оттенок ограниченности временного промежутка до совершения действия. Садись чай пить! Да я поопосле. Осташк. Калин. (Копорский, 1946 — ‘после, несколько попозднее’).

Ср. также в роли предлога: Она поопосле ерша ходит. Осташк. Калин. (Копорский, 1946).

3. Наречия с приставками о-, на- и суффиксами -ей, -ея, -яе, -ейше, -еича, -ев: опóслей (опослéй), опóслея, опосля́е, опослéйше, опослéича, опóслев.

Опóслей и опослéй: Свердл., 1971. Опóслей: Урал., 1930. Опослéй: Пазобник, он вперед поспевает, а клубника опослей. Орл., 1940—1950 (рукоп. СРНГ). Опóслея: Малоарх. Орл., 1852. Орл. (рукоп. СРНГ). Опосля́е: Во слезах она (Маша) дружка не узнала, разбестией назвала. Опосляе дружка стало жалко, за ворота выхожу, без отуду дружку кричу: Воротися, мой милой, распро-

стимся мы с тобой. Звениг. Моск., Киреевский. Задон., Землян. Ворон., 1916 (рукоп. СРНГ). Опосле́йше: Новос. Тул., 1902. Орл. (рукоп. СРНГ). Опосле́ича: Малоарх. Орл. (Опыт, 1852). Опо́слев. Пск., Осташк. Твер., 1855. Твер. Луж. Петерб. (рукоп. СРНГ).

4. Ряд диалектных наречий, соотносительных с формами склонения существительных с предлогами в (в опосли́), на (напосля́х), о (опосля́х) (опо́слем).

В опосли́: Ластушка по ветиньям летала, Об ветинье крылушки оббивала, В опосли по крылушкам тужила. Дмитр. Орл., 1905 (рукоп. СРНГ). Напосля́х: Шадр. Перм. (Миртов, 1930). Опосля́х: Север., Даль. Арх., Новг. (рукоп. СРНГ). Опо́слем: Перм., 1858. Свердл. (рукоп. СРНГ). Ср.: К опо́слему. На после, на потом, на будущее, про запас. Перм., 1858. Это я оставлю к опослему. Свердл. Надо оставить хлеба и к опослему. Том. (рукоп. СРНГ).

5. Наречия с корнем послед-: после́дь, последи́, опосле́д, опоследи, опоследя́х (опослядях).

После́дь: Киров. (Гринкова, 1948). Последи́: Арх. Холмог. (Грандилевский, 1907). Опосле́д: Сперва губ мало было: дождики стали и опослед шибко много путников росло. Соликам. Перм., 1973 (рукоп. СРНГ). Опоследи (удар.?): Орл., 1860 (рукоп. СРНГ). Опоследя́х: Холмог. Арх. (Грандилевский, 1907 — «в конце всего, после всего, последним»). Опослядя́х: Мезен. Арх., 1885 (рукоп. СРНГ).

Как показывают приведенные материалы, по степени территориальной распространенности наиболее широкие ареалы имеют наречия посля, опосле, опосля. Поэтому некоторые из них характеризуются словарями не только как областные, но и как просторечные. Ср. опосля «простореч., обл.» (Ушаков), «обл. и прост.» (СлРЯ), «простореч.» (ССРЛЯ), «просторечное слово» (ССРЯ). Отсюда достаточно широкое проникновение этого наречия в язык художественной литературы как стилистического средства речевой характеристики людей из народа.

II. Диалектные акцентологические и словообразовательные варианты, соотносительные с общерусским потом.

1. Наиболее близок к общерусскому потом вариант с переносом ударения на первый слог — по́том. Такое произношение отмечено в некоторых воронежских говорах (Нижнедев. Ворон., Поликарпов, 1893), в Словаре П. А. Расторгуева (1973) по говорам Западной Брянщины, в некоторых русских говорах Карелии, для которых характерна передвижка ударения на начало слова: Ку́ды по́шел, са́мовар ки́пит, пой чай пить. По́том сходишь (Кондоп. КАССР, Попов, 1954). Однако наиболее распространенным в этом случае является общерусский вариант потом без переноса ударения. Патом балел. (Знамен. Орл., Попов, 1953. Потом он пришел, да поздно. Солецк. Новг., Попов, 1983).

2. Более существенные отличия накладывает на развитие диалектной вариантности словообразовательная система говоров. Отсюда ряд приставочных и суффиксальных образований.

а) Наречия с приставками на-, ана-: напото́м, анапото́м. Напотом: «на будущее время, потом». Перм., 1850. Все играют, а напотом плясать. Киров, Волго-Камье, Волог. (СРНГ). Напотом отец возьмет невесту за руки. Урал (Светлова, 1960). Напото́мье: то же, что напотом. Сев. Двин., 1928 (СРНГ). Анапото́м: Р. А. Юналеева отмечает, что в русских говорах северо-восточной Башкирии [7] для обозначения последующего действия употребляются наречия напотом и анапотом, соответствующие литературному потом.

Сперва чешут, анапотом машины пошли. Анапотом говорит. Наречие образовано путем «осложнения простого наречия приставкой „на“ по аналогии с другими наречиями» [8] и слияния с союзом «а», «часто сопровождающим данное наречие и в литературной речи». [9] Наречие анапотом, как и напотом, по наблюдениям автора, «чаще наблюдается в речи старшего и среднего возраста». [10]

б) Наречия с суффиксами -ка, -ака, -ока, -кось, -ча, -чи, -оже: пото́мака (пото́мока), пото́мка, пото́мкось, пото́мча, пото́мчи. Здесь проявляется распространенное в говорах слияние частиц с наречиями и превращение их в наречные суффиксы.

Пото́мака и пото́мока. Пото́мака: Потома-ка и вси собрались али сразу так нихто не хоче. Йонав. Лит. ССР (СРГП). Я потомака боле и не ходил на работу. Йыгев., Тартус. Эст. ССР (там же). А он мне потомака и бает. Потомака не знат, чем задобрить, а сперва изгаляется. Красноярк. (Красн. сл.). Тулун. (Виноградов, Черных, 1924). Ну и патомака сосватались. Кир., Качуг. Иркут. (Бобряков, 1970). Надо гресть убирать однако, а уж потомака. . . не разбрасывать сеноть (Власенко. Верхнеленские сказки). Пото́мока: Потомока взамуж вышла. Тег. Потомока сторожем поставили. Том. Том. (Том. сл.).

Пото́мка: Тулун. Иркут. (Виноградов, Черных, 1924). Потомка вси собрались. Русск. гов. Прибал. (Синица, 1971). Пото́мкось: Как невеста согласится, и ее высватат потомкась. Колыван. Новосиб. (Федоров, 1970). Пото́мча: Тифлис., Борчалин., Сигнахск., Телав. Тифлис. (Михайлов, 1909). Пото́мчи: Потомчи их стала Советская власть нажимать. Омск. (Пыхтеева, 1967). Пото́може: Мещов. Калуж. (Косогоров, 1916).

3. Наречия пото́место (пото́мест).

Эти наречия занимают особое место в кругу слов, соотносительных с общерусским потом прежде всего вследствие разницы их этимологии. Ср. потом из по-томь (Преображенский) и потомест (из по-то-мест(о). По-видимому, при образовании данного наречия могло быть использовано существительное место, имевшее в древнерусском языке значение ‘время’. По месту — со временем: Сожди мене. . ., а видив оба по мѣсту, что нам бог явить. Ип. л.

---

[7] *Юналеева Р. А.* Из материалов по русским говорам северо-восточной Башкирии // Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья. Казань, 1961. С. 245.

[8] Там же. С. 245.

[9] Там же. С. 245.

[10] Там же. С. 245.

1147 г. От того мѣста, от тех мѣст 'с того времени': От того мѣста створится емоу оурод'ство. Жит. Андр. Юр. 1, 6 (Срезневский).

Пото́место: Они в окопе жили, а потомиста приехал беженец, стал проситься жить с семьей в окопе. Карамыш. Пск. (Петрова, 1957). Пото́мест: Прежде скапидар идет, а потомест смола. Потомест мне сапоги купили. Карамыш. Пск. (Петрова, 1957).

III. Семантические диалектные варианты с корнями перед-, зад-, дал-.

Своеобразие семантического употребления слова в говорах привело́ к расширению данной группы наречий за счет включения в нее некоторых наречий с исходным пространственным значением, которые, однако, в результате распространенного переноса пространственных значений на временные стали выражать значения временной последовательности совершения действия 'после, потом'. Это наречия с корнями перед-, зад-: сзади «спустя некоторое время, после», назади «после, позже», наперед «впереди, в будущем», т. е. после, потом.

Сза́ди — 'спустя нек. время, после': Картошки ей пасодишь да если сзади, будет кричать! — Как «сзади?» — Ну, себе перед., а ей после. Отец вперед помер, мать сзади. Ряз. Ряз. (ССРНГ). Сзади — 'после, потом, позже'. А мы сзади пойдем, вы пойдите, а потом мы. Барабин. А тот работал, сзади еще работал. Чанов. Новосиб. (СРГНО).

Ср. также в роли предлога: Они говорили сзади меня. Луж. Петрогр. (Втор. Доп., 1905—1921 — т. е. 'после'). Пахали сзади всех. Осташк. Калин. (Копорский, 1946 — 'после'). Сзади их онато вышла взамуж. Анна строилась после Иркутска, а Бирюлевка сзади. Качуг. Иркут. (Бобряков, 1970 — 'после').

Назади́ (как наречие и предлог): Она назади уходила з дому. Ты же назади ее уехал. Сузун., Новосиб., 1965 (СРНГ).

Позади́ ('потом, позднее'): Позади принесут сладкий пирог. Этот позади, мой сын поперед взятый, моему будет двадцать первый. В-Кет. Том. Том. (Доп. Том. сл.).

Некоторые из наречий этой группы имеют, кроме того, диалектные особенности в образовании: назаде, позадь, напередь, а также наречие дале. Назаде́: а) 'потом, после всего, под конец'. Назаде уж кисель едят, оржаной али картофельный. Соликам. Перм., 1973 (СРНГ); б) 'В последнюю очередь, после всего'. Всем налью, а себе назаде. Турин. Свердл., 1971. Верхотур. Перм. (СРНГ). Поза́дь (наречный предлог — 'после'): Позадь Егорья. Ряз. Ряз. (Втор. Доп., 1905—1921). Напере́дь — 'впереди, в будущем': Я, говорит, все расскажу: что ты пережил, а что напередь будет. Параб. Том. (Том. Сл.).

Да́ле 'потом': Сперва сказал то, а дале другое. Обоян. Курск., 1859. Курск., Орл., Калуж., Тул. А я, — говорит шестой, — могу с кораблем, людьми и товарами нырнуть в море, плавать под водою и далее вынырнуть опять, где надо. Новоторж. Твер., Афанасьев. (СРНГ).

IV. Группа собственно диалектных наречий.

В составе рассматриваемой ЛСГ можно назвать несколько наречий, которые можно с известной степенью условности назвать собственно диалектными. Они не являются акцентологическими, словообразовательными или семантическими вариантами общерусских наречий. Для них характерно выражение значения 'после, потом' и в то же время отсутствие однокоренных наречных эквивалентов в литературном языке. Это наречия должно, тожно, отожно, ино, вдруги, сгодя, годя. Впрочем, последние соотносительны с литературным погодя.

Дожно́, тожно́ — 'тогда, затем, потом, после': Верхот. Перм. (Миртов, 1930). Отошно́ — 'потом'. Новг. Новг. (Лавров, 1895). Ино (удар.?) — 'потом': Кинул Илья Муромец его (Соловья-разбойника) выше дерева стоячего, Чуть пониже облака ходячего, До сырой земли допускивал — Ино подхватывал. Нижегор. Киреевский. Ино поехали они, добры молодцы, А к тому ко городу ко Куржову. Онеж., Гильфердинг, Арх. (СРНГ). Вдру́ги: Твер., Даль. Сгодя́: Калуж. После обеда не хочется чай пить, а немного сгодя апетит придет. Мещов. Калуж. (Чернышев, 1892. Втор. Доп. 1905—1921 — 'погодя'). Я такую погоду знаю, згодя снег пойдет, лучче из дому не выходи. Вы, ребятки, згодя заходите, чичас у меня времени нету. Сгодя у Насти свадьба будет, вот погуляем. Моск. (Иванова, 1968). Я видел его долго сгодя после того случая с ним. Осташк. Твер. (Ромашов, 1905). Немного сгодя приходит Иван-царевич. Пушкиногор. (Чернышев, 1927 — 'погодя, спустя'). Немного згодя. Пушкиногор. Пск. (Царева, 1952 — 'погодя'). Годя́ — 'погодя, после': Приходи немного годя, а то сичас гости у нас. Мещов Калуж. (Косогоров, 1916).

Многие из рассмотренных диалектных наречий явились, по-видимому, результатом унификации их по определенным, продуктивным в прошлом, словообразовательным и формообразовательным образцам. Многообразие этих моделей в условиях ненормированной речи привело к сильно развитой вариантности.

По мнению А. И. Соболевского, звук а в слове опосля «неясен по образованию». [11] Однако это наречие встает в ряд с другими, весьма распространенными в говорах, наречными образованиями типа скоря, быстря, что не исключает возможности влияния данной модели на возникновение указанного варианта. Во всяком случае развитая вариантность наречий с данным корнем дает возможность такого объяснения.

Очевидно, не без влияния таких наречных форм, как скоряя, быстряя, мог быть образован и другой вариант — посляя (с оттенком степени признака, т. е. 'несколько позднее', 'немного после'). Трудно не видеть влияния форм превосходной степени в наречии опослейше.

В наречии опослев просматривается распространенный тип образования наречий на -ова с утратой оконечного гласного. Ср. оттудова → оттудов, отсюдова → отсюдов и др.

[11] *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 2-е. СПб., 1891. С. 76.

В некоторых наречных образованиях отчетливо проявляется влияние словообразовательных типов, мотивированных системой склонения существительных (в опосли, напослях, опослях, опослем).

Б. Соотносительная лексико-семантическая система наречий по данным исторических материалов

Среди диалектных наречий, рассмотренных выше, некоторые имеют длительную историю и сохранились в говорах как фрагменты более ранней языковой системы. Эти наречия составляют историческую основу, ядро данной группы. К ним принадлежат: посль, напосле, опосле, последе, последи, последь, напотом, что подтверждается материалом из памятников письменности. Приведем некоторые примеры.

Посль 'впоследствии, потом': Кто посль живыи останѣться. Смол. гр. 1229 г. (Срезневский). Опосле: Опосле тако р҃кли н҃ши г҃сдне старожилцы вели вас куды знают (1535 г.), ПРП. Ряз. кр., 1978. С. 102. а на инщими опосле гонялос турецких людей до трех тысяч (1600 г.), Вести-Куранты I, 1, 69—70. Опосле одолели и взяли тъх разбойников (1622 г.), Вести-Куранты I, 7, 253. Ср. опосле в роли предлога. Опосле нашего целованья. Дог. гр. Дм. Ив. 1375 г. А опослѣ моего живота, ино опять земля и ѣзъ церковное по старинѣ да и съ моимъ промысломъ. Зап. Дан. Блин. 1461—1464 гг. (Срезневский), а опосле тово на друго днь под вечер (1622 г.), Вести-Куранты I, 50, 167). и дикое поле пят чети апослѣ ея не отдано. . . (Курск. отк. кн. (1634 г.), Пам. южно-великорусск. нар., 1977, С. 147). опослѣ ево жены и детѣи не осталос (Рыльск. отк. кн., 1620 г. — Там же. С. 261).

Особенно разнообразную картину жизни слова в XVIII в. дает картотека Словаря русского языка XVIII в. В то время оно встречалось в произведениях разных жанров — в произведениях художественной, научной, юридической литературы и др. Например: Чтобы ему опослѣ о том не раскаяватся было (Юн. честн. зерц., 1719. С. 18). На тиролских границах обрѣтается теферическая долина, в которои в 1684-м году нашли лютерскои вѣрѣ сообщников, которых опослѣ выгнали (Геогр., 1719. С. 176). А что он имѣет подвесть двѣ дѣвочки татрских, оных опослѣ того принять указала (Дн. всеподданн. докладов Колл. иностр. дел, 1743. С. 278). Есть ли не хотите опослѣ быть ими презираемы (Живописец, 1772. С. 142) . . . в которой и сам опослѣ найдет и откроет другим такие тонкости, каковых многие и вид-ть не могут (Десницкий. Юрид. рассужд., 1778. С. 38) . . . мог наслѣдить и овлад-ть землями, купленными родившимися опослѣ меньшим его братом (Блакстон. Истолков. аглинск. законов, кн. 1, 1780. С. 179) . . . а ежели опослѣ на оной их и перенесут, то они не в состоянии уже на оном держаться (Дом. лечебник, 1790. Ч. 1. С. 134). От сих источников, по видимому скудных, Исходит океан опослѣ благ повсюдных

(Державин. Эпистола И. И. Шувалову, 1777 (изд. 1798 г. С. 302). Опослѣ извѣстно стало, что он (Бибиков) тогда же писал секретно по дорогѣ к губернаторам. . . (Зап. Державина. Соч. Т. VI. С. 452). На вечерних дней зарѣ Брат любезнейшей сестрѣ Шлет в сих книгах душу нынѣ; А опослѣ на холстинѣ К ней пришлет и образ свой — Жить, беседовать с сестрой. Державин. (При посылке сочинений автора сестре его Н. И. Мюллер, 1809). Соч. Державина. СПб., 1870. Т. III. С. 342).

В XIX в. сфера применения этого слова сузилась. Не случайно в Словарях оно стало квалифицироваться как «областное» и «просторечное» (Ушаков, СлРЯ) или просторечное (ССРЛЯ). В произведениях художественной литературы оно стало средством языковой характеристики речи действующих лиц, людей из народа. Например: Ипполит: Опосля хоть голову с меня снимите, только я от своего не отступлюсь (А. Островский. Не все коту масленица). Наркис: А уж опосля что хотите со мной делайте (А. Островский. Горячее сердце). Слова лакея: — Они [Дарья Андреевна] спят. Приходите опосля (Решентиков. Свой хлеб). [Дочь купца]: Не бойся ты, господин мой, добрый, ласковый, испугать меня своим голосом; опосля всех твоих милостей не убоюся я и рева звериного (С. Аксаков. Аленький цветочек). [Слова матроса]: А он, братцы, как опосля оказалось, и вовсе не мог совладать со своей тоской (Станюкович. Диковинный матросик).

Напосле. . . . але напосле измовили есмо и втокъ мели есмо и съ послы твоей милости, а быхъ оучинилъ твоей милости нашъ листъ и под нашою прысягою — ‘на останку, напоследок’ (ССМ XIV—XV вв.). Многих женъ и судину жену з детми двунацати и пятинацати лѣтъ в полонъ взяли и на послѣ на мѣсто пришли многие люди похоронилис (1620 г., Вести-Куранты I, 4, 3). Последи — ‘впоследствии, потом’. Обьходи вься манастыря, ищущи его; послѣди же повѣдаша еи, яко в пещерѣ есть оу прибнааго Антония. Нест. Жит. Феод. 5. Тогда же, поревновавше ему, нии князи ѣздиша послѣди подъ городъ. Лавр. л., 1052 г. (Срезневский).

В XVIII в. слово это было еще достаточно широко распространено в произведениях разных жанров и отмечалось некоторыми словарями.

Послѣди ‘после тоже’ (Поликарпов, Лекс., 1704. С. 231). Послѣди ково итти наступати (Вейсм. Лекс., 1731. С. 430). Послѣди же взя его орел когтями, и вознесе зѣло высоко (Притчи. Эсоп, 1700 г.). То со обоих сторон нарочитое число побито, послѣди же цесарцы принуждены полѣ покинуть, и оставили неприятелю шесть пушек. (М. Вед., 1703. С. 38). Мы уповали было по се число, что домашние распри в Польше сами собою престанат и к злоудоволственныя на короля своего послѣди от своего высоко безчестного намерения престанут — 1702 г. (Письма и бумаги Петра I, Т. II. С. 131). Сеи канал Ламанш послѣди весма в морское устье обращается, которое больше 6 или 7 миль не будет шириною (Геогр., 1710. С. 31). Ежели солдату или драгуну мун-

дир дадут, а последи за весь тот мундир из жалованья и вычтут (Посошков. Кн. о скуд. и богатстве. С. 102). И чтобы к тем скаскам приложили они руки, а дякк или секретарь закрепили бы того же часа, дабы последи нельзя им переменить тех сказак (Посошков. Кн. о скуд.и богатстве. С. 145).

Последь ‘после, впоследствии, потом’. Ямо же азъ иду, не можеши нынѣ по мьнѣ ити, послѣдь же по мьнѣ идеши. Остр. ев. Раскаешися послѣдь. Панд. Ант. XI в., л. 42. Аче кто конь погоуубить или ороужие, или портъ, а запов-сть на тьргоу и послѣдь познаеть въ своемъ городѣ, свое емоу лицемь взяти. Р. Прав. Яр. (по Син. сп.). Затоциша якочна в Чюдь съ братомь и последь приведе я к собе Гюрги. Новг. I л., 1141 г. (Срезневский).

Ср. послѣдѣ — ‘впоследствии, потом’. Послѣдѣ же Андрѣян кесарь, обновивы и, в свое имя нареч Андрѣянъ. Пов. вр. л., 1115 г. (по Ип. Сп.) (Срезневский).

Напотом ‘потом, позднее’. Зходечи зъ того свѣта, князь Иванъ небощик, муж мой. . . казал записати по души своей к монастыру святому Спасу въ Кобрыни — село Корчичи. . . зо всимъ зъ тымь, что коли давали предкомь нашимь и напотомь над самымь (Кобринь, 1401, Ак ВАК III, 2); а тые земли продалъ есми. . . совсѣми ужитки, которые нынѣчи суть или напотомъ могут быти людским розумемъ вымыслены. Вільна, 1451, АК 103 р, II, 106 (ССМ XIV—XV вв.).

Рассмотрение ЛСГ наречий показывает, как богато и многообразно выражение значения времени в русских говорах, как глубоко уходят исторические корни этого многообразия.

П. И. ПАВЛЕНКО

Глаголы с приставкой из- в русских народных говорах

Изучение слов с префиксом из- в русском языке имеет давнюю традицию. Постоянный интерес ученых к судьбе префиксальных образований с из-, старославянских по происхождению, в их противопоставленности исконно русским образованиям с приставкой вы- (пространственного значения) объясняется уникальностью лексических данных русского языка. В нем представлен, с одной стороны, широкий круг образований с префиксом из-, что сближает его с южнославянскими языками, с другой — функционирует огромный пласт слов с префиксом вы-, сближающих его с западнославянскими языками.

Это обстоятельство имело первостепенное значение не только для решения проблем современной и исторической русской лексикологии и словообразования (выяснение путей формирования лексики литературного языка и народных говоров, разграничение в их словарном составе элементов исконно русского и старославянского происхождения, определение специфики образования и функционирования таких лексических единиц как в той, так и в другой сферах языка, их взаимодействия и взаимовлияния). Оно определялось и тем, что предоставляло ценный языковой материал для рассмотрения более широких проблем: установление принципов группировки и критериев классификации славянских языков, т. е. имело выход в славяноведческую проблематику.

На протяжении длительного времени в работах отечественных лингвистов все образования с приставкой из- в русском языке возводились к старославянскому (южнославянскому) источнику.[1]

Однако постепенно менялись взгляды на природу этих слов, высказывались мнения, что префиксальные образования с из-

[1] Еще акад. А. Х. Востоков писал: «Из- 1) в словенском языке имеет те же значения, какие в русском вы-, показывая движение изнутри и отделку предмета, например изглаголать, изваять» и далее. «А глаголы горбить, носить, кривить, бочениться, ребриться, означающие перемену прямого направления тел, принимают предлог из- для означения такового движения в сторону. 2) Сей же предлог показывает действие сплошь по всей поверхности и действие насквозь, во всех направлениях, например исписать, изоржаветь, изодрать, иззябнуть» (Русская Грамматика 1859. С. 106—107).

© П. И. Павленко, 1991

генетически неоднородны, что приставка из- может сочетаться с исходными словами различного характера. Одним из первых возможность исконно русских образований с префиксом из- отметил Ф. И. Буслаев.[2]

Более определенно на разные источники представленных в русском языке соотносительных образований с приставками из- и вы- (изгнать — выгнать, избрать — выбрать) и на наличие исконно русских слов с префиксом из- указал А. А. Шахматов.[3]

Новый этап в изучении указанных образований открывается работой акад. Б. М. Ляпунова, специально посвященной этому вопросу.[4] Его главная и несомненная заслуга состоит в том, что он четко выделил два структурно-семантических типа глаголов с префиксом из-: первый — пространственно-выделительный (изнести, изгнать, извергнуть, излить), второй — предельной полноты, исчерпанности действия (избить, иссечь, измерить). Противопоставив их в генетическом плане, он обосновал вывод о том, что глаголы второго типа не являются старославянскими заимствованиями, а были исконно свойственны русскому языку и что «этот семасиологический вид приставки из- не является диалектическим и принадлежит всей славянской языковой общности».[5]

Таким образом, Б. М. Ляпунов решительно отказался от традиционного взгляда на приставку из- и выдвинул новое, обоснованное конкретными фактами славянских языков положение об общеславянском происхождении приставки из- у глаголов второго типа и, следовательно, об омонимичности ее природы в русском языке.

Однако сам Б. М. Ляпунов определял приводимый в работе языковой материал как «далекий. . . от полноты», и, естественно, он не мог располагать теми лексическими данными, которые накоплены в науке русистикой к настоящему времени. Эти данные позволяют провести исследование слов с приставкой из- в русском языке в лексико-семантическом, стилистическом, а также в словообразовательном аспектах, исходя из задач современной и исторической лексикологии и словообразования.

Надо отметить, что за последние десятилетия в этом отношении сделано немало. Продолжалось исследование префиксальных глаголов с из- и вы- пространственного значения в древнерусском литературном языке XI—XVII вв. Сделаны интересные наблю-

---

[2] «Когда предлог из- употребляется и в русских формах, тогда он отличается от предлога вы- по самому значению своему: напр., „износить платье“ и „вынести что на двор“, „вывести пятно“ и „извести кого зельем“» (*Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 161).

[3] «Слова с вы- — русские: выдать, а издать — церковнославянское, выход, но исход, вытекать, но истекать, вымерить, но измерить, но, конечно, среди них есть и русские: избить, исполосовать, испачкать; вынуть, по изъять, вылить, но излить, вычислить, но исчислить» (*Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 88).

[4] *Ляпунов Б. М.* Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка из. Slavia, 1929. poč. 7, seš. 4. С. 754—765.

[5] Там же. С. 764.

дения, получены важные выводы о соотношении книжно-славянских и народно-разговорных элементов в языке указанной поры,[6] которые безусловно будут способствовать разработке актуальных вопросов общей и диалектной лексикологии, выявлению исторической судьбы исследуемых слов в русском языке.

Изучение образований с приставкой из- в русских народных говорах только началось. В немногих статьях, появившихся в последние десятилетия, выявляются диалектные глаголы с локальными приставками из- и вы-, привлекаются к рассмотрению и глаголы с другими значениями приставки из-.[7] Число показанных в них глаголов невелико.

Между тем к настоящему времени накоплен значительный лексический материал, требующий изучения и осмысления. Он сосредоточен в диалектных словарях.

Так, в Словаре русских народных говоров (СРНГ) [8] приводится более 1400 глаголов с приставкой из-. В появившихся после него словарях отдельных регионов также даются слова этого типа[9] (их около 200). В распоряжении исследователя оказывается, таким образом, почти 1600 глаголов с префиксом из-, зафиксированных в русских народных говорах. Это поистине огромный лексический материал, значимость которого для науки трудно переоценить. Для сравнения скажем, что в современном русском ли-

---

[6] Укажем здесь прежде всего работы Г. И. Белозерцева, в которых подвергаются анализу указанные образования (с привлечением богатого лексического материала, снабженного статистическими таблицами и семантико-стилистическими комментариями к ним), например такие, как 1) Соотношение глагольных образований с приставками вы- и из- выделительного значения в древнерусских памятниках XI—XII вв. См.: Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 161—217; 2) О соотношении элементов книжного и народного языка в древнерусских памятниках XV—XVII вв. (на материале слов с приставками вы- и из- выделительного значения). См.: Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966. С. 68—122; 3) Префиксы вы- и из- как различительные признаки ранних славянских переводов. См.: Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 121—140, и др. его статьи; См. также: *Дыбина Т. В.* 1) Об общеславянском происхождении глагольной приставки из-. Учен. зап. Марийск. пед. ин-та. Йошкар-Ола, 1957. Т. 15. С. 185—203; 2) К вопросу о причинах сокращения числа префиксальных форм с приставкой из- в русском языке. Там же. 1958. Т. 21. С. 157—180. Трудно согласиться с основными утверждениями автора (которые ясно определяются уже по названиям приведенных статей), хотя и вступать в полемику с ним для данного момента считаем преждевременным.

[7] *Дыбина Т. В.* Об общеславянском происхождении. . .; *Белозерцев Г. И.* О соотносительных образованиях с префиксами вы- и из- в русских народных говорах // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1972. М., 1974. С. 268—280; *Черепанова О. А.* Глагольные образования с приставками из- и вы- в пинежских говорах // Вопросы изучения северно-русских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 106—109.

[8] Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12.

[9] См., например., *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979; Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979; *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980; Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1980; Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983, и др.

тературном языке насчитывается около 800 таких образований (по данным Словаря русского языка в 4 томах).

Для общей характеристики диалектных глаголов с префиксом из- как определенной структурно-семантической категории слов следует сказать, что в ее составе выделяются такие же словообразовательные типы префиксальных глаголов, какие свойственны и литературному языку.

Это выражение предельной полноты, интенсивности действия (иззябнуть, иссушить, изругать); распространения действия на много объектов или на много мест в пределах одного объекта (избороздить, изъездить и искусать, изрисовать); полного израсходования, уничтожения предмета, явившегося объектом действия (измылить, исписать, иссолить, истратить), приобретения (или утраты) какого-либо качества, свойства в результате постоянного повторения действия (извертеться, изолгаться, изворовaться); исчерпанности действия, доведения его до результата (измерить, излечить, испортить, испугать).

Особое место в современном русском языке занимают глаголы с приставкой из-, обозначающие движение изнутри наружу или изъятие, извлечение чего-либо. Они образуют весьма замкнутую группу слов, малоупотребительных либо вовсе устарелых в русском языке. Это не столько словообразовательная категория, сколько разнородная лексическая группа, сохраняющаяся в активном употреблении лишь с отвлеченными значениями (ср. исключить, исторгнуть, излучать, извлекать, извергать, изгнать, излить и т. п.).[10]

Своеобразны подобные глаголы и в диалектах.

Следовательно, по характеру общих значений диалектные глаголы с префиксом из- не имеют различий с литературным языком. Различия касаются конкретных типов реализации этих значений, семантической природы производящих основ, вступающих в словообразовательные отношения, и, наконец, количественного выражения тех или иных типов префиксальных глаголов в русских говорах (что ни в коей мере не может считаться чем-то внешним и неважным). Естественно, для того чтобы рассмотреть этот массив слов в полном объеме и выявить лексико-семантические, сти-

---

[10] Как кажется, Академическая грамматика русского языка 1952, исключившая это значение из перечня типовых, правильнее отображала языковую действительность, чем Грамматики, изданные десятилетия спустя (см.: Грамматика русского языка. М., 1952. С. 585 — прим.). Действительно, немногие из упомянутых выше слов употребляются в исходном значении (притом сохраняя оттенок книжности): изгнать, извергнуть (вулкан изверг лаву), извлекать (извлечь осколок из раны), истечь, исторгнуть, изойти — уже устарелые; исключить, извергнуть, исторгнуть, излучать — к тому же структурно деформированы, так как имеют не свободные, а связанные основы. Вот почему, на наш взгляд, нет достаточных оснований относить подобные значения приставочных образований к разряду типовых словообразовательных значений, поскольку они не характеризуются в должной мере формальной и семантической регулярностью — основным, определяющим признаком словообразовательного типа.

листические и структурно-словообразовательные особенности их в сопоставлении с современным русским языком, потребуется написать не одну статью.

Задача настоящей статьи — дать общую характеристику глаголов с приставкой из-, рассмотреть более детально глаголы с из- пространственного (выделительного) значения в русских народных говорах и показать их особенности сравнительно с литературным языком. Необходимость первоочередного их изучения вызывается тем, что именно данный тип образований, как считают многие, восходит к старославянскому источнику, и от того, каким лексическим материалом располагают диалекты русского языка в настоящее время, зависит та или иная оценка, интерпретация их.

В составе данной категории в первую очередь стоило бы выделить по значимости фактов диалектные образования, пространственное значение у которых представлено как конкретное движение изнутри наружу. Однако надо сразу сказать, что среди обширного пласта слов с префиксом из- подобных образований ничтожно мало. Приведем их: истури́ть 'выгнать' (Даль, без указания места записи; Тул.); изброса́ться 'выброситься': Вы мои голубушки, Милые подруженьки, На что взвинтовалися, В окно избрасалися (свадебн. песня, Волог.); изгони́ть 'изгнать, выгнать' (Перм., Даль; Костром.), употребляется также в устойчивом выражении: изгони́ть реку 'проехать всю реку от устья до истока' (Колым. Якут.). В дополнение стоит указать и на употребление в говорах Пск., Твер. губ. имени существительного изго́н 'пастбище, выгон'; изогна́ть 'изгнать, выгнать': Ерш, где ночь ночевал. Тут и год годовал. . , Изогнал лещов, Ростовских жильцов Во мхи и болота (Афанасьев, без указания места записи).

В основном же в говорах бытуют глаголы, которые наряду с пространственными обладают и другими значениями, по своему характеру сходными либо отличающимися от значений таких слов в литературном языке. При этом надо подчеркнуть, что подобных образований в диалектах значительно больше, чем в литературном языке. Оно и понятно, ведь группа префиксальных глаголов с выделительным значением невелика, так как в современном русском языке такие глаголы стали устарелыми или вовсе вышли из употребления (см.: исходить, излить, истечь и др.).

Устаревший в литературном языке (в исходном значении) глагол исходи́ть употребляется в говорах с несколькими значениями: 1. 'Покидать помещение, выходить' (Слов. Акад. 1847 с пометой «церк»). Когда она из дому-то исходит? (Пинеж. Арх.); 2. 'Убавляться, убывать' (о луне): Месяц исходит: то светит, а то светить не будет (Ряз. Ряз., Дон.); 3. 'Исчезать, проходить': Они (веснушки) в бабах исходят (Ряз. Ряз.). Эти значения выступают как обозначение физических действий убывания, исчезновения.

У глаголов изнести́—износи́ть в говорах вместе с конкретными (локальными) отмечаются и отвлеченные значения, например: изнести́: 1. 'Вынести, убрать что-либо' (Холмог. Арх.); 2. 'Перенести, снести, выдержать' (Север, Барсов): Не изнес он такой неми-

лости (Олон., Петерб., Сев.-Двин., Перм., Калин.); износить: 1. 'Вынести откуда-либо': Износил я от девицы Черносмур кафтан с бобрами, Кушак алый с полосами (Соболевский, без указания места записи); 2. 'Перенести, снести, выдержать': Вам ничего, а Илька, по-вашему, все износит? (Влад., Свердл., Новосиб.); 3. 'Изнурить' (Волог.).

Более сложной сравнительно с литературным языком оказывается семантическая структура глаголов изжива́ть, избыва́ть, изойти́ и др. Рассмотрим их. У глагола изжива́ть (и изжи́ть) выделяются несвойственные современному литературному языку значения: 1. 'Выживать кого-либо откуда-либо': Изживают меня, бедную, Будто ворога из города, Люта зверя из темна леса (Петрозав. Олон., Рыбников); 2. 'Жить дольше кого-либо': Изживают третьего мужа, привел бог пережить двоих (Твер., Даль; Морд. АССР); 3. 'Изводить, сживать со света' (Кадн. Волог., Доп. Опыта); Ее все изживают, а она крепка, пожалуй, молодых-то всех переживет (Волог.); Совсем ее свекровь изжила (Яросл., Костром., Ряз., Орл., Олон.); следующие общие с литературным языком значения несколько своеобразны в говорах: 4. 'Жить каким-либо образом в течение определенного времени' (Новооскол. Курск., Опыт; Арх., Перм., Курган., Иркут.). При общенародном употреблении этого глагола только со словами век, жизнь, дни и т. п. в говорах, кроме сочетаний изживать, изжить век, изжить жизнь (изжил век не как человек. Яросл., Вят., Оренб.; Я уж век изживаю, такого не видела. Новосиб.; изжила всю жизнь в бедности. Влад.), известны, например, такие: Весна проскочила, ее не видели, а зима будет, ее не изживешь (Ряз. Ряз.), у которых определяется новый смысловой оттенок 'переживать какой-либо период времени'. Напротив, более широкий оттенок этого значения в литературном языке ('переносить, выдерживать') сужается в говорах до 'испытывать (горе, несчастье)': Этого горя и не изживешь (Ростов. Яросл., Морд. АССР).

Глагол избыва́ть (и избы́ть), многозначный в диалектах, противостоит уже вышедшему из употребления в современном литературном языке глаголу в его исходном значении. Причем локальное значение этого глагола в диалектах выражается определеннее и ярче: 1. 'Удалять от себя, устранять кого-, что-либо; освобождаться, избавляться от кого-, чего-либо': Избыла де я немилого своево. . , Нажила я свою волюшку (Симб., Киреевский; Сарат.); Избудешь, батюшка, слугу верную, Посла вольного, безответного (песня. Тул., Костром., Пск., Смол., Вят., Сев.-Двин., Олон., Арх.); А старик был пьяница, старуха его все и избывает старика: — Что же старик, когда тебя посылают, ступай рядись! (Перм.). Весьма употребительны конструкции избыва́ть, избы́ть чего-либо, из чего-либо или от чего-либо: И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать (Сарат., Афанасьев); Бога моли да его поминай, Всякого зла-лиха избывай (Арх., Григорьев); Добрынюшка стал жить да быть, Добра наживать, из лиха избывать (Олон., Гильфердинг); Избыли от смерти на-

прасные Мужики новгородские (Пудож. Олон., Рыбников); И когда выращу сиротных да вас детушек, И я избуду от великоей заботушки (Петрозав. Олон., Барсов). Вместе с тем в глаголе избыва́ть определяется и такой оттенок 'притеснять, мучить кого-л., желая освободиться от кого-л.; сживать со свету; выживать откуда-либо': Не избывай постылого, не взял бы бог сильного (пословица. Волог., Вят., Влад., Арх.); Все избывали его, он и пропал (Свердл., Перм., Зауралье, Сиб., Амур.). Как следует из приведенного здесь материала, глагол в этом значении более всего используется в произведениях фольклора. Близко к этому и по характеру использования и смыслового наполнения значение 2. 'Выдавать замуж': Вы родные да мои родители, Что вы ходите да все гуляете, За народ-людей хоронитесь, Все меня, младу, избываете (Новг., Пск., Смол., Костром., Тул., Твер., Ленингр., Вят., Перм.). Обычно употребляются в устойчивых сочетаниях избыва́ть из дому, из житья, избы́ть с рук: Ты избываешь меня, батюшко, Как лихого зверя из бору, Так меня, младу, из дому (свадебн. песня. Волог.); Не чаяла матушка с рук меня избыть, Избыла родимая во единый часок (Верейск. Моск., Киреевский); 3. 'Желать смерти кому-либо': Кто избывает ребят, у тех живучее бывают (Вят., Арх., Перм., Урал., Курган., Сиб.). Меня девки избывают И сулят сосновый гроб. Будет время — наревутся У моих холодных ног (частушка, Зауралье); 4. *Сов.* 'Потерять, лишиться кого-либо': Не чаяла матушка своего сына избыть (Орл., Киреевский); 5. 'Сбывать': Избыть бы куда-то сено надо — нет топер коровы-то (Свердл.); 6. 'Расходовать, проживать': Что накопили — все избыли (Новг., Волог., Яросл., Тамб., Ворон.); 7. *Сов.* 'Пережить, прожить' (Урал, Хабар.); 8. *Сов.* 'Удовлетворить, ублажить кого-либо': Да ты думаешь его этим избудешь? Нет, все равно свое выпросит (Зауралье, Курган).

В значениях глагола, употребительных только в диалектах (что наглядно представлено в семантической структуре его), как бы конкретизируется по разным направлениям общая идея избавления кого-, чего-либо, убытия кого-, чего-либо; прослеживается расширение сферы использования (от фольклорных произведений различных жанров до обиходно-бытовой речи).

Еще больше отличий имеет диалектный глагол изойти от соотносительного литературного слова: в нем варьируется несколько пространственных значений, не свойственных литературному языку (в котором оно, как известно, остается устарелым и однозначным 'побывать во многих местах, обойти'): 1. 'Преодолеть ходьбой какое-либо пространство, пройти': Сколько я городов изойду (Покр. Влад.); Как изойдешь поле, тут и деревня (Сев.-Двин. Арх.); 2. 'Пройти сквозь какое-либо отверстие, проход': Доска тут не изойдет — не поворотится по узкости (Арх.); 3. 'Набрести на что-либо' (Охан. Перм.); 4. 'Найти, отыскать кого-либо': Куда ты поделся, нигде не могли тебя изойти (Онеж. Арх., Брян., Орл.); 5. 'Неожиданно войти куда-либо': Не дури, мотри, каб кто не изошел (Морш. Тамб.). И, во-вторых, другие еще осо-

знаются как производные значения и весьма употребительны в современных говорах: 6. 'Наступить, начаться' (Помор. Арх.); 7. 'Излиться дождем' (о туче): Вся туча изошла (Влад.); 8. 'Истечь' (о времени): Теперь бы пожил, да век изошел (Кемер.); 9. 'Исхудать' (от болезни) (Холмог. Арх.); Изошла ведь она, бедная, кожа да кости остались (Морд. АССР); 10. 'Исчезнуть, пройти'. У меня большущий зоб был. . Лекарство стал пить, ничего, изошло (Том., Перм., Морд. АССР); 11. 'Раствориться, превратиться в другое вещество': Истопишься этта, на сало изойдешь (Вилегод. Арх.); 12. 'Обнищать, обеднеть': Он изошел весь, износился наготово (Охан. Перм.); 13. 'Испытать, испробовать' (Пск., Осташк. Твер.); 14. Снизойти, оказать милость (Петрозав. Олон.).

Другой, более значительной группой в составе рассматриваемой категории диалектных глаголов являются такие префиксальные образования, которым приставка из- либо придает общий оттенок выделения, изъятия (как и в литературном языке), либо выражает неопределенное движение (подобные случаи встречались и ранее у глаголов, выражающих направленность движения). Наличием последнего типа образований русские говоры отличаются от современного литературного языка и сближаются с древнерусским.

В составе этой группы следует, во-первых, выделить образования, общие с литературным языком. Ср. истека́ть (и исте́чь): 1. 'Вытекать': Речка истекает из озера (Дон.); 2. 'Тая, просачиваться в землю или течь куда-либо': Слеза канет, снег растает, Весь исчезнет — истечет, Быстра речка протечет (песня. Красноуфим. Свердл.); 3. *Сов.* 'Обмелеть' (о реке): Речушка так истекает, и курицы бродют в ей (Ср. Прииртышье); 4. 'Осыпаться' (о зерне в колосе): (После инея) зерно (хлебов) истекало из колоса (Енис.); Пшеница истекает вся (Новосиб.); 5. 'Убывать, исчезать': Месяц на ущербе. Он сначала полный, а потом он свидится с солнышком и начинает истекать (Мариин. Кемер.). Месяц истекает — ненастью быть (Новосиб.); 6. 'Худеть, слабеть': От горба у меня и грудь истекает (Тобол. Дон.); 7. 'Убегать': Весь месяц от него истекала. (Маслян. Новосиб.); изыма́ть (и изъя́ть).[11] 1. 'Извлекать, вынимать, вытаскивать откуда-либо': Изыми, мужичок, меня из огня, из полымя. (Арх., Афанасьев). Перепелку изымали из пшеницы (песня. Влад., Марков; Ворон.); 2. (Изыма́ть, *сов.*) 'Поймать, изловить': Изымали бандита (Влад. Яросл., Твер.); Ну, я изымаю, а потом кто же иметь должен будет (Волог.); Не беги, все одно изымаю (Костром., Сев.-Двин., Медвежьегор. КАССР, Олон., Арх., Новг., Пск., Вят., Перм., Тобол., Енис.); 3. 'Не давать покоя, донимать': Поглядела: скорей всего изымает их козявка. ., кусает их козявка, она (рыба) мечется у края (Ряз.

[11] Ср.: *Беловерцев Г. И.* Древнерусское изимати (историко-этимологический очерк) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 259—265.

Ряз.); 4. ‘Внезапно и сильно поражать’ (о приступе болезни); ‘донимать болью, припадками’: Что-то мамку изымает. По ночам изымает живот (Вят.); избавля́ть (и изба́вить). 1. ‘Убавлять, сокращать’ (Урал); 2. *Сов.* ‘Освободить от содержимого, опорожнить’: Все ведра занял, хоть одно-то избавь (Арх.). Кадушку-то избави, вынь из кадки, что в ней есть (Новг.); 3. ‘Повредить, поранить’: Избавить лошадь. Избавить ногу топором (Курск.); избавля́ться ‘убавляться’ (Урал); исследовать ‘найти, обнаружить’: В самом скорейшем времени их исследовать (Брян. Орл.).

Во-вторых, в ней выделяются образования, у которых хотя исходное слово и является общенародным, однако с приставкой из- в современном языке они не употребляются. Например, изъезжа́ть (и изъе́здить [12]). 1. ‘Проезжать по чему-либо, через что-либо’: — На чем ты, дружка, поле изъезжал? — Изъезжал я, красны девушки, на добром коне (Пск., Шейн; Арх.); Спесью дорожку не изъездишь (Курган., Тобол.); 2. ‘Вымещать на ком-либо прошлые обиды’ (Пск., Осташк. Твер.); изгоди́ть 1. ‘Попасть куда-либо, оказаться где-либо’ (Мурман.); 2. ‘Попасть во что-либо, угодить’ (Иркут., Якут.); Ты мне в голову камнем-то изгодишь (Костром.); 3. ‘Найти, подыскать’: Другой изгодит женщину (Мурман.); 4. ‘Встретиться, оказаться на пути’: Изгодила как раз гора (Мурман.); 5. ‘Вовремя, к сроку что-либо сделать’ (Зарайск. Ряз.); Не изгодишь ли к празднику шубу-ту? (Костром.); 6. ‘Припасти, приготовить’: Что получше матка-то изгодила, то и съел (Солигал. Костром.); изуста́вить ‘выставить вперед’: Изуставил Дунай свое острое копье (Печор. Ончуков. Кемер.).

В-третьих, в ней объединяются префиксальные образования, известные только в диалектах: изуре́заться ‘пуститься бежать’ (Шадр. Перм.): Как толпой они на Фатенушка да изурезались. Попленить-де, побить хотят добра молодца (Печор. Арх., Ончуков); испыля́ть ‘сбегать’: Испыляла уж за веником-то (Новобуян. Куйбыш.); изуто́рить ‘протоптать, проторить (тропинку, дорожку)’: Ко онбарам дорожечки изуторены (Арх., Марков).

Довольно обширной и не менее разнообразной по характеру производящих основ предстает в диалектах группа префиксальных глаголов, которым (ярче, чем у рассмотренных выше) приставка из- сообщает значение изъятия, извлечения. Например: испусти́ть ‘выпустить’: Испустя из рук вожжи, не тужи (пословица. Влад.); иссека́ть ‘высекать (огонь)’: Иссекал огонек из камышка-кремышка (Ворон.); источа́ть ‘извлекать, добывать (что-либо жидкое)’: Березовицу источают весной из берез (Пск. Пск.); Изорва́ть, *безл.* вырвать, стошнить’: Молока нет, а я ничего не могу, кроме него, меня изорвет сразу (Морд. АССР); излупи́ть ‘очистить от кожуры’: Картошку-то излупил? (Шуйск. Влад.); излупа́ться ‘отрываться, отделяться от поверхности чего-либо’: Лубок из дерева излупается (Урал); истяну́ть ‘вытянуть, вытяги-

[12] Глагол изъездить употребляется и в литературном языке, но с другим значением.

вая, испортить' (Даль, без указания места записи): Истянуло все сети (Вят.); исхлю́пать 'выплескать (воду)': В корыте исхлюпали уж воду-ту (Вят.); изроня́ть 'выронить, обронить': Весь бисер изроняли (Даль, без указания места записи); Ты осторожнее, а то из корзины все зерно изроняешь (Волог.); изва́ливать (и извали́ть) 'вываливать, опрокидывать' (Слов. Акад. 1847, с пометой «обл.»): Дорога-то по косогору шла, воз-то и извалило, пришлось перекладывать (Кирен. Иркут.); изва́ливаться (и извали́ться). 1. 'Вываливаться, опрокидываться' (Слов. Акад. 1847, с пометой «обл.»): После выехал на большую дорогу, и воз у него извалился (Вят.); 2. 'валиться, падать': У батьки росла, у батьки выросла, А замуж пошла — зажурилася; А с белых пожек извалилася, А с белого личика изменилася (Александр. Екатеринослав., Шейн.); извихну́ть 'вывихнуть' (Даль, без указания места записи): Он сломил свою праву руку, Извихнул свою леву ногу (Арх., Марков. Сев.-Двин.); Жена-шельма не взлюбила, с короватушки столкнула, Ручку, ножку извихнула (Ряз., Соболевский, Перм., Амур.); извиха́ться (и извихну́ться) 'вывихиваться' (Даль, без указания места записи, Печор., Ончуков); ископы́тить 'повредить ногу в щиколотке (обычно о лошади)' (Слов. Акад. 1847, Борисоглеб. Тамб.); Гнедко ископытил ногу (Даль, без указания места записи); ископы́титься 'сломать копыто' (Пинеж. Арх.); испле́читься 1. 'Вывихнуть или повредить (тяжелой работой) переднюю ногу в плече, лопатке (о лошади)' (Слов. Акад. 1847, Олон. Тобол., Иркут.); Лошадь исплечится, лечить надо (Соль-Илецк. Чкал.); 2. 'Вывихнуть руку или ногу' (Север., Олон. Сев.-Двин.); 3. 'Искривиться, покоробиться' (Онежские былины); изделя́ть 'выделить надел' (Пинеж. Арх.); изнима́ть (и изня́ть) 1. 'Вынимать, вытаскивать; снимать откуда-то' (Холмог. Арх.): Ен (старик) прося изнять его с печки (Зап. Брян.); 2. 'Брать, хватать что-либо' (Заонеж. Олон.): Харчи-то с собой изнимать али нет? (Забайкал.); 3. 'Отнимать, отбирать': Чего у меня изнимать-то? — закричала я семеновцу (Забайкал.); 4. 'Заставать, застигать где-либо' (Ярен. Волог.); И тут уж изняла она меня (Влад. Тул.); Лихая лихую далеко изнимает (Лебед. Тамб.); Изняла нас вода на острову, насилу укочевать-то дала (Колым. Якут.); 5. 'Осилить, справиться с чем-либо; успеть что-либо сделать': Такой работы мне одному не изнять (Курск.); Мне-кось не изнять всего (Пск., Осташк. Твер.); 6. 'Не дать покоя; измучить, донять' (Казан.): И то уж изняла она меня (Влад. Ворон.); А изнимут дни тебя межонные, А изнимут жары петровские (былины. Иркут.); 7. 'Овладевать всем существом, удручать (о тоске, скорби, желании)' (Тамб.): И на третий год тоска изняла, Тоска младу изняла, слезу пролила (Нижегор., Шейн.); Изнимает пьяницу-то (Новг.) Не богатство меня изняло, Меня изняло, молоду, Меня изняло горюшко великое (песня. Ворон.); Как изнимет меня тоска, не знаешь куда деваться (Забайкал.); 8. *Сов.* 'Привести в изнеможение; сморить' (Шадр. Перм.); 9. 'Внезапно и сильно поражать (о приступе болезни)'; 'донимать болью, припадками': Ее лихая болесть изни-

мает (Тамб., Афанасьев); Нога изнимает, болит (Свердл.). Часто употребляется безлично: Ее так изняло, что пена у рта. Поправляться было стал, а тут вдруг опять изняло (Перм. Вят.); Его по временам изнимает (Тамб.); 10. *Сов., безл.* 'Лишить рассудка': Изняло (Олон.); 11. *Безл.* 'Вызывать крик, ругань, смех у кого-либо; лай (у собаки)' (Олон.): Да замолчи, ты, окаянная! И чего тебя изнимает (Новг. Онеж. КАССР); 12. 'Пробирать (о морозе, дожде)': Насквозь изняло дождем (Ср. Урал); изверта́ться 'выкинуть (о преждевременных родах у животного)' (Урал); изодра́ть 1. 'Снять шелуху с зерна, ободрать': Издерут семя, в котле парют, потом под жом (Морд. АССР); 2. 'Исцарапать' (Морд. АССР); исца́пать 'вырвать из рук, отнять': Насилу исцапали (Пск., Смол.).

Особо надо выделить такие префиксальные образования, как изымывать 'ловить (вынимая из воды)': В том море не хаживал и той щуки не изымывал (Сольвыч. Волог.); изопиха́ть 'снять шелуху с зерна, ободрать': Изопихаю в ступе, а потом провею (Кадн. Волог., Перм.); изопру́жить 'опрокинуть, вывалить': Меня изопружило из саней, да ничего, я не ушибся (Север., Даль. Волог.); исхоро́бать 'много раз перевернуть' (Охан. Перм.).

Легко заметить, что по характеру производящих слов приведенная группа глаголов аналогична другим, рассмотренным выше. В ней выделяются образования, общие с литературным языком; слова, которые, хотя и общенародные, но с приставкой из-, зафиксированы лишь в говорах, а также глаголы (что особенно важно), образованные от диалектных основ.

Значимость подобных лексических фактов для исторической и диалектной лексикологии и словообразования побудила приводить почти полностью этот материал. Естественно, приведение в качестве иллюстраций многозначных глаголов (у которых только одно или несколько значений имеют прямое отношение к предмету разговора) затрудняет выполнение поставленных задач.

Иллюстрации, однако, призваны выполнять важную роль — наглядно демонстрировать широту семантических преобразований префиксальных глаголов с из- в диалектах (ср., напр., изойти, изнимать и др.).

При сопоставлении всего круга рассмотренных образований как целого с подобными словами современного литературного языка отчетливо выступают их отличия как по самому составу, так и по характеру функционирования. Если в литературном языке глаголы, обозначающие направленность действия, остаются единичными и полностью архаизированными, а глаголы с общим выделительным значением сохраняют свою книжную окрашенность, то в русских народных говорах они являются более распространенными и по количеству значительно превосходят глаголы литературного языка, а это свидетельствует о словообразовательной активности в диалектах приставки из- и в выделительном значении. Что касается сферы их применения, то и она шире в говорах, в которых анализируемая категория глаголов используется

не только в произведениях фольклора разных жанров (что роднит такие слова с литературными), но и в живой народной речи. Подобным образом их можно охарактеризовать, однако, только с одной стороны, т. е. по отношению к современному литературному языку.

Чтобы всесторонне оценить эти и выявить иные особенности, определить место и роль указанных образований, необходимо рассмотреть их изнутри самих диалектных систем, т. е. со стороны того положения, которое они занимают в системе других семантических типов диалектных образований с из-. Для этого потребуется и новый подход к уже выявленным фактам, и привлечение новых языковых данных.

Здесь же лишь надо обратить внимание на то, что если исходить из общего количества подобных образований в говорах, то число их совсем невелико. Эти глаголы в силу малочисленности не могут стоять в одном ряду с действительно огромным пластом приставочных глаголов, которым префикс из- придает другие, свойственные ему значения в русском языке. Такое обстоятельство не может не учитываться при выведении далеко идущих выводов историко-генетического порядка.[13] Это с одной стороны.

С другой же стороны, при построении подобных заключений необходимо опираться на наблюдения функционально-стилистического характера. При изучении префиксальных глаголов с локальным значением приставки из- особое внимание обращалось на указание сферы употребления этих слов. Было показано, что одни глаголы употребляются в былинах, песнях, сказках и других фольклорных произведениях (что важно — их большинство), другие же (их меньше) шире представлены в живой разговорной речи.

Такое распределение их не может быть случайным. При выяснении причин, приведших к этому, необходимо в полной мере учитывать сложную историческую судьбу префиксальных образований с из- в русском языке.

Следовательно, в более свободном образовании и функционировании приставочных глаголов с из- выделительного значения в диалектах можно видеть одно из основных отличий их от литературного языка.

---

[13] Попытки решать такие вопросы на весьма ограниченном материале уже предпринимались в некоторых статьях. См., напр., *Дыбина Т. В.* Об общеславянском происхождении приставки из-; *Черепанова О. А.* Глагольные образования. . . Череповец, 1970.

А. Д. Л И

Системные связи в лексике народного говора

Изучение словарного состава народных говоров как системы является актуальной задачей современного языкознания.[1] Углубленное изучение характера системных отношений привело к выявлению нескольких «постоянно действующих сил», которые в своем столкновении и взаимодействии определяют не только судьбу отдельных слов, но и целые их группы.[2]

Статья посвящается анализу системных отношений качественных прилагательных в одном говоре.[3]

К постоянно действующим силам системного характера относится самостоятельное значение слова. Известно, что характер проявления системных связей зависит от той части речи, к которой принадлежит слово. В основе семантики качественных прилагательных лежит свойство, качество, выделенное путем абстракции и являющееся понятием, отвлеченным в сравнении с носителем признака, выраженным соответствующим именем существительным. Свойство, качество, лежащее в основе семантики имени прилагательного, отличается не только отвлеченным, но и обобщенным характером, в силу этого прилагательное связано с широким кругом явлений и предметов действительности, следовательно, как правило, качественные имена прилагательные полисемичны.

Полисемантичные прилагательные являются узлом пересечения семантических связей синонимии, антонимии, и в этом смысле семантические процессы, наблюдаемые в говоре, аналогичны явлениям, изучаемым в лексике литературного языка.

---

[1] См.: *Сороколетов Ф. П.* Диалектная лексика как система // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 84—90, и мн. др.

[2] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка 30—90 гг. XIX в. М.; Л., 1965. 365 с.; *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

[3] Статья написана на материале русского говора с. Межог Коми АССР (Картотека Словаря русских говоров Коми АССР. Хранится на кафедре русского языка Сыктывкарского государственного университета им. 50-летия СССР).

© А. Д. Ли, 1991

В основе семантики качественных прилагательных лежит свойство, качество, которое способно противопоставляться как противоположное другому качеству; следовательно, качественные имена прилагательные легко вступают в антонимические противопоставления. Единицей противопоставления является антонимическая пара. При этом способность качественных прилагательных в пределах одного понятия выражать ряд тонких, порой едва уловимых оттенков значения предполагает наличие идеографических синонимов, как правило, к каждому члену антонимической пары; эта особенность качественных прилагательных определяет формы организации синонимо-антонимических пар.

Определение значения многих полисемантических слов часто представляет немалые трудности, даже при наличии относительно полного и достаточно качественного полевого материала, поскольку значения многих слов диффузны,[4] семантическая структура таких слов часто расплывчата, аморфна. В подобных случаях, кроме известных способов определения значения слова: а) в контексте, б) с помощью синонима, в) антонима, было использовано наблюдение за реальным употреблением слова в речи информантов. Знание ситуации общения, темы, в широком смысле подтекста общения позволило в толковании синкретичных по своему значению слов на первое место поставить доминирующий признак, прочие же признаки составили фон, на котором проявляется существенный признак.

Среди многозначных качественных прилагательных можно отметить разнообразные слова, диффузные по семантике.[5] Обращают на себя внимание прилагательные типа бо́йкий, шу́стрый, во́стрый, в значениях которых совмещены в сложном единстве понятийно-близкие, частные оттенки, отражающие свойство характера человека, которое трудно определить однозначно, но которое тем не менее следует расчленить на свойство характера человека, проявляющееся, с одной стороны, в манере поведения, его поступках, с другой — во внутренних свойствах характера человека; на этом основании и выделены две взаимосвязанные группы: прово́рный — нюхлый; боево́й — нюхлый.

Среди многозначных качественных имен прилагательных в говоре особую группу образуют общерусские и диалектные слова с обобщенной положительной / отрицательной оценкой: [6] просто́й, до́брый, хоро́ший; худо́й, некошно́й, плохо́й.[7] Эти прилагательные

---

[4] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 80.

[5] В статье рассматриваются значения полисемантичных прилагательных только применительно к свойствам характера человека.

[6] См.: *Ли А. Д.* Семантическая структура многозначного слова говора в его системных связях (на материале качественных прилагательных с обобщенной положительной / отрицательной оценкой в русском говоре с. Межог Коми АССР) // Северно-русские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 94—109.

[7] В народных говорах подобные синонимические ряды качественных прилагательных, очевидно, разнообразны и многочисленны. Ср. в томских гово-

максимально полно реализуют категориальные свойства качественных имен прилагательных — абстрактность значения и синтаксическую связь с именами существительными и развивают в говоре разнообразные значения и оттенки этих значений. В широком значении 'обладающий положительными внутренними свойствами', 'лишенный положительных внутренних свойств' эти прилагательные цементируют изучаемую тематическую группу в целостный семантически связанный фрагмент словаря говора с прямыми и опосредованными связями как внутри, так и вне ее. Семантическими центрами, вокруг которых концентрируются синонимо-антонимические группы, обозначающие черты характера человека, являются главным образом общерусские многозначные слова. Таким образом, в центре лексической системы говора стоит слово; многозначное слово является узлом пересечения семантических связей синонимии и антонимии; синонимы и антонимы, взаимно дополняя друг друга, уточняют значение слова, состав и границы синонимо-антонимических групп.

В диалектной лексикологии принято считать, что в формировании лексических систем говоров решающую роль играет территориальный фактор. В связи с этим следует признать, что «значение слова идиоматично в каждой моносистеме, потому что в пределах каждой из них оно формируется специфичным для данной системы набором слов, парадигматикой, определяемой именно данной системой, разной проекцией на действительность».[8] По этой причине семантические связи слов в говоре и литературном языке не совпадут полностью даже при наличии слов, одинаковых в плане выражения.

Известно, что изучение синонимии в народных говорах осложняется рядом факторов, которые определяются территориальной, временно́й и стилистической координатами.

С территориальной точки зрения, синонимические отношения в строгом смысле являются принадлежностью одного говора. Лексическая система одного говора есть идеальный объект изучения семантических связей.

С временно́й точки зрения синонимия — явление строго синхронное, ибо известно, что синонимические связи реально действуют в определенный исторический период; в диалектной лексикологии при изучении системных связей рассматриваются факты, не выходящие за пределы жизни одного поколения.[9] В последнее время выдвинут тезис о стилистической дифференциации диалектной лексики. С этих позиций исследуемый материал, собранный

рах: хоро́ший, до́брый, сла́вный, ла́дный, ба́ский, красивый, прекрасный; плохой, худой, бросовый, никудышный. *Палагина В. В.* Непредметная лексика в говорах западной части Томского района Томской области // Учен. зап. Том. ун-та. Томск, 1959. С. 73—76.

[8] См.: *Оссовецкий И. А.* Лексика русских народных говоров. М., 1982. С. 40.

[9] *Сороколетов Ф. П.* К вопросу о системных отношениях в лексике // Диалектная лексика. Л., 1978. С. 14—26.

от информантов одной социально-возрастной группы, главным образом женщин старше 60 лет, представляет собой в основном образцы обиходно-разговорной речи, которая, как и любая устная речь, отличается эмоционально-экспрессивной насыщенностью. Правомерно говорить об эмоционально-экспрессивных синонимах, обилие которых отмечается исследователями диалектной лексики, в частности в разряде лексики, связанной с характеристикой человека.[10] Это наблюдение подтверждается и настоящим исследованием. За счет эмоционально-экспрессивной лексики расширяются синонимические ряды в говоре. Экспрессивные прилагательные активны в словоупотреблении и образованы двумя способами: с помощью экспрессивных суффиксов -ящ: добря́щий, зля́щий, зуботя́щий, хитря́щий, худя́щий; реже с помощью -ущ: злю́щий; -ист (от именных основ): горди́стый; -ат/аст (от именных основ): зубатый, зубастый. Экспрессия в слове может быть выражена лексически. Намечаются группы соответствующей лексики: а) экспрессия выражена в лексическом значении основы слова: зая́рливый; б) экспрессия появляется в результате употребления слова в переносном значении, при этом мотивирующими основами выступают главным образом глагольные основы с ясной мотивированностью: боронли́вый 'болтливый' (боронить), бренчли́вый 'болтливый' (бренчать); вертечи́вый 'такой, на которого нельзя положиться, нельзя надеяться; вертячий 'то же (вертеться)'; витко́й 'такой, на которого нельзя надеяться, на которого нельзя положиться' (вить, виться). В основе метафорического значения глагольных основ могут лежать действия животных, перенесенные в сферу действия человека: грызони́тый (грызться), лаю́чий (лаяться), соба́чливый (собачиться).

Изучение синонимии в говоре осложняется наличием синонимов-дублетов, лексических, словообразовательных, а также синонимов-дублетов, возникших вследствие лексикализации фонетических процессов, природа которых сложна и разнообразна,[11] что подтверждается фактическим материалом изучаемого говора (ср.: молчали́вый-молчажли́вый, бранли́вый-брачли́вый и др.).

---

[10] См.: *Чусова И. Н.* Экспрессивно-эмоциональная лексика тульских говоров (на материале названий, относящихся к человеку) // Вопросы истории и теории русского языка. Тульский пед. ин-т. Калуга, 1969. Вып. 2. С. 176—185; *Кашевская Ю. И.* Оценочные субстантивные и адъективные названия лиц в говоре с. Кабанск Бурятской АССР (общий очерк и словник). Иркутск, 1971. 93 с.; *Зайцева И. К.* Лексика, характеризующая человека по личным чертам // Совещание ОЛА. Ужгород. Тез. докл. М., 1973. С. 252—254; *Раков Г. И.* Синонимия имен прилагательных в нарымском говоре (семантико-функциональный анализ): Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Саратов, 1977. 17 с.; *Ивашко Л. А., Мжельская О. С.* Слова, называющие черты характера человека и особенности его психического склада в русско-немецком разговорнике Т. Фенне (1607 г.) // Русская историческая лексикология и лексикография. ЛГУ. 1977. С. 122—130, и мн. др.

[11] *Филин Ф. П.* О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1965. С. 27—34; *Кузнецова О. Д.* Актаульные процессы в говорах русского языка. Л., 1986. 182 с.

Особенно многочисленны в разряде качественных имен прилагательных однокоренные разноаффиксные синонимы. Следует отметить развитую словообразовательную синонимию для прилагательных изучаемой тематической группы: гордóвый-гордúвый, гордя́щий; брезглúвый-брезготлúвый, брезговáтый; ругли́вый-ругáтливый, ругáстый; разговóрчивый, разговóрный, разговóристый; скупóй-скуповóй, скупáтый, скупя́щий[12] и др.

Разнородность лексического материала, формирующего синонимический ряд в говоре, отчетливо проступает на фоне сопоставления этой лексики с соответствующими по форме и содержанию словами, с одной стороны, других говоров, с другой — со словами литературного языка. С этих позиций в лексике говора различается несколько групп слов.

В исследуемой группе общерусские слова занимают доминирующее положение; следует отметить большую группу общерусских слов в диалектных значениях: бессты́жий ‘не имеющий стыда, совести’; бóйкий ‘ловкий, общительный’; дóбрый ‘нежадный’; печáльный ‘озабоченный, хлопочущий о чем-либо’; простóй ‘негордый’; скýчный ‘озабоченный, хлопочущий о чем-либо’; сóвестливый ‘имеющий стыд, совесть’; стыдлúвый ‘имеющий стыд, совесть’; тоскли́вый ‘озабоченный, хлопочущий о чем-либо’ и др.

Лексические диалектизмы малочисленны в этой тематической группе: боронли́вый, зая́рливый, коношкóй, ломовóй, моргли́вый, нарóйный, некошнóй и др. Особо стоит диалектное прилагательное нюхлый ‘лишенный живости, ловкости; нерасторопный’, образованное, очевидно, от глагола нюхать, переносное значение которого ‘медленно делать что-либо’ возникло, вероятно, на основе семантической контаминации общерусского глагола нюхать и глагола нюхайдать, образованного с помощью общерусского корня нюх- и вепского суффикса -айда-; последний глагол не зафиксирован в русских говорах Коми АССР, но широко известен в группе поморских говоров в значении ‘сопеть носом’; ‘медленно делать что-либо’.[13]

Можно отметить лексические диалектизмы с общерусскими корнями (в словарях литературного языка зафиксированы их производящие основы с пометой *простореч.*: грызови́тый, лаю́чий, соба́чливый, шипу́чий).

Употребляются в говоре с. Межог слова разговорно-просторечные: боевóй ‘подвижный, ловкий, деятельный’; ловкий ‘общительный, находчивый, слегка развязный’; смиренный ‘тихий, спокойный, уравновешенный’; руга́тельный ‘склонный к брани, ругани’; шу́стрый ‘подвижный, ловкий, деятельный’.

Вторая группа просторечной лексики, употребляющаяся в го-

---

[12] Знак (—) указывает на семантическую тождественность слов-синонимов; знак (,) отделяет идеографические синонимы.

[13] С точки зрения этимологической, прилагательное нюхлый неясно по происхождению. По материалам картотеки СРНГ, глагол нюхайдать в переносном значении ‘говорить в нос, работать, делая что-то медленно’ известен в русских говорах Поморья.

воре, имеет аффиксальную примету: к общерусскому корню присоединяются суффиксы -ящ, -ущ, -ист, -аст: боев-я́щ-ий, добр-я́щ-ий, зл-я́щ-ий, горд-я́щ-ий, жадн-у́щ-ий, руг-а́ст-ый, горд-и́ст-ый, разгово́р-ист-ый и т. п.

Таким образом, синонимические связи в говоре и литературном языке имеют отличия, обусловленные: 1) различиями семантического характера слов, общих для говора и литературного языка (семантические диалектизмы); 2) словообразовательными аффиксами (словообразовательные диалектизмы); 3) диалектными лексическими различиями (лексические диалектизмы); 4) различиями в стилистической характеристике общерусских слов в говоре и литературном языке; 5) различиями в употребительности / малоупотребительности общерусских слов в говоре и литературном языке; 6) активностью эмоционально-экспрессивной лексики в говоре.

Особенностью состава синонимических рядов в говоре обусловливаются отличия семантически противопоставленных рядов синонимов в говоре от соответствующих групп в литературном языке. Среди 30 семантически противоположных рядов синонимов совпадающих групп по числу членов синонимических рядов и их доминант не отмечено.

Частично совпадает несколько рядов, при этом совпадают доминанты синонимических рядов: до́брый-зло́й, лени́вый-стара́тельный.

Частично совпадают члены семантически противоположных рядов синонимов, но не совпадают доминанты этих рядов: молчажли́вый-разговорный; работя́щий-ленивы́й; прово́рный-нюхлый.

Частично совпадают члены семантически противоположных рядов синонимов, не совпадают их доминанты; один из синонимических рядов не представлен в лексике литературного языка: до́брый-бранли́вый; наде́йный-ненаде́йный; просто́й-го́рдый; просто́й-хи́трый; просто́й-брезготли́вый.

Не имеют аналогов в лексике литературного языка семантически противоположные ряды синонимов: стыдли́вый-бесстыжий.[14] По отношению к соответствующим прилагательным лите-

---

[14] Явление семантической контаминации (стыдливый, совестливый) известно широко в русских говорах. Ср.: о семантическом сближении на синонимической основе народно-разговорного слова стыд 'чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблаговидности своего поступка, поведения' и литературно-книжного слова совесть 'чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, перед окружающими людьми, обществом'; 'нравственные принципы, взгляды, убеждения' и их производных в народно-разговорной речи. (См.: *Колесов В. В.* Слова литературного языка в диалектной речи (2. Совесть) // Диалектная лексика. 1977. Л., 1979. С. 3—14). Лексико-семантические данные по русским говорам Коми АССР еще раз подтверждают наблюдения В. В. Колесова о том, «что влияние литературного языка на говоры столь велико, что ни один говор русского языка не может устраниться из общего процесса унификации» (Колесов В. В. К реконструкции общерусской лекси-

ратурного языка эти прилагательные являются семантическими диалектизмами.[15]

Менее изучена в говорах антонимия. Изучение этого типа семантических связей в говорах только начинается. Можно назвать отдельные работы, фактическую основу которых составляет материал различных говоров.[16]

Известно, что синонимы находятся в тесной взаимосвязи с антонимами и образуют в лексической системе языка определенным образом упорядоченное, семантически связанное лексическое ядро. В диалектной лексикологии принято считать, что «в пределах диалектной моносистемы статус антонимической лексики совершенно аналогичен статусу такой лексики в литературном языке»,[17] следовательно, проблемы изучения антонимии в народном говоре во многом совпадают с проблемами изучения семантических связей, отмеченных для фактов синонимии.

Трудность собирания антонимических конструкций в говоре обусловила то обстоятельство, что в качестве объекта изучения привлекаются антонимические пары, зафиксированные хотя бы в одной синтаксической конструкции, которые допускаются в качестве нормативных в словоупотреблении носителей говора. По этой причине понятие об индивидуальных антонимах, «то, чего нет в нормативном употреблении, то, что заложено как потенция в системе языка»,[18] снимается и не рассматривается в исследовании. Вывод о нормативном употреблении слов-антонимов носит предварительный и относительный характер.

Как показывает проведенное исследование, формы организации антонимов среди качественных прилагательных многообразны. Значительное место в словаре говора занимают синонимо-антонимические группы, у которых антонимические «импульсы» фокусируют одно прилагательное:

ческой системы со значением 'vita' // Диалектная лексика. 1975. Л., 1978. С. 60—75.

[15] См.: Стыдливый 'легко смущающийся, застенчивый, стеснительный'. БАС. Т. 14. Ст. 1119. Совестливый. . . 'стыдящийся сделать что-либо предосудительное, неблаговидное; поступающий по совести'. БАС. Т. 14. Ст. 703.

[16] См.: *Шварц А. П.* Группа наречий, включающая антонимические микросистемы слов, связанные с понятием «много» и «мало» (на материале наречий д. Акчим Красновишерского района Пермской области) // Учен. зап. Пермского ун-та, 1966. № 162. С. 110—123; *Херольянц Р. В.* Слова-антонимы в народном говоре // Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. 1968. Т. 81. С. 98—103; *Раков Г. А.* Синонимы-прилагательные, обозначающие свойства-качества ума в нарымском говоре // Вопросы сибирской диалектологии. 1975. Вып. 1. С. 66—73; *Мжельская О. С.* Семантические связи общерусского слова в лексике народных говоров // Севернорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 135—141; *Райская Л. М.* Антонимия в лексике народного говора / На материале говора с. Нарым / Автореф. канд. дис.. . . филол. наук. Томск, 1983. 19 с.

[17] *Оссовецкий И. А.* Лексика современных русских народных говоров. М., 1982. С. 62.

[18] *Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке. Семантический анализ противоположностей в лексике. М., 1973. С. 73.

	го́рдый		прово́рный
	хи́трый	нюхлый	боево́й
просто́й	брезготли́вый		работя́щий
		лени́вый		
	скупо́й		стара́тельный и др.

Однако обычной формой организации антонимов среди качественных прилагательных изучаемой тематической группы является группа слов, состоящая из двух семантически противоположных рядов синонимов. Возникает вопрос, все ли члены противоположных по семантике синонимических рядов вступают в антонимические отношения, если доминанты этих рядов антонимичны. Наблюдения некоторых диалектологов свидетельствуют о том, что антоним к одному из компонентов синонимического ряда вступает в антонимические отношения со всеми членами синонимического ряда при его расширении.[19] Наше наблюдение не расходится с результатами исследований, проведенных на материале древнерусского языка,[20] современного русского языка,[21] и заключается в том, что члены противоположных по семантике синонимических рядов реагируют на антонимичность избирательно.

Для антонимических связей среди качественных имен прилагательных, обозначающих свойства характера человека, характерна разнокорневая антонимия, которой лишь сопутствует однокорневая антонимия: [22] из 66 зафиксированных в говоре антонимических пар только 12 антонимических пар образованы с префиксами НЕ- и БЕЗ-.[23]

Как и в литературном языке, у качественных имен прилагательных слово с приставкой НЕ-, если оно существует, способно образовать антоним с соответствующим соотносительным по се-

---

[19] *Херольянц Р. В.* Слова-антонимы в народном говоре // Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. 1968. Т. 81. С. 98—103.

[20] *Лукина Г. Н.* Синонимы и антонимы в пределах лексико-семантической группы слов // Лексикографический сборник. Вып. 6. М., 1963. С. 106—114.

[21] *Введенская Л. А.* О взаимодействии антонимии и синонимии // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. Ростов-на-Дону, 1968. С. 68—74, и др.

[22] Заметим, что Булаховский Л. А. не выделял однокорневой антонимии. (См.: Введение в языкознание. М., 1953. С. 44—45).

[23] На ранних этапах развития русского языка исконно русский префикс НЕ- и заимствованный из болгарского языка префикс БЕЗ- семантически были равнозначны, имея значение: не склонный к. . . Впоследствии конкуренция дублетных префиксов приводит к их семантической дифференциации: префикс БЕЗ- в отличие от префикса НЕ- становится выразителем значения 'лишенный чего-либо', означая предельное отрицание с экспрессивным усилением. Ср.: *Обнорский С. П.* Префикс БЕЗ в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С. 201. В литературном языке однокорневые антонимы создаются в результате использования приставки БЕЗ- (БЕС-), выступающей в том же значении противоположности, что и приставка НЕ-. Ср.: *Введенская Л. А.* Введение. Антонимы русского языка // Словарь антонимов русского языка. Ростов, 1971. С. 6.

мантике бесприставочным словом; подобные пары пополняют ряды антонимических пар, соотносительных по семантике. Префикс НЕ- имеет значение 'не склонный к'. . .: говóркий 'склонный к разговорам' — неговóркий 'несклонный к разговорам': гóворкая Палáша, фсю ночь проговорúли, неговóркая былá, да эстоль не выдáлись; и др.

В говоре, как и следовало ожидать, имеются случаи семантической равнозначности префиксов НЕ- и БЕЗ-: семантически соотносительную пару однокорневых антонимов образуют прилагательные надежный 'такой, на которого можно положиться, надеяться' — безнадежный 'такой, на которого нельзя положиться, надеяться': Одни́ сосéди у молодúци надежные, другúе дак безнадéжные.

В говоре, как и в литературном языке, префикс БЕЗ- имеет значение сильного, предельного отрицания. Образования с префиксом БЕЗ- экспрессивны: стыдлúвый 'обладающий чувством стыда, совести' — бессты́жий 'лишенный чувства стыда, совести': Стыдлúвый, сóвестливый и есть такóй, а бессты́жий, если ни сóвести, ни стыдá, худóй и есь бессты́жий и др.

Отчетливо антонимия между однокорневыми словами выявляется в том случае, если слово с префиксом НЕ- имеет синоним, в результате образуются серии антонимических пар. Прилагательные неговóркий, неразговóрный, неразговóристый имеют ряд синонимов: молчалúвый, молчажлúвый, молчúвый, молчáный. Семантические различия между синонимами едва уловимы: Неразговóрный, это молчажлúвый. Неразговóрный, молчажлúвый дед был. Можно отметить несколько экспрессивных синонимов к названным: немóй 'лишенный склонности к разговорам': Он у нас смирный да немóй, дак его и подлóвят; нюхлый 'лишенный склонности к разговорам': Нюхлый, он тихонькой, не знáет что и сказáть, неговóркой.[24]

Образуются серии синонимических пар антонимов, семантически тождественных: говорлúвый — молчалúвый; молцяный, молцяжлúвый: Вот вы дак сúльно говорлúвая; разговóрный — неразговóрный: Онá когдá разговóрная, когды́ неразговóрная, фсяко бывáет; отличающихся незначительным оттенком усиления названного свойства: разговóристый — неразговóристый: Он-то разговóристый, дак неразговóристый се моуцúт; отличающихся экспрессией: говóркий — немóй: Я дак говóркая, другóй дак немóй, да у меня уж говóри нет, выйежжáшь ты на мне да Уллянe.

Сопоставительный анализ синонимо-антонимических связей в говоре и литературном языке выявляет своеобразие семантических связей в двух подсистемах общенародного языка: от несовпадения нормативного проявления совпадающих по форме и

[24] У прилагательных немой и нюхлый экспрессия выражена лексически вследствие употребления этих слов в переносном значении. В проведенном эксперименте на вопрос: Какого человека можно назвать нюхлым? — информанты отвечают: — Да уж зачéм так, да уж я не бýду ругáця, да уж скáжем тúхий человéк. Информанты называют нейтральный синоним.

содержанию антонимических пар в говоре и литературном языке до полного отсутствия некоторых рядов и групп в литературном языке.[25] Так, в синонимо-антонимической группе сме́лый — боязли́вый,[26] учитывая совпадение доминант антонимически противопоставленных рядов синонимов и частичное совпадение членов синонимических рядов, можно предполагать совпадение доминантных и синонимических антонимических пар в говоре и литературном языке. Однако в литературном языке, как свидетельствуют материалы антонимических словарей, антонимическая пара сме́лый — боязли́вый отсутствует. Неоднозначно представлена в литературном языке антонимическая пара хра́брый — трусли́вый.

В лексике говора антонимическая пара хра́брый — трусли́вый синонимична доминантной антонимической паре сме́лый — боязли́вый. В литературном языке к числу активных в нормативном словоупотреблении антонимических пар относятся смелый — трусливый // смелый — несмелый. В говоре эти антонимические пары синонимичны доминантной паре сме́лый — боязли́вый, но не менее активны в словоупотреблении в сравнении с литературным языком.

В говоре антонимичность доминант семантически противоположных рядов синонимов не предопределяет антонимичности всех членов этих рядов. В говоре, как и в литературном языке, антонимичность членов семантически противоположных рядов синонимов зависит как от семантических свойств слов, их семантической соотносительности, так и от сложившихся норм употребления этих слов как противоположных, при этом серии антонимических пар, зафиксированных в говоре, с одной стороны, свидетельствуют о наличии лексической нормы в говоре, с другой — о ее широкой вариантности в сравнении с литературным языком.

Таким образом, как показывают наблюдения, русский говор коми-русского села Межог Усть-Вымского района Коми АССР по типологическим линиям лингвистических явлений, в частности лексико-семантических, развивается в общем русле языковых изменений, свойственных говорам русского языка. Отметим богатство синонимо-антонимических средств, связанных с духовно-нравственной сферой; широкую вариативность синонимо-антонимических средств, свидетельствующую о подвижности лексической нормы в говоре в отличие от относительной стабильности ее в литературном языке; частичное, но явное различие лексико-семантического фонда говора и литературного языка.

---

[25] В говоре синонимо-антонимическая группа стыдли́вый, со́вестливый 'имеющий стыд' — бесты́жий, бесты́дный 'лишенный стыда, совести' не имеет аналога в лексике литературного языка, поскольку прилагательные, входящие в эту группу, являются семантическими диалектизмами по отношению к соответствующим прилагательным литературного языка.

[26] Ср. в говоре: сме́лый, смеля́щий, хра́брый, боево́й, боевя́щий, бо́йкий, рысково́й; в литературном языке: смелый, храбрый, отважный. В говоре боязли́вый, бо́язкий, бо́язной, трусли́вый, трусова́тый, несме́лый; в литературном языке: боязливый. . . .трусливый, трусоватый (*разг.*). . . .несмелый.

Н. В. ПОПОВА

Приставка оби- (обы-) в сопоставлении с об- (обо-) по данным русских народных говоров и литературного языка

Приставка оби- и ее твердый вариант обы- присутствуют в некоторых, весьма немногочисленных словах литературного языка. Они полностью умещаются в двух гнездах — с корнем -ход- и с корнем -ден-. В 17-томном Академическом словаре подавляющее число этих слов сопровождается пометой «простореч.», а иногда и «обл». Вот их список: обиходность, обиходный; обихаживанье, обихаживать, -ся; обиходить, обиходиться; обиходливость, обиходливый, обихаживать, -ся; обиходно (обл.); обыденный, обыденно, обыденщина, обыденность, обыденкой (простореч.).

Однако эти слова до сих пор остаются в стороне при анализе префиксальных групп на об-. Так, в докладе на Международном съезде славистов в Киеве в 1983 г. Р. М. Цейтлин выделила семантически три префиксальных группы с о-(об-), где формы с оби- (обы-) не нашли места. Несколько ранее А. Ф. Журавлев в статье «Семантика и происхождение слова обыденный» приходит к заключению, что прилагательное обыденный «характеризуется затемненной морфемной структурой».[1] Автор рассматривает различные версии о морфемной структуре прилагательного, которая «с современной точки зрения представляется не вполне ясной».[2] «Трудность заключается, — пишет А. Ф. Журавлев, — в идентификации начальной части... обы-: является ли этот сегмент нерегулярной модификацией предложно-префиксальной морфемы объ/об(ъ) — или же перед нами составной элемент, сочетающий морфему об- с „остатком" какой-то другой морфемы».[3]

В Грамматиках русского языка, в том числе академических, приставка оби- не отмечена.

То, что оби- не является фонетическим вариантом приставки об-, видно хотя бы при сопоставлении паронимов обход и обиход, где семантические расхождения обусловлены различием префиксов.

[1] *Журавлев А. Ф.* Семантика и происхождение слова «обыденный» // Сб.: Этимология-81. М., 1981. С. 77.

[2] Там же. С. 81.

[3] Там же.

Об истории предлога-приставки оби- мы имеем довольно скудные сведения. А. Мейе называет старославянскую форму оби- «усиленной формой» ст.-сл. формы обь-.[4] *Обь* — «форма с конечным редуцированным», *обь-*, об-, по Мейе, соответствует санскр. abhi. Именно форму *обь-* мы находим в производных типа ст.-слав. *обьщ. . .*, а усиленную форму *оби-* (ср. лит. аруо́-) в др.-р.: *обистоупити, оби-сѣсти* и т. д. В Словаре А. Преображенского в словарной статье *Об* (предлог) отмечена форма оби-.[5] В 1948 г. В. И. Чернышев в статье «О некоторых русских префиксах и предлогах» указывает на слова с оби-/обы- как на «не обратившие на себя достаточного внимания, и, чтобы решить вопрос о существовании в русском языке приставки *оби-* ясно и основательно»,[6] автор приводит примеры с этой приставкой. В основном эти примеры группируются вокруг основ *обиход*, *обизор* и *обыден*. Автор обосновывает древнее происхождение префикса, исконно русский характер его тем, что искомый морф содержится в «чисто русских памятниках (Житие Феодосия, Лавр. летопись, грамоты)», приводит собственные диалектные записи, сделанные во Владимирской губ., а также данные белорусского и украинского языков.

Перечислим лексику, описанную в статье В. И. Чернышева. С основой *обиход*, «уже один Даль дает до 25 слов», автор дополняет этот список собственными наблюдениями (обиходница-хозяйка, содержащая дом в чистоте; изобихаживать избу, обиходовать с чем-либо: мы не умеем обиходовать с самоваром; обиходливый — любящий порядок, опрятность, чистоту в домашнем быту, и др.); семейство слов, приведенное у Даля под словом обизор; обиночно (в одну ночь); обширное семейство, приведенное у Даля под прил. обыденный. Особое место отводится слову обигорить; и еще одно слово, указанное Н. Н. Дурново в «Описании говора дер. Парфенок Рузского у. Московской губ.» «одна очень замечательная, как пишет В. И. Чернышев, и до него (т. е. до Н. Н. Дурново) нигде не отмеченная наблюдателями форма изученного им говора с префиксом оби: абисúкаца (обмочиться, в специальном значении этого слова: испустить мочу)».

В Словаре И. И. Срезневского имеются материалы из древнерусских данных: обистояти, обистояние, обистоупаеми, обистоупивъшемъ, обисѣсти, обитѣкати, обишѣдъ, обишли, обиходити, обисияеть (солнце), обистоупиша, обизрелъ, обизаряеть, обизряся и др.

Свидетельство о древности формы оби- находим в статье О. Н. Трубачева «Древнейшие славянские термины родства».[7] Автор указывает, что форма оби- (obi-) со значением места сохра-

---

[4] *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 124.

[5] *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914.

[6] *Чернышев В. И.* О некоторых русских префиксах и предлогах // Отд. отт. Варшава, 1903. С. 232, 376—377.

[7] *Трубачев О. Н.* Древнейшие славянские термины родства // ВЯ, № 2, 1957. С. 94—95.

нилась в ряде славянских примеров. «Слав. *об-*, — пишет О. Н. Трубачев, — и его более полная форма *оби-* обозначает движение по кругу (вокруг) а также круглое».[8] В Грамматиках русского языка эта форма не отражена.

Может быть, малочисленность лексики с префиксом оби- (обы-) создает ложное представление об этом морфе не как о самостоятельной словообразовательной единице, а всего лишь как о произносительном варианте широко распространенной приставки об- (обо-). В лексикографических источниках такое ложное представление приводит к смешению этих функционально (но не генетически) различных приставок. Так случилось с разработкой слова обигоривать-обигорить. Совмещение в одной словарной статье обеих словоформ — объегорить и обигорить, неразличение их находим уже в Словаре Даля: обигóрить-приобресть; // обмануть, тул. Опд. Ср.; объегóрить — новг., перм., кур., — плутовски обмануть, надуть, обобрать. В 17-томном Академическом словаре в статье *обигóривать* приводятся цитаты, содержащие обе словоформы:

— Ай у вас коров-то нет? — спросил (купец) старуху. — Да нетути, сударик, — третий год как не обигорим коровенки. Н. Успенский. Старуха. (Аким): Лошаденка извелась. . . Объегорить, тае, надоть лошаденку-то какую ни на есть. Л. Толстой. Власть тьмы. В справочном отделе опять-таки отождествляются обе формы: — «В иной форме: *объегóривать*, *объегóрить*. Доп. к Опыту обл. слов. Акад. 1858: *обигóрить*». Между тем смысловое расхождение этих двух словоформ обусловлено различным смысловым содержанием префиксов; внутренняя форма обнажится, если мы допустим здесь наличие приставки оби- не как произносительного варианта префикса объ-, а как самостоятельной словообразовательной морфемы, во многом определяющей смысл лексической единицы. *Обигóрить* этимологически связано со словом горе, как показывает толкование этого слова — делать что-либо с трудом, с горем пополам. *Объегóрить* же восходит к имени Егор (ср.: объемéлить и т. п.). Если в литературном языке слова с приставкой оби- малочисленны и находятся на периферии (в основном это просторечная лексика), то в говорах зона присутствия слов с приставкой оби- значительно шире. Так, в словаре Даля зафиксированы слова:

Обивéнивать ‘обвивать’. пск., твер.

Обигóрить ‘приобресть’ // обмануть. тул. Ср.: Объегорить.

Обизóр ‘позор’, ‘стыд’, ‘попошенье’, ‘бесчестье’, ‘поруганье’, ‘срам’.

Обизóрник ‘бесстыдник, срамник’.

Обизóрный, *обизóркий* ‘постыдный, позорный, бесчестный’ // пенз. тамб. самар. ‘обидный, оскорбительный’. За тебя всему околотку обизорно. Обизорно горемычному на свете жить, совестно и обидно. Обизорко тебе перед людьми. Обизорные дела не доведут до добра.

[8] Там же. С. 95.

Обизóрить кого ‘позорить, бесчестить, поносить’ // ‘не оказывать чести, обходить чем-нибудь’. тамб. Пьянство обизорит. За что ты в людях обизоришь меня? Мать родила меня, обизорила, т. е. небрачно. // ‘Совеститься, стыдиться’. Обизориться, просить не хочет, а дома нет ничего. (Обижаться, оскорбляться. . .) *Обизóрство*, *Обизóрничать*. *В обизóр*, *нареч.* ‘Очень мало’. Э, хлеба-то у нас уж в обизор, т. е. только поглядеть разве на него, обозреть, влад. *Обикóнный* ‘опрятный, убранный’. яросл. (Пример приведен в Ярославском областном словаре Мельниченко со ссылкой на Этнографический сборник).[9]

Обинóчно ‘через ночь’ // ‘в одну ночь, в продолжение одной ночи’. Обиночно кончил дело. *Обичáяться* ‘обнаружиться’. Пример: Дырка-то откуда не знаю. Сперва не было знатко, а потом уж обичаялась.

Кемер. обл. Запись 1978 г. (см. КСРНГ).

Ряд областных слов имеет усеченный вариант префикса *оби-*: *би-*.

Бизóрно ‘мало, обидно’. яросл.

Бизóрный ‘Постыдный, унизительный’. Здесь семантическая близость с гнездом обизор- делает очевидной трансформацию префикса: оби-, би-.

В говорах находим достаточно примеров с твердым вариантом префикса оби- → обы-:

Обыгóрить, курск. Машкин.

Обы́зрить кого ‘призреть, приютить, помочь’, Даль.

Обы́зреть что курск. ворон. ‘увидать, усмотреть, узреть’. Не обы́зри я детей (Клятва отца-матери).

Обымёки, ‘домеки, догадки’. пенз.

Обы́жать. У тя сестрица-та улицу косит стойкой. Она обыжала замёжек, а он сносил все сено. арх., 1963. КСРНГ.

Обыхóд, *обыхóдчик* ‘лесной сторож’. брян. орл., 1904, Тиханов.

Обыхóдить, *брян.*, 1957.

Обыхóдливый, *брян.*, 1957. КСРНГ.

Обы́рванец, курск., 1859.

Обыéщик ‘объезчик, то же, что обыходчик’. брян. орл., Тиханов, 1904.

Обыгóнка ‘борозда посредине «загона», вспаханного «абыгонью»’, курск., Е. И. Резанова, 1915: *Обыгóнью* пашут таким образом: первую борозду, называемую обыгóнкой, проводят посредине загона, а след. — рядом с обыгонкой — то с одной ее стороны, то с другой — поочередно. Иногда начинают пахать с краев загона. курск., 1915.

Обысóчник ‘облазчик, тот, который отыскивает в лесу годные на мачты деревья и отмечает их особым знаком’. Наумов, 1874.

Обыстрóжиться ‘смотреть во все глаза, как на диковинку’. вят., Васнецов, 1907.

Обыднáть ‘о наступлении рассвета’. Хотел вернуться рано, а при-

[9] Этнографический сборник. Вып. 1. СПб., 1853. С. 125.

ехал, когда обыдняло. Шли дожди, потом обыдняло, солнце показалось. дон., 1975.
Обыдня́ться. дон., 1975.
Обыха́живать ‘возделывать’. Лен сеяли. Его обыхаживали. Ленинград, 1954.
Оби́день ‘в один день’.
Обыйма́ть ‘обнимать’. Зап. брян., 1973.
Обие́снило ‘разъяснилось, рассвело, стало ясным (небо)’. арх.

Если согласиться с присутствием в приведенных примерах префиксов *оби-/обы-* и считать вопрос об их их существовании решенным, по выражению В. И. Чернышева, «ясно и основательно», то это поможет прояснить некоторые этимологические туманности. В упомянутой выше статье А. Ф. Журавлева говорится, что прилагательное обыденный «характеризуется затемненной морфемной структурой».[10] «Трудность заключается, — пишет А. Ф. Журавлев, — в идентификации начальной части. . . обы-: является ли этот сегмент нерегулярной модификацией предложно-префиксальной морфемы объ-/об(ъ) — или же перед нами составной элемент, сочетающий морфему об- с „остатком“ какой-то другой морфемы».[11] Автор все же допускает, что обы- является вариантом морфемы об-, где -ы- развилось из -ъ- фонетически. Белорусские же этимологи, — сообщает А. Ф. Журавлев, — допускают, что форма *абыдзень* есть слияние двух омонимов: на протяжении дня (*аб дзень*) и ежедневно (*аб-ин-дзень*), что автором оспаривается.

Не выдерживающей критики представляется и этимология М. Фасмера, который прилагательное *обыденный* рассматривает как результат диссимиляции «из*объ инъ дьнь» *въ инъ день (выдень) по ассимиляции.

Приведенные в нашей статье данные русских народных говоров устраняют этимологические шероховатости и делают ясной морфологическую структуру рассмотренных выше «загадочных» слов.

---

[10] *Журавлев А. Ф.* Семантика и происхождение слова «обыденный». С. 74.
[11] Там же. С. 81.

А. С. ГЕРД

К истории говоров к юго-западу от Пскова

Фонетика и морфология говоров к юго-западу от Пскова монографически изучены Л. И. Царевой.[1] Диалекты около Себежа привлекали внимание исследователей преимущественно в аспекте выяснения границ белорусского наречия. Еще в 1903 г. Е. Ф. Карский, перечисляя уезды, в которых слышна белорусская речь, назвал и Себежский уезд. На «Этнографической карте белорусского племени. Белорусские говоры» Е. Ф. Карский отнес себежские говоры к белорусским с сильной переходностью к великорусским.[2] На карте МДК диалект Себежа также отнесен к белорусскому языку,[3] на Диалектологической карте русского языка АН СССР 1964 г. говоры Себежа включены в западную группу южного наречия.[4]

Тесные связи диалектов Себежчины с другими белорусскими диалектами прочны и очевидны. По данным Картотеки ПОС и ПОС,[5] можно было бы привести сотни слов, прочно связывающих себежские говоры с другими белорусскими диалектами.

В этой связи целью настоящей статьи является прежде всего анализ лексических связей говоров Себежа с другими русскими диалектами к северу и северо-востоку от Себежа, связей, которые ранее не исследовались.

При вычленении мелких диалектных зон на лексико-семантической основе целесообразно опираться преимущественно на материалы, хорошо и тщательно обработанные предварительно. В связи с этим настоящая статья построена прежде всего на данных опубликованных и подготовленных томов ПОС (Тт. 1—8), опубликованных работ и лишь частично и выборочно на материа-

---

[1] *Царева Л. И.* Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области // Псковские говоры. Псков, 1962. С. 58—76; *Царева Л. И.* Говоры юго-западной части Псковской области: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1954.

[2] *Карский Е. Ф.* Белорусы. Варшава, 1903. Т. 1.

[3] Диалектологическая карта восточнославянских языков в Европе. МДК, 1915 г.

[4] Русская диалектология АН СССР. М., 1964.

[5] ПОС — Псковский областной словарь. Л., 1967—1989. Т. 1—8.

© А. С. Герд, 19

лах самой Картотеки ПОС (буквы д, к, что вместе составляет около 30 % словника любого русского словаря). Немалую роль при этом играет анализ «небольших» производных слов, которые нередко при работе с большой картотекой ускользают от внимания. Именно производные чаще всего хорошо показывают внутреннее членение диалекта.

Отметим следующие типы связей говоров вокруг Себежа с другими псковскими говорами и рассмотрим эти связи в направлении с юга и юго-запада на восток и север.

1. Говоры только вокруг Себежа: аткасник 'растение',[6] баба 'ворот при сплаве', бабка 'сдобная булка', бабочник 'форма для печения булок', балабать 'болтать', балабашка 'шарик из вареного толченого картофеля', березовка 'растение', берестянка 'корзина', бесёдухна 'вечеринка с угощением', брыль 'лист лопуха', бук 'глубокая яма под мельничным колесом', быри-быри 'подзывные слова для овец', виловатый 'с изгибами', волотьё 'длинная тонкая щетинка у зерна', глыжевьё 'морошка, собир.', иван 'василек', жур 'кушанье', кодол 'рыболовецкое орудие', крапин 'укроп'.

2. Говоры вокруг Себежа, говоры около Невеля, Пустошки: этих слов, как правило, уже нет севернее и в районе Великих Лук, Поречья, Куньи, Усвят: агрест 'крыжовник', бабутка 'бабушка', бель 'сорт яблок', брыкса 'пирушка', бузливый 'вязкий, илистый', бурка 'зимняя одежда', валтузиться 'возиться с чем-нибудь', даробка 'катушка для пряжи', дзюбка 'клюв', доса, доси 'достаточно, довольно', жабер 'растение', жерства 'гравий', жменька 'горсть', колодуха 'кушанье',[7] конопельки 'растение кукушкины слезы', копань 'место, где мочат лен', красёха 'сыроежка', морква 'морковь', уклейница 'сеть'.

3. Говоры вокруг Себежа, говоры около Невеля, Пустошки, Великих Лук, Поречья, Куньи, Усвят, не севернее районов Идрицы, Пустошки, Новосокольников, Куньи: буза 'болото', бурачник 'ботва', быльник 'полынь', ватовка 'ватник', волна 'шерсть', вех 'растение', вилка 'ухват', завонь 'заводь', кмин 'тмин', колотовка 'то, чем сбивают масло'.

4. Говоры вокруг Себежа, говоры около Невеля, Пустошки, Великих Лук, Поречья, Куньи, Усвят на западе, на север до районов Красногородского, Опочки, Пушкинских гор, не северо-восточнее Новоржева: барлять 'ковылять', белянка 'чайная чашка', бодулька 'лопух', болонье 'заливной луг', буба 'ягода', бузяный 'мутный', вотрина 'мякина', девичья красота 'комнатное растение', доб 'хорош, хорошо!', долгун 'одно из опорных бревен в избе', коваль 'кузнец', кроп 'укроп', солодуха.[8]

---

[6] Примеры слов, доказывающих выделение того или иного типа связей, приводятся по алфавиту, далее в марровских кавычках указывается основное значение слова. Формулировка значений из ПОС в ряде случаев несколько сокращена.

[7] Географию слова см.: *Лутовинова И. С.* О лингвогеографическом членении псковских говоров // Лингвоэтногеография. Л., 1984. С. 118—126.

[8] Географию см.: Там же. С. 120.

5. Говоры вокруг Себежа, Пустошки, Невеля, на восток до Великих Лук, Торопца, Холма, но не севернее: брязготать ‘звенеть чем-н.’, взмёт ‘первая вспашка’, крёквы ‘стропила’, лустка ‘ломоть’.

6. Говоры вокруг Себежа, на северо-западе не севернее Пыталова, Острова; в целом — это крайний юго-запад Псковщины: блескучий, блескущий ‘блестящий’.[9]

7. Говоры вокруг Себежа, говоры около Острова, Печор, реже до Серёдки: белоус ‘растение’, беляки ‘пенистые гребни на волне’.

8. Говоры вокруг Себежа, на восток не далее Новоржева, Локни, Великих Лук, на северо-западе до районов Острова, Печор, но не севернее и не восточнее этих районов: барляться ‘барахтаться’, ботвинья ‘жидкое кушанье’, бузить ‘мутить’, денник ‘пространство между домом и хозяйственными постройками’, дежа, дежка ‘квашня’, загнет ‘часть печи’, стульца, стулька ‘каша’, уклейница ‘рыболовецкое орудие’.

9. Говоры вокруг Себежа, на северо-западе до Острова, реже до Печор, на восток — до Торопца, Холма и далее на север до Порхова, изредка захватывая Псков. Эта полоса говоров в виде подковы с юга огибает центральные районы Псковщины к северу от Опочки, Пустошки, Локни, Холма: бабить ‘принимать роды’, белянка ‘о девушке’, белток ‘белок яйца’, бобовник ‘растение’, буза ‘муть со дна’, буерага ‘ненастье’, босовики ‘обувь из бересты’, белузговатый ‘беловатый’, валуй ‘гриб’, верховье ‘льняное волокно низшего качества’, вздолить ‘смочь, быть в состоянии’, горлач ‘жбанок’, гультяй ‘лентяй’, двойняты ‘близнецы’, доложе ‘длиннее’, дубец ‘прут’, жадобный ‘милый, дорогой’, жигало ‘крапива’, заглумить ‘заморочить голову’, заглушица ‘глушь’, закликуха ‘колдунья’.

10. Говоры вокруг Себежа, на северо-западе до Острова, Печор, на восток до Великих Лук, Торопца, Порхова и далее на север до Плюссы, Ляд, реже включительно до Гдова. Эта зона с запада, юга, востока и севера в виде незамкнутого кольца огибает районы около самого Пскова: бурак ‘свекла’, белёный суп ‘суп, заправленный молоком, сметаной’, барабоха ‘болтун, врун’, ведреный ‘ясный’, девасил ‘растение’, жито ‘рожь’, жниво ‘сжатое поле, рожь’, завор ‘крутой берег, обрыв’, колотуха ‘кушанье’, косовьё ‘рукоятка косы’, кутный зуб ‘задний зуб’, ластовка ‘ласточка’, линуть ‘полить о дожде’, малец ‘парень’, поддача ‘место, где опускают невод’.[10]

11. Говоры вокруг Себежа, говоры центральных и южных районов Псковщины, говоры около Невеля, Пустошки, около Порхова, но исключая говоры на востоке области к югу от Пор-

[9] Единичные лексемы так же доказательны, как и единичные грамматические формы; отбрасывать их не следует, они лишь усиливают впоследствии выделение более общих группировок говоров и типов связей.

[10] Географию см.: *Храмцова В. П.* Лексика псковских рыбаков. (Рукопись канд. дис.). Л., 1969.

хова до Великих Лук и Усвят: ветох ‘луна на ущербе’, дуля ‘груша’, молодик ‘серп луны’.

12. Говоры вокруг Себежа, говоры центральных районов Псковщины, включая Порхов, говоры около Гдова, Ляд, исключая говоры к востоку и юго-востоку от Пскова и говоры вокруг Невеля, Пустошки, Великих Лук: бабурка, байня ‘баня’, баретки ‘туфли’, бахмора ‘бахрома’, блицы ‘грибы’, близорокий ‘близорукий’, брательник ‘брат’, валок ‘гряда сена’, валяльщик, валильщик ‘лесоруб’, тюшка ‘лунка для рыбной ловли’.

13. Говоры вокруг Себежа, говоры центральных районов Псковщины, исключая говоры около Гдова на севере, вокруг Невеля, Пустошки на юге, говоры на востоке Псковщины: белянка, беляночка ‘гриб’.

14. Говоры вокруг Себежа, говоры около Невеля, Великих Лук, говоры центральной и восточной Псковщины, исключая говоры к северу от Пскова, Порхова: бульба ‘картофель’ и все производные; веселка ‘радуга’, дыхать ‘дышать’.

15. Говоры вокруг Себежа, на север от Невеля до Гдова, Плюссы, говоры на востоке Псковщины, исключая говоры около Великих Лук, Торопца: деянки, дьяницы ‘варежки’.

16. Говоры вокруг Себежа, говоры центральной Псковщины, исключая районы вокруг Невеля, Пустошки, Великих Лук, на востоке и севере Псковщины: вошерно ‘страшно, жутко’.

17. Говоры вокруг Себежа, Невеля, Пустошки, реже до Великих Лук, Острова и говоры к северу от Пскова. Типологически тесно связаны два разорванных ареала: первый ареал — к югу от Красноградского, Опочки, Великих Лук; второй — к северу от Пскова — Порхова: важить ‘взвешивать’, ветрянка ‘флюгер’, белун ‘подзол’, дребь ‘кустарник’, дубица ‘лодка’, дуже ‘очень’, кожа ‘кора’, капуста ‘щи’, лунка ‘маленькая прорубь’.

Обобщая, отметим, во-первых, ряд микрозон (1—5), которые, взятые вместе, отчетливо выделяют зону южнопсковских говоров к югу от Красногородского, Опочки, Пушкинских Гор, Новоржева, Локни, Великих Лук, Торопца. Однако эта микрозона южнопсковских говоров не едина и не монолитна. Во-вторых, здесь выделяется микрозона говоров к югу от линии Идрица—Новосокольники, по отношению к которой говоры к югу от Опочки—Новоржева предстают как северная микрозона, переходная уже к собственно псковским говорам. Здесь же налицо также обособление трех таких диалектных микрозон, как 1) Себежская, 2) Невельско-Пустошкинская, 3) Великолукская. Во-вторых, следует отметить ряд микрозон (6, 7, 8), которые объединяют говоры Себежа и говоры Острова и Печор, иногда выходя на восток до Новоржева. В целом это компактная зона, выделяющая крайний юго-запад Псковщины. В-третьих, выделяются лексически мощные зоны (9, 10), которые, начиная от Себежа, Опочки, то в виде подковы, то в виде незамкнутого кольца огибают с юга и востока и северо-востока центр Псковщины. В-четвертых, отметим большое число микрозон (11—16), которые тесно связы-

вают Себеж прежде всего с центром Псковщины, с районами около Пскова, Гдова, Порхова. В-пятых, обращает на себя внимание зона (17), связывающая Себеж, другие южнопсковские говоры и только говоры к северу от Пскова—Порхова.

Таким образом, отмеченные выше типы связей выявляют тем самым соответствующие диалектные микрозоны.

Приступая к исторической интерпретации отмеченных типов связей, вспомним основные этапы истории г. Себежа. Первоначально Себеж возник, по-видимому, где-то в конце XIV в. как укрепленный пригород Пскова, вероятно на месте другого более древнего поселения. В дальнейшем история Себежа и окрестностей — это типичная история важной порубежной крепости Средневековья. В XV в. его сжег князь Витовт в походе против псковичей, и Себеж подпадает под власть Литвы. В XVI в. Иван Грозный строит здесь новую мощную крепость, в 1537 г. Себеж отходит к России, в 1562 г. — литовцы опять сжигают его, в 1570 г. он вновь отходит к России, в 1579 г. Себеж взят войсками Стефана Батория, в 1582 г. — отходит к России, в 1634 г. — отошел к Польше, в 1654 г. — вновь взят русскими войсками, с 1686—1772 гг. — по договору уступлен Польше, с 1773 г. — уездный город Псковской губернии, с 1777 г. — Полоцкой, с 1796 г. — Белорусской, с 1802 г. — Витебской.[11] Такая бурная и многострадальная история города-крепости не могла не отразиться на формировании лингвистического ландшафта Себежчины.

О чем же свидетельствуют выделенные выше типы лексических зон и микрозон?

Общая первая зона — зона южнопсковских говоров и в особенности зона к югу от линии Идрица—Новосокольники, в которую на западе входит и Себеж, — вновь свидетельствует о той исключительной роли, которую сыграли в истории говоров к югу от Пскова в XIII—XIV вв. южнорусские элементы, а позднее общая языковая ситуация в Польско-Литовском государстве и в Речи Посполитой в XIV—XVIII вв. Начиная с XIV в. Себеж и Себежчина испытывали постоянное влияние Русско-Литовского государства.

Таким образом, говоры Себежчины пережили все те же лингвистические процессы, которые пережили и другие русские диалекты, более 500 лет входившие в разное время в состав Русско-Литовского, Польско-Литовского государства и Речи Посполитой. Район по линии Идрица—Новосокольники довольно точно совпадает с северной границей Литовского княжества в княжение Витеня и Гедимина в XIV в., с границей Речи Посполитой по Люблинской унии 1569 г., с границей между Россией и Речью Поспо-

[11] Составлено по данным: *Сапунов А.* Краткий очерк борьбы Московского государства с Литвою и Польшей в XIV—XVII веках // Витебская старина. Витебск, 1885 г. Т. 4; *Сементовский А. М.* Историко-статистические сведения об уездных городах Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии на 1864 г. СПб., 1864 г. Из других городов сопредельных территорий с историей Себежа во многом сравнима история Нарвы и Ивангорода.

литой с 1678—1772 гг. Не отдельные границы, но многовековое совпадение их в одной и той же зоне не могли не привести к этнолингвистической противопоставленности районов по обе стороны от зоны границ.

Обособление всей зоны южнопсковских говоров связано как отмеченными процессами, так, по-видимому, и с тем, что в IX—XIII вв. именно в верховьях Великой, Ловати проходили северная граница днепродвинской археологической культуры и незримые границы между псковскими кривичами и кривичами смоленско-полоцкими.[12]

Влияние Польско-Литовского государства, естественно, было наиболее сильным на тех территориях, которые входили в его состав, в том числе и в Себеже, слабее оно сказывалось к северу от границ Польско-Литовского государства, в частности к северу от линии Идрица—Новосокольники.

Обособление себежских говоров от невельских хорошо показано на картах Карского и, к сожалению, не отразилось на ДКРЯ ИРЯ АН СССР 1964 г. И если себежские говоры в этой связи не привлекали внимания исследователей, то говоры вокруг Невеля не раз служили предметом жарких споров. Правда, все эти споры велись лишь в одном ключе — о диалектной основе этих говоров. К сожалению, обсуждение вопроса о диалектной основе невельских говоров в капитальных работах П. Бузука, Н. И. Зорина, В. Шавельского мало помогает решению вопроса о том, почему говоры Себежа отличаются от соседних говоров Невеля.[13]

На наш взгляд, решение этого вопроса следует искать не к югу от Себежа, а к северу, а именно в истории связей Себежа с Псковом и Москвой.

Определенное обособление говоров вокруг Себежа и наличие многочисленных лексических связей Себежа с Псковом, Островом, Гдовом, Опочкой свидетельствуют о том, что даже во времена Польско-Литовского государства Себеж тяготел к Пскову и стоял к нему много ближе, чем Невель, Пустошка, Новоржев.[14]

---

[12] *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

[13] *Бузук П.* Да характарыстикі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў. Менск, 1926; *Зорин Н. И.* Вопрос об этнографическом составе населения Невельского района // Познай свой край. Псков, 1927. Вып. 3. С. 33—65; *Шавельскі В.* Да пытання аб этнаграфічным складзе насельніцтва Невельшчыны // Наш край. Менск, 1928. № 11. С. 6—21.

Споры о так называемом типе диалектной основы того или иного языка, где бы они ни велись — в бассейне Струмы, Месты, в верховьях Западной Двины и Днепра или в низовьях Вислы, — вообще имеют весьма косвенное отношение к подлинно строгой исторической диалектологии.

[14] Ярко и выпукло выступает тяготение к Пскову именно Себежа, а не Невеля и не Пустошки, и не Великих Лук на карте С. М. Глускиной. См.: *Глускина С. М.* Морфонологические наблюдения над звуком (ch) в псковских говорах // Псковские говоры. Псков, 1962. Вып. 1. С. 28—57+карта. Обособление Великолукской подгруппы южнопсковских говоров исторически, по-видимому, обусловлено тем, что Великие Луки почти не входили ни в Литовское княжество XIII—XIV вв., ни в Речь Посполитую XVI—XVII вв.

Что касается третьей группы зон (9, 10), которые в виде подковы или полукольца огибают Псков и центр Псковщины, то следует сказать, что именно эти зоны лучше всего очерчивают границы Псковского княжества извне, со стороны. Они убедительно показывают, как различные языковые элементы, влияния и инновации, шедшие с юга и юго-запада, которые во многом захватывали и Себеж, как бы ослабевали и останавливались у границ и крепостей Псковского княжества.

Различные микрозоны, по-разному выделяющие здесь то крайний восток, то юго-восток, то север Псковщины, свидетельствуют, скорее всего, о разной степени интенсивности влияний, шедших в тот или иной период с юга, об устойчивости и сопротивляемости к ним отдельных говоров Псковщины. Рассмотрение истории всех микрозон, выделенных выше, не входит в задачи статьи, тем более если их история не связана непосредственно с лингвистической историей Себежа.[15]

Наконец, едва ли не центральным для истории говоров вокруг Себежа является большое число микрозон, связывающих Себеж с Псковом, Опочкой, Гдовом. Именно эти зоны, взятые вместе, показывают тесные языковые связи древнего Себежа с Псковом и его пригородами.

Наконец, нельзя не отметить, что выделенные выше зоны с разных сторон, извне по отношению к самому Пскову, по-видимому, неплохо очерчивают и диалект изборских кривичей. Так очевидно, что этот диалект в древнейший период не заходил южнее Красногородского, Опочки, Пушкинских Гор, восточнее Новоржева, севернее Печор, Середки, севернее и восточнее Пскова.[16]

---

[15] Противопоставление говоров вокруг Пскова диалектам на востоке и северо-востоке современной Псковской области (искл. юго-восток области) почти полностью совпадает с границами между Псковским княжеством и Новгородской землей.

[16] Примечательно, что наши выводы, сделанные на базе лексики, совпадают с выводами Т. Ю. Строгановой, основанными на исследовании фонетики и морфологии. См.: Образование северно-русского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 446.

Г. В. СУДАКОВ

Диалектная лексика в старорусском языке (названия корзин)

Разработка ареально-лингвистической тематики на историческом материале представляется весьма перспективной для решения целого ряда проблем. Как, например, лексическое взаимодействие литературного языка и говоров в разные периоды истории языка, словарный вклад говоров отдельных территорий в общерусскую языковую сокровищницу, соотношение и взаимодействие словаря центра с лексикой местных культурно-письменных центров, территориальная дифференциация лексики, общерусское и местное в ее составе и др. в конечном итоге связаны с основной задачей истории языка XV—XVII вв. — выяснением источников и путей формирования русского национального языка. За последние два-три десятилетия в области исторической региональной лексикологии проделана значительная работа, появились исследования по истории отдельных групп лексики в архангельских, белозерских, вологодских, воронежских, двинских, западносибирских, красноярских, московских, мангазейских, нерчинских, пермских, псковских, рязанских, смоленских, сибирских, томских, уральских, шадринских, южнорусских текстах. Тем не менее лексика многих, в том числе центральных, регионов остается до сих пор не обследованной. По другим областям изучены лишь отдельные лексические группы, добытые результаты до сих пор не обобщены. Особенно мало исследований сводного, общерусского характера. Богатые же собрания памятников старорусской письменности, особенно XVI—XVII вв., и уже выполненные лексикологические описания части из них позволяют вести успешные лингвогеографические исследования. Если в языке XI—XV вв. ввиду ограниченного числа источников можно отметить лишь некоторые предполагаемые диалектизмы, то в языке XVI—XVII вв. в большинстве случаев возможно выявить диалектизмы очевидные, хотя ареалы их распространения пока не могут быть установлены с абсолютной точностью из-за неравномерного распределения сохранившихся источников.

Названия плетеных вместилищ, о которых далее пойдет речь, благодаря традиционности этих реалий для русского быта имеют длительную историю в языке. Разнообразие материала и техноло-

© Г. В. Судаков, 1991

тии изготовления, неодинаковые на разных территориях функции этих предметов определили незначительное число общерусских лексем и большое количество диалектных слов. Главным признаком, определявшим функциональное назначение вместилищ, был способ плетения или сшивания материала: 1) если между полосами материала оставались ячейки, получались вместилища типа корзины; 2) если ячеек не было, а емкость состояла из одного-двух сплетенных, сшитых или цельных корпусов, то получался сосуд для хранения жидких и сыпучих веществ типа бурака. В ряде случаев одно и то же название могло быть связано с разными реалиями, относящимися и к вместилищам типа корзины и к сосудам типа бурака.

К средствам общерусского распространения в XVI—XVII вв. относились следующие названия плетеных вместилищ: *короб*, *коробья*, *коробка*, *кошница*, *лукошко*, *кузов*, *пошев*. Остановимся более подробно на диалектных названиях корзин.

Слово *кошель* (от *кошь*) наблюдается в письменности с XV в., главным образом в деловых текстах. Имеет несколько значений с общим смыслом ‘плетеное вместилище, корзина, короб, плетенный или гнутый из луба, лыка, с крышкой, для различных хозяйственных нужд’: стоит мужик в платье и в шляпе, за плечми держит кошель, в левой руке серп. (Заб. Разр. 439. 1626 г., Москва, опис. фигуры на кубке); принято у прошлого казначея старца Игнатия пудъ десять гривенокъ ягодъ изюмовых и с кошелѣмъ. (Кн. прих.-расх. Ант. м. № 3, л. 77. 1636 г., Двин. у.). Слово *кошель* было известно на севере и в средней России от Поморья до Рязани. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» сделана попытка дифференцировать значения слова с учетом внешнего вида реалии: ‘корзина, короб, плетенные или гнутые из луба, лыка’, ‘заплечный короб, сумка из лыка, корзина с лямками для переноски на спине’, ‘котомка, сума для дорожных припасов, бумаг’. Нам представляется более существенным и более обоснованным с точки зрения контекстных данных группировка значений по признаку «функциональное назначение». Кстати, такие значения довольно отчетливо разграничены в территориальном отношении. Так, на территории от Тихвина до Вологды отмечается *кошель* в значении ‘плетеное вместилище для одежды’: явилъ 3 кошелев платяных. (Там. кн. Тихв. м. № 75, л. 26 об. 1635 г.); У меня сироты из кошеля пропала рубашка пестрединная. (Сб. Шук. 5, 153. 1699 г., Вологда). На севернорусской территории (Тихвин, Вологда, Галич, Великий Устюг) было распространено *кошель* ‘заплечное плетеное вместилище для сена’, часто с определением *сенной*: 20 кошелей сенных. (Там. кн. Тихв. м. № 3, л. 142 об. 1626 г.); купил десяток кошелев липовых вязаных сѣнных. (ГАВО, ф. 883, № 43, л. 55 об. 1668 г., Вологда, кн. прих.-расх. арх.). Отметим, что в национальный период *кошель* со значением ‘корзина; сетка из веревок или лыка для кормления сеном лошадей в дороге’ употребляется не только в архангельских, вологодских, псковских, пермских, уральских, ленинград-

www.ruslang.ru

ских, но и в московских, тверских говорах (СРНГ). Есть также основания для выделения значения ‘сосуд из луба, бересты или лыка для черпания и переноски воды’, с которым слово *кошель* употреблялось на ограниченной территории (от Тихвина и Валдая до Суздаля и Владимира, от Вологды до Волоколамска и Москвы): куплен кошел водоволошнои дано ·В· де. (ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 10, л. 124. 1592 г., кн. прих.-расх. И.-Волоколам. м.); за кошель, чем воду тоскать, 8 ден. (Заб. Дом. быт 1, 613. 1625 г., Москва); куплен кошел лычаной дал *пят* денегъ на мнстрь х колодезю вода *лит.* (Кн. прих.-расх. Покр. м., л. 186. 1690 г., Суздаль). *Водоносной кошель* упоминается в рукописном лексиконе первой половины XVIII в. (Рук. лекс., с. 151), но позднее не встречается.

Отметим также зафиксированное в воронежском акте 1675 г. слово *кошелка* ‘корзинка’: кошелка лычная. (А. Ворон. приказн. избы, оп. 3, № 77). В национальный период *кошелка* в значении ‘корзина, лукошко’ известно в воронежских и ярославских говорах (СРНГ), со значением ‘берестяной кузов с крышкой, носят за спиной’ употребляется в рязанской Мещере (Сл. ряз. Мещеры, 1, 188).

В древнерусском языке употреблялось образованное от праславянского **lǫčiti* ‘гнуть, сгибать’ (Фасмер) слово *лукно, лукъньце*, оно имело значение ‘посудина из дерева или луба, тип кузовка или кадочки с обручами, для сыпучих и влажных продуктов; мерный сосуд’. Сохранялось это слово и в старорусский период, но только на определенной территории, см. примеры: Явил Городецког уезду ис Присѣлъ Ванка Семенов тритцат сит рѣтких и частых тритцат решет да лукон повязистых. (ЦГАДА, ф. 137, В. Устюг, № 16 а, л. 68 об. 1629 г., кн. там. Устюжна); четыре лукна осиновых гнутых с кровлями. (Арх. Он. 1666 г., Онега). Немногочисленные примеры связаны с Устюжной, Белозерьем, Вологдой и Поморьем. В национальный период *лукно* сохраняется в том же регионе, но диалектные данные дают возможность более строго определить его значения и территорию употребления: *лукно* ‘лукошко; корзина из бересты, коры, прутьев’ наблюдается в нижегородских, новгородских и псковских говорах; *лукно* ‘лубковый или деревянный сосуд с крышкой для хранения муки, зерна’ — в олонецких и псковских; *лукно* ‘любая деревянная посуда с обручами, кадочка’ — в архангельских (СРНГ). Как указано ранее, *лукошко*, впервые отмеченное в Псковской судной грамоте по списку 1467 г., в старорусский период было общерусским словом. *Лукно*, которое по происхождению древнее, чем *лукошко*, в старорусский период было диалектным, севернорусским словом.

Лукошко с зерном для ручного сева в ряде мест получало специальное наименование. Так, в рязанских местах с XVII в. до наших дней оно именуется *севальник*, см.: куплена два севалника. (Кн. прих.-расх. Солотч. м. XVII в., Рязань, I, 26); Севальник — лукно, лукошко с семенным хлебом, которое севец носит через плечо (Даль).

Лубяное лукошко, которое служило черпалом на южных соляных промыслах, называлось *садовница* (от *садиться*, *оседать*): а завоту в тѣх куренях 40 корыт болших и малых тож, 30 садовниц — лукошки лубеные что из котлов соль вынимают. (Баг. Мат. 44. 1665 г.). Вероятно, *садовница* — местный термин соледобытчиков, позднее не отмечается.

Общеславянское слово *крошня* (из **krosnia*, ср. *крдсно* — Фасмер) известно в русской письменности с 1499 г., употребляется в значении ‘плетеная корзина, короб для хранения и перевозки различных предметов, например: мѣрили хмѣль зобнями, уголь крошнями. (Кн. расх. Завелич., ч. 4. 1531 г., Псков); а рыба прутовая в рогожи вертеть а пласти по полице класти, а подпариваная в крошню чтобы вѣтръ проходилъ (Дм. К. 60. Нач. XVII в.). Лексикограф XVI в. так определил значение этого слова: корзина, кошница — крошня (Толк. речем, 289). Крошни, судя по текстам, представляли собою плетеный сосуд, с отверстиями между дранками или полосами бересты, имели значительную высоту. Были известны и металлические крошни, напоминавшие внешне чашу на поддоне, с двумя ручками и крышкой. Назначение крошней не было одинаковым в разных местах: в Пскове в них хранили уголь, на территории от Тихвина до Сольвычегодска перевозили изюм, а в Москве держали мелкий товар. *Крошни* — преимущественно севернорусское слово, в Москве отмечается единично, лишь в конце XVII в. слово *крошни* дошло до наших дней: в северо-восточных, поморских и иркутских говорах оно имеет значение ‘заплечная дорожная сумка, котомка’, ‘заплечная корзина’; в московских, тверских, владимирских, ивановских, олонецких, уральских и иркутских говорах — ‘плетеная корзина, лукошко’ (СРНГ; Иркут. сл. I, 229).

Древнерусское *зобъ*, *зобь* ‘еда для людей, корм для скота’ лежит в основе наименований *зобня*, *зобница*, *зобенка*. *Зобница*, вероятно, было когда-то названием плетеного вместилища для хранения зернового хлеба, но в старорусский период оно представлено лишь в списках псковских летописей в значении ‘мера зерна и хмеля’: а еже бы гдѣ зобница купити ржи или овса, таковых мало обрѣтаху (Псков. лет. 2, 38, сп. XV в.). Отметил это слово в свое время В. И. Даль со значением ‘корзина, торба’, без территориальной пометы. Значительно большей употребительностью отличается слово *зобня*, у которого зафиксированы два значения: ‘конская торба, мешок для корма лошадей’ и ‘корзина, лукошко из лыка’, ср.: 1) дают по зобне овса конем игуменовым (А. феод. землевл. 1, 180. XVI в.); старец конюшей Ефросин купил зобню да 27 дуг чермоховых, (Кн. расх. Свир. м. № 160, л. 149. 1631 г.); зобня — *ein Pferdekeszel* (буквально: лошадиный кошель — Трондх. сл. 619. 1680 г.); 2) от зобен от плетеня дано всего четыре алтна (ГАВО, ф. 948, оп. 1, № 135. 1628 г., Вологда); зобня лычная цѣна 4 деньги. (Росп. цен, 87. 1687 г., Енисейск); Зобня — кузов (Рук. лекс. 124. 1 пол. XVIII в.). *Зобня* ‘конская торба’ в изучаемый период имело севернорусский

характер (Вологда, Свирь, Подвинье, Енисейск, Якутск). *Зобня* 'лукошко' зафиксировано в тех же пунктах, а также во владимирских местах. Кроме того, в псковских актах первой половины XVI в. встречается *зобня* как мера сыпучих тел. В более позднее время слово *зобня* распространено несколько шире, а семантика его носит более дифференцированный характер (Даль; СРНГ).

Древний корень **zob* послужил для образования слова кузов, которое тоже первоначально означало корзинку для корма (ЭССЯ). В наиболее древнем примере его употребления оно имеет значение 'приспособление типа борти': да въ томъ ухожаѣ борти ему себѣ и иные дѣлати и кузовы ставити въ тотъ же оброкъ (Кн. пер. Водск. пят. 3, 6. 1500 г.). В связи с сокращением бортного промысла в России в XVI—XVII вв. больше *кузов* 'улей, ловушка для пчел' в текстах не отмечается. В современных говорах известно *кузов* 'плетеный улей, установленный на дереве', характерное для нижегородских диалектов, и олонецкое *кузов* 'приспособление для ловли птиц' (СРНГ). *Кузов* 'плетеная корзина для переноски разных вещей, сбора ягод и грибов' встречается первоначально только в севернорусских актах, связанных с В. Новгородом и Белозерьем, в XVII в. оно известно и на юге России: два кузова даны четыре денги мекины носили из гумна на двор (ГАВО, ф. 883, № 12, л. 192, 1622 г., Вологда, кн. прих.-расх. арх.); два мѣшечка лненово семени, кузовъ борщу (Ворон. а., 209. 1633 г., Воронеж); роспись; не поклоняс грибу до земли не поднят ево кузовъ, назвался груздемъ лѣсти в кузовъ (Сим. Посл. 125, 129. XVII в.). В Великом Устюге *кузовами* называли заплечные короба торговцев мелочными товарами: устюжанин Василей Платонов Ковригиных пошел в Устюжской у. на Юг с кузовом, а собою понесл всякого мелочного товару и продал в волости на 6 р. (Там. кн. III, 93. 1676 г.). Кстати, с XVII в. фиксируются деминутивы *кузовок* и *кузовишко*. В дальнейшем слово *кузов* и его производные систематически регистрируются словарями, начиная с «Лексикона треязычного» Ф. Поликарпова, и входят в литературное употребление. Слово это в древнерусском языке обозначало плетеную ловушку для пчел и птиц, куда закладывался для них корм. Это значение сохранилось пережиточно лишь в немногих архаичных говорах, а название было перенесено на плетеные ручные вместилища для хозяйственных нужд, где оно успешно конкурировало с такими названиями, как *кошель*, *кошница*, *крошни*, постепенно вытесняя их из общерусского употребления.

Слово *пестерь*, наблюдаемое в письменности с 1598 г., является субстратным включением из исчезнувших финно-угорских языков.[1] Эта версия находит подтверждение в географии слова в старорусский период: впервые оно замечено в белозерских актах, а затем — в источниках, связанных с Вологдой, В. Устюгом, Холмо-

---

[1] *Вострикова О. В.* Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. Вып. 2. С. 28.

горами. Слово имело значение ‘кузов из луба или дранок для хранения и переноски разных предметов’: да ·В· пестеря купил (ЛОИИ, ф. 115, № 662, л. 24. 1598 г., кн. расх. Новоезер. м., Белоз. у.); купили пестер чемъ по рыбу ходят (ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 6, л. 112. 1607 г., кн. прих.-расх. С.-Прил. м., Вологод. у.); пестерь ягод изюму (Там. кн. 1, 63. 1634 г., В. Устюг). Ср. данные вятского словарика 1772 г.: Пестерь — кузов, плетенный из лык или бересты (Сл. Вятки, 8). В XIX—XX вв. *пéстер, пестéрь, пехтéрь* употребляется в северо-восточных и сибирских говорах со значениями ‘большая высокая корзинка, плетенка раструбом, из прутняка, из коренника, плетеная или шитая из бересты, луба, для переноски травы, сена и мелкого корма скоту’, ‘лычный большой кошель с широкими ячеями, набиваемый сеном’, ‘корзина для грибов, ягод, которую носят на спине’ (Даль; Кулик. 81; Сл. Оби Щ, 117; Иркут. Сл. II, 128; Сл. Краснояр. 146 и др.). Русское диалектное *пехтерь* можно соотнести с белорусским *пехцерь* ‘веревочная, редко связанная сетка для сена в дороге’ (Носович, 413).

В среднерусских и южнорусских актах, связанных с Суздалем, Звенигородом, Рязанью, Дедиловым, отмечается фонетически и семантически близкое *пещерь, пещерик*: куплены сто пещерей (Кн. прих.-расх. Богосл. м., 67. 1685 г., Рязань); куплено свежеи рыбы платвы пещерь про братцкои обиходъ (ЦГАДА, ф. 1202, оп. 1, № 581, л. 52. Кн. прих.-расх. Солотч. м. 1698 г., Рязань); да кул соли пещерик (ЦГАДА, ф. 836, № 47, л. 2. 1667 г., Дедилов, судн. дело); куплено десяток рагож лапотницъ да десять пещериковъ (ЦГАДА, ф. 1199, № 112, л. 14 об. 1678 г., кн. прих.-расх. Савв.-Сторож. м., Моск. у.). Сюда примыкает и единично отмеченное *пещурок*: куплено пещурков на двѣ деньги (Влад. сб. 179. 1690 г., росп. Покр. м., Суздаль).

Отмеченное распределение вариантов: *пестерь* — северо-восточное, *пещерь* — среднерусское и южнорусское, обусловленное одновременным заимствованием слова разными диалектами русского языка и, возможно, из разных, но родственных языков, сохраняется и в национальный период. Г. Г. Мельниченко установил две зоны распространения данных слов: *пестерь* — области Европейской части СССР к северу от Ярославля, Чухломы и Ветлуги, а также Урал и Сибирь; *пещерь* — территория к югу от Ярославля, Чухломы и Ветлуги, а также Горьковская, Костромская, Кировская и Ульяновская области.[2]

В деловых бумагах Антониево-Сийского монастыря обнаружено слово *бехтерь* ‘плетеное вместилище для переноски мякины’, вероятно родственное с *пестерь*: купил ·В· бехтеря болших да решато (ГААО, ф. 56, оп. 3. 1646 г., Двин. у., кн. расх.); купил в службу бехтер болшеи мякины з гумна носит (ГААО,

---

[2] *Мельниченко Г. Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах Владимиро-Суздальского княжества XII—XIII вв. (территориальное распространение, семантика и словообразование). Ярославль, 1974. С. 42.

ф. 56, оп. 3, № 18, л. 6. 1651 г., Двин. у., кн. прих.-расх. Ант.-Сийск. м.). *Бéхтерь*, *бехтéрь* ‘большая берестяная или драночная корзина с ручками, иногда — заплечная’ известно в современных архангельских говорах (Арх. сл. II, 20).

Восточнославянское слово *корзина* имеет неясное происхождение, есть версия о его образовании от *корзать* ‘обрубать ветки, снимая кору’ (ЭССЯ). Однако первоначальное употребление слова исключительно в северо-западной части русской территории позволяет с доверием отнестись к латышскому *corbis* ‘корзина’ и шведскому *Korg* ‘корзина’. Вероятнее всего, это иноязычное заимствование, довольно поздно проникшее в русскую письменность, первая фиксация слова относится к концу XVI в.: куплена корзина в кузницу угол носит (Кн. прих.-расх. Тихв. м. № 1, л. 104. 1592 г.). В то же время оно употреблено в одном из лексиконов: Корзина, кошница — крошня. Толк. речем, 289. В текстах XVII в. слово употребляется крайне редко, в основном примеры относятся ко второй половине XVII в., причем из тихвинских источников. Единичные примеры из московских и астраханских таможенных книг намечают маршруты распространения этого слова и свидетельствуют о значительной роли рыночных связей и таможенного делопроизводства в развитии общерусского бытового словаря, см.: явил Белозерского уѣзду Кирилова мнстря крестьянинъ. . . ·В· корзины ложекъ (Там. кн. Тихв. м., № 1330, л. 14 об. 1663 г., Тихвин); корзина с мелочью (Мат. Узбек. 371. 1678 г., Астрахань, кн. там.); в 3-х корзинах 3800 батогов укладу (Кн. моск. там., 48. 1694 г.). По территории своего употребления в XVII в. слово корзина значительно проигрывает семантически близким лексемам лукошко, пестерь и кузов. В лексиконах XVIII в. оно появляется лишь в последней четверти XVIII в., начиная с «Церковнославянского словаря» П. Алексеева (1773 г.), что может свидетельствовать о приобретении им общерусского характера. Можно думать, что укрепление в общем употреблении слова *корзина* повлияло на снижение употребительности слова *кош* и одкоренных с ним, на переход в разряд диалектных и просторечных лексем таких наименований, как *лукошко*, *пестерь*, *кузов*.

Отметим также одно экзотическое название — *зинбель*, имевшее значение ‘тип вместилища для жидких и сыпучих веществ; мера’: да ему ж дати в Астрахани сверх того сто зинбелей икры. Посольство Васильчикова, 105. 1594 г.; в зинбилѣ и в тулукѣ 9 пуд краски крутику (Перс. д., 13, 1615 г.). В языке-источнике и в русских говорах данное слово относится к названиям вместилищ, ср.: перс. *zenbîl*, *zinbîl* ‘корзина из пальмовых листьев’ (Фасмер), астрах. *зимбиль* ‘род округлого кулька, мягкой корзины из рогозы’ (Даль), воронеж. и волгоград. *зембель* ‘корзина’.[3]

---

[3] *Титовская В. В.* Некоторые лексико-семантические гнезда слов (на материале русских народных говоров Воронежской и Волгоградской областей) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1967. 3. С. 93.

Примыкают к рассмотренным названия с корнем *луб-* (*лубянка*, *лубень* и др.), слово *пошев* и однокоренные к нему, но чаще они обозначают вместилища для влажных и жидких продуктов, т. е. приближаются к названиям бураков и сосудов для жидкостей.

Как показал анализ, названия плетеных вместилищ в старорусском языке — древнее славянское языковое наследие, представляющее собою совокупность нескольких корневых гнезд с основными лексемами *кошь*, *зобня*, *плетеница*, *кузовъ*, *крошня*, *коробъ* и др. Заимствования в составе данной группы редки. Некоторые слова, несмотря на конкретно-предметный характер значения, были многозначными, что обусловлено вариантностью внешнего вида вместилищ и разнообразием их функций. Внутри лексического объединения наблюдаются разные типы семантических связей, в частности синонимические: *кошель—лукошко—короб*, *кошница—кошель—крошни*. Основная сфера употребления названий плетеной посуды — деловая письменность, связанная с нею художественная литература демократического содержания и фольклор, т. е. такие типы речи, основой которых является народное слово. Между семантическими близкими лексемами обнаруживается определенное стилистическое или территориальное размежевание. Иногда слово на разных территориях может выступать в разных фонетико-графических вариантах: *бехтерь* — архангельское, *пестерь* — севернорусское (по течению Сухоны и Сев. Двины), *пещерь* — среднерусское (от Суздаля и Звенигорода до Рязани и Дедилова). Территориально ограниченные слова представлены в основном в севернорусских источниках, где наиболее распространено изготовление и использование плетеных вместилищ из луба, бересты, дранок и т. п. Для всей севернорусской территории были характерны лексемы *крошня—крошни*, *зобня*, *кошель* ‘короб для сена’. Только в псковских актах известно название *зобница*. Ареалы других лексем свидетельсвтуют о их междиалектном характере: *кошель* ‘берестяное или лубяное ведро для воды’ занимало территорию от Тихвина до Суздаля и от Вологды до Москвы, *кошель* ‘короб для платья’ было известно в районе от Тихвина до Вологды. Слова, в основе номинации которых лежит указание на функцию, как правило, имеют узкие ареалы: *садовница* — воронежское, *севальник* — рязанское и т. д.

Ю. Ф. ДЕНИСЕНКО

Опыт реконструкции лексической системы псковских говоров

(на материале местной лексики Псковских летописей)

Одной из главных проблем восточнославянской исторической диалектологии является реконструкция диалектов эпохи письменных памятников и дописьменной поры. Об этом писали, например, Ф. П. Филин, Ю. И. Чайкина и мн. др.[1] Напомним в связи с этим одно из высказываний идеолога и организатора Псковского областного словаря с историческими данными Б. А. Ларина: «. . .нам и сейчас не хватает монографий по истории отдельных диалектов русского языка, имеющих древнюю письменную традицию или отражение в средневековой письменности».[2] Более чем десятилетие спустя Ф. П. Филин писал по существу о том же: «Широкое сравнительное изучение языка известных нам памятников несомненно приведет к открытию многих новых диалектных явлений, особенно в лексике».[3] Несмотря на известные успехи русской исторической лексикологии, эти задачи, поставленные видными отечественными филологами, продолжают оставаться актуальными.

В списках исторических источников Псковского словаря и Словаря русского языка XI—XVII вв.[4] представлены псковские памятники в основном со среднего периода — с XIV в.; на этом основании можно ставить вопрос о реконструкции особенностей псковских говоров эпохи средневековья, в том числе и лексических особенностей. Из псковских источников названного периода мы избрали Псковские летописи (далее: ПЛ) по изданию А. Н. На-

---

[1] См.: *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972; *Чайкина Ю. И.* Лексика Белозерья в историческом аспекте: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Л., 1974. и др.

[2] *Ларин Б. А.* Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1960. Сер. филол. наук. № 267. Вып. 52. Очерки истории языка. С. 6.

[3] *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. С. 92.

[4] См.: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 21—26; Вып. 2. Л., 1973. С. 6; Вып. 3. Л., 1976. С. 4; Вып. 5. Л., 1983. С. 4; Словарь русского языка XI—XVII вв. Указатель источников. М., 1975.

© Ю. Ф. Денисенко, 1991

сонова.[5] Для этого издания привлечены основные списки памятника, относящиеся к XV—XVII вв.; изложение местных событий в них начинается с XIII в., часто и активно — с XIV в. и доведено до середины XVII в. Исследователи русского летописания (Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов и др.) отмечали большую самостоятельность и своеобразие, местный колорит ПЛ, историки русского языка, лексикологи (Ф. П. Филин, Б. А. Ларин, О. С. Мжельская, В. В. Ильенко, В. И. Максимов и др.) выявили значительный пласт местных слов в них.

В ПЛ отразились прежде всего местная разновидность делового языка («посольские речи»,[6] отчеты о строительстве, торгах, записи о войнах и распрях, о стихийных бедствиях, частых морах и т. п.) и элементы разговорного языка таких важных центров Псковского княжества, как Псков и Печоры (городское койне); [7] бесспорно, в летописи попали и диалектные элементы из местных документов, из речи самих писцов (особенно в приписках и вставках). В работах по исторической диалектологии установлено, что в деловом языке, в разговорной речи населения крупных городов доля местных/диалектных слов была значительной.[8]

Вычленение местной лексики (как и других локальных особенностей) какого-либо памятника возможно в результате применения традиционного сравнительно-исторического метода. Причем наиболее плодотворным оказалось сравнение не только на «историческом» уровне, но и на современном. Одно из положений тезисов докторской диссертации Б. А. Ларина, высказанное более сорока лет назад, актуально и сейчас: «Сравнительное изучение письменных источников нашего средневековья и живой традиции в современных говорах позволяет нам с относительной полнотой и точностью реконструировать диалекты Московской Руси».[9] Но уровень сопоставлений должен быть достаточно надежным. Напомним еще одно высказывание Б. А. Ларина, более раннее, но не менее актуальное, чем предыдущее: «Всякий исторический материал можно будет л е г к о и у в е р е н н о приурочить к тем или иным социальным (также и территориальным; разрядка наша. — *Ю. Д.*) диалектам XVII в., когда будет создан п о л н ы й и с т о р и ч е с к и й с л о в а р ь русского языка и советский

---

[5] Псковские летописи. Подготовил к изданию А. Н. Насонов. Вып. 1. М.; Л., 1941; Вып. 2. М., 1955.

[6] См.: *Денисенко Ю. Ф.* «Посольские речи» Псковских летописей — важный источник изучения делового разговорного языка XV—XVII вв. // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Череповец, 1970. С. 149—154.

[7] Псков и Печоры, по А. Н. Насонову, — главные центры псковского летописания; именно в них были созданы основные списки ПЛ (см.: Псковские летописи, вып. 1, с. XXIV, LXIII—LXIV).

[8] Для псковского региона укажем работы В. П. Храмцовой (по Псковским писцовым книгам), О. С. Мжельской и Л. А. Ивашко (по Русско-немецкому разговорнику Тониеса Фенне) и др.

[9] *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по русскому языку XVI—XVII веков // Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959. С. 310. — Тезисы датированы 1946 г.

лингвистический атлас».[10] Поскольку мы и теперь не можем опереться на такие важные источники по истории русского языка (Словарь русского языка XI—XVII вв. не является полным, а задача создания Лексического атласа русских народных говоров еще далека от своего осуществления), главной своей задачей ставим значительно приблизиться к масштабу сопоставительного материала: максимально широко привлекаем исторические и современные словари и картотеки словарей. В ряду используемых нами источников для сравнений укажем картотеки таких исторических словарей: Словаря русского языка XI—XVII вв., Словаря русского языка XVIII в., Словаря староукраинского языка XIV—XV вв., Исторического словаря (украинского языка) Е. Тимченко, Словаря старобелорусского языка; картотеки областных словарей: псковского, архангельского, печорского, русских говоров КАССР и пограничных с нею русских северных областей, брянского и смоленского; картотеку сводного Словаря русских народных говоров; материалы Лексического атласа белорусского языка, а также основные исторические и диалектные словари восточнославянских языков.

Мы исследуем период Средневековья, но для сравнения привлекаем восточнославянский материал: это необходимо для того, чтобы проследить не только перспективу, но и ретроспективу каждого из исследуемых наименований. При сопоставлении учитывался материал не только для конкретного изучаемого слова, но и для выявленных по другим источникам однокорневых образований. Проведены также частичные семантические сопоставления: собрана лексика, идентичная или близкая (по определенным параметрам) к рассматриваемым наименованиям, чтобы проверить возможность именно такой реализации отраженного в ПЛ значения, конкретность его отдельных сем, народный, обиходный характер номинации и т. п. Учитывались также некоторые экстралингвистические данные. Таким образом, каждое из анализируемых слов было рассмотрено на восточнославянском фоне в различных аспектах; «фоновые» характеристики, полученные в результате этого сопоставления, не только дополняют основные характеристики определенного наименования ПЛ (семантическую, хронологическую, ареальную), но и обнажают системные связи в истории языка, дают в наше распоряжение дополнительные основания для атрибуции локально ограниченной лексики как диалектной.

Мы реконструировали две группы местной лексики ПЛ — наименования понятий времени и наименования особенностей ландшафта. Свой выбор на этих группах остановили главным образом потому, что в составе временной и географической лексики (и на материале письменности, и на материале говоров) исследователями обнаружена и значительная архаика, и значительная устойчивость состава. Обобщенная характеристика местной вре-

---

[10] *Ларин Б. А.* Русская грамматика Лудольфа 1696 г. Л., 1937. С. 35.

менной лексики ПЛ была дана ранее,[11] в этой статье дается такая характеристика географических наименований. О путях реконструкции отдельных слов группы и некоторых аспектах и результатах такого исследования лексики см. в наших предшествующих публикациях.[12]

Местные географические наименования ПЛ

Эту группу составляют 10 слов, локальных в период Средневековья по данным восточнославянской письменности. В работах наших предшественников рассматривались *болонье*, *закустовье*, *кут*, *обозерье*, *тѣсна*; [13] на основании собранного нами материала внесены различные коррективы в установленные характеристики этих наименований: уточнены исходная форма слова на основании комплекса «по закустовью» — *закустовье* или *кустовье* (последнее в сочетании с предлогом *по-за*) и семантическая характеристика

---

[11] См. в кн.: Псковские говоры в их прошлом и настоящем. Л., 1988. С. 101—109.

[12] См.: *Денисенко Ю. Ф.* 1) К определению реликтовых изоглосс некоторых наименований местности // Конференция по топонимике Северо-западной зоны СССР. Рига, 1966. С. 168—170; 2) Значение слова *кут* в Псковских летописях // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. С. 170—178; 3) К реконструкции лексической системы псковских говоров средневековья. (а) Ороним *усох / усоха* // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972. С. 72—86; (б) Ороним *стрелица* // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 119—130; (в) Ороним *болонье*. Анализ материалов восточнославянской письменности // Вопросы семантики. Л., 1976. Вып. 2. С. 139—160; 4) К реконструкции древнего маргинального ареала некоторых географических ареллятивов. (*Болонье* и однокоренные образования) // Проблемы ареальной лингвистики и картографирования. Л., 1977. С. 176—180, с лингвистической картой; 5) К вопросу о древности псковских говоров (некоторые лексические данные). Слова с основами *вляг-*, *усох-* // Псковские говоры. Л., 1979. С. 4—8; 6) Из историко-лексикологических комментариев к Псковским летописям. *По закустовью* или *по-закустовью*? // Диалектная лексика, 1977. Л., 1979. С. 146—156.

[13] См.: *Филин Ф. П.* 1) Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. (По материалам летописей). Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1949. Т. 80. С. 279 (*кут*); 2) К истории слов «багно» и «болонье» // Памяти акад. В. В. Виноградова. М., 1971. С. 216—218; 3) Происхождение русского, украинского и белорусского языков. С. 522—524 (*болонье*). С. 610 (*кут*); *Родионова А. М.* Лексика говоров Навлинского района Брянской области. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1956. С. 39 (*кут*). Хранится в Биб-ке им. В. И. Ленина в Москве; *Ильенко В. В.* 1) Отражение местной новгородской лексики в литературном языке великорусской народности. (По материалам летописей). Днепропетровск, 1958 (вып. дан 1959). С. 12 (*кут*). С. 19 (*обозерье*); 2) Псковизмы в лексике Псковской I и Псковской II летописей. Научн. зап. Днепропетр. ун-та. Сб. работ филол. фак., 1960. Т. 70. Вып. 17. С. 85, 90 (*закустовье*). С. 87—88 (*обозерье*); *Максимов В. И.* 1) Лексика Псковской I летописи. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1958. С. 135 (*тесны*). С. 38—39 (*кут*); 2) Местная лексика Псковской I летописи. Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1958. Т. 173. С. 167 (*кут*); *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970. С. 304 (*кут*), и др.

этих слов; *кут* определено как оронимическое наименование, а не градостроительное; уточнены ареальная и хронологическая характеристики у слов *болонье*, *кут*, *тѣсна*, *обозерье*. Впервые рассматриваются локальные наименования ПЛ *валище/валища*, *стрелица*, *усох/усоха*.

В состав анализируемой лексики входят названия естественного рельефа: *болонье* 'низменное поречье', *кустовье* 'место, поросшее кустами; кустарник' (гипотетическое *закустовье* обозначает места за кустарником), *тѣсна* 'неудобный проход на местности: между холмами или по краю обрыва, оврага', *стрелица* 'мыс у слияния двух рек', *кут* 'вершина мыса, образованного слиянием двух рек' (возможно, 'сам такой мыс'), поэтому топоним *Кутний костер* (*Кутекрома*) — это название сторожевой башни кремлевской стены только в этом углу мыса, *обозерье* 'места по берегам озера; приозерные земли', *усох/усоха* 'берег высохшего водоема' или 'русло пересохшего ручья (на дне оврага)'. И только одно слово обозначает место, образовавшееся в результате жизнедеятельности кого-л. (животного или человека): *валище/валища* 'место после лежки зверя; место, где валялся конь'. Скорее, это наименование другой тематической группы, мы относим его в эту группу с определенными оговорками.

Ряд названий географических объектов, оказавшихся на территории города (а описанию Пскова в ПЛ уделяется значительное внимание), претерпевает некоторые изменения в сфере своего функционирования. Если задолго до возникновения поселения они обозначали естественные природные объекты, то с возникновением застройки меняется облик самих объектов, к ним приспосабливаются, а их названия переходят в разряд ориентиров: они неразрывны в речевом обиходе с названиями строений или частей города. В результате апеллятив становится полутопонимом или даже топонимом (собственно микротопонимом). Для вскрытия их первоначального, чисто географического значения необходимы были дополнительные, в том числе и экстралингвистические, разыскания. Оронимическое значение было выявлено у слова *кут* (которое толковалось очень многими как угол строения — угол кремля; эта традиция пошла от исторических словарей) и у слова *усох/усоха* (слово сохранилось только как топоним-ориентир в названиях типа *Никола со усохи* — название церкви и т. п.). На этом основании лексика описываемой группы четко распадается на две подгруппки: названия, не связанные с топографией древнего Пскова, и топографы центральной (самой старой) части Пскова (слова *кут*, *стрелица*, *усох*).

В перечне слов данной группы представлены названия объектов мелкопересеченной местности — объектов «малых форм» рельефа, исключая, пожалуй, только *болонье*; это не «основная географическая терминология», по словам Н. И. Толстого.[14]

---

[14] См.: *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. М., 1969. С. 12.

Отнесенность рассматриваемой оронимической лексики к наименованиям «малых объектов» обусловливает в семантическом отношении конкретность этой лексики. Однако при наличии полисемии у некоторых изучаемых слов употребления их в ПЛ несут, как правило, древнейшие значения: *болонье* — 'низменное поречье', а не 'равнина, луг, поляна'; *кут* — 'вершина мыса у слияния рек', а не 'клинообразный участок или угодье в виде узкой полосы', 'отдаленная часть поля', 'участок вообще' и т. п.

В хронологическом отношении анализируемая лексика фиксируется в ПЛ в таких пределах: по датам погодных известий с середины XIV по начало XVII в.; по датам составления списков ПЛ со второй половины XV в. по XVII в. Данные других псковских памятников не вносят в эту характеристику никаких поправок: все их фиксации принадлежат более позднему времени, чем отражение в ПЛ. Для некоторых слов есть более ранние употребления в других памятниках письменности. Часть наименований сохраняется и в современный период. Вот хронологические характеристики слов этой группы:

болонье. . . с XI в. до соврем. периода;
I фиксация — Пов. вр. л., 1096 г. (по Лавр. лет.);
в ПЛ — 1468 г., по списку 1556 г.

валище/валица. . . со второй половины XV в. до современного периода;
I фиксация — ПЛ, 1476 г., по списку 1556 г.

кустовье. . . с конца XIV—начала XV в. до современного периода (в псковских говорах нет);
I фиксация — Грам. Кир. Белозер. мон., 1395—1427 гг.; в ПЛ — 1503 г., по списку второй половины XVI в. ∽ 1547 г.

**закустовье. . .* с начала XVI в. до современного периода (в псковских говорах нет);
I фиксация — ПЛ, 1503 г., по списку 1636 г.

кут'мыс. . .'. . . с середины XIV в. до современного периода;
I фиксация — Двин. гр., 22 (Срезневский: Дух. Вас., около 1350 г.); в ПЛ — 1400 г., по списку XVII в. ∽ 1469 г.;

'вершина мыса' с начала XV в. до современного периода;
I фиксация — ПЛ, 1400 г., по списку XVII в. ∽ 1469 г.

обозерье. . . с середины XVI в. до современного периода;
I фиксация — ПЛ, 1540 г., по списку второй половины XVI в. ∽ 1547 г.

стрелица. . . с начала XV в. до современ. периода (в пск. говорах нет);
I фиксац. — ПЛ, 1400 г., по списку XVII в. ∽ 1469 г.

тѣсна (*тесня, теснь*). . . с первой половины XIV в. по XVII в.; в современ. период только в топонимии;

I фиксац. — ПЛ, 1343 г., по сп. XVII в. ∞ 1469 г.

усох/усоха. . . со второй половины XIV в. по XVII в.; в современ. период только в топонимии;
I фиксац. — ПЛ, 1371 г., по раннему из списков XVII в. ∞ 1469 г.

Все рассматриваемые географические наименования ПЛ относятся по времени фиксирования их в псковской письменности преимущественно к среднему периоду, следовательно, все устанавливаемые на этом материале особенности характеризуют прежде всего эту эпоху.

В современных псковских говорах из 10 анализируемых наименований сохраняются 3: *болонье*, *валище/валища*, *обозерье*; для *кустовье* известны только однокорневые наименования с близкой семантикой, для *кут* — другие географические значения; *стрелица*, *тесна*, *усох/усоха* не имеют в современных псковских материалах никакой поддержки. Последние наименования, как и *кут*. *кустовье*, являются специфической особенностью словарного состава псковских говоров Средневековья (и древнего периода для тех из них, которые можно возвести к этой эпохе).

В материалах восточнославянской письменности отмечаются *болонье*, *кустовье*, *кут* в более ранних, чем ПЛ, источниках (древнего периода для *болонье*, среднего — для других слов); *стрелица*, *тѣсна*, *усох* отмечаются в источниках среднего периода, но более поздних, чем ПЛ; *валища* и *обозерье* фиксируются только в ПЛ. Этот памятник является, таким образом, важным источником изучения указанных географических наименований и в пределах восточнославянского континуума, и в пределах Псковщины.

В современных восточнославянских говорах сохраняются все слова, за исключением *тесна* и *усох/усоха*, которые представлены в топонимии как названия урочищ и населенных мест. Таким образом, вся рассматриваемая лексика имеет определенную поддержку в современный период.

Хронологическое расслоение рассматриваемой лексики по данным говоров и письменности: с древнего периода отмечается *болонье* и, по-видимому, *тѣсна*, остальные — со среднего периода; все они, за исключением слов *усох* и *тесна*, сохраняются в современный период. Эти данные говорят о значительной устойчивости анализируемых географических наименований (несмотря на их «неглавный» характер в географической номенклатуре).

Ареальные характеристики: 1) наименования, известные только в списках ПЛ, составленных в Пскове, — *обозерье*, *кустовье* / *закустовье*; 2) наименования, известные в списках ПЛ, составленных в Псково-Печерском монастыре, — *болонье*, *валища*; 3) наименования, известные спискам из Пскова и Печор, — *кут*, *стрелица*, *усох/усоха*, *тѣсна*. Лишь один источник — Отр. грам. ц. Алекс. Мих. — меняет территориальную приуроченность слова *кустовье/закустовье* (добавляет характеристику Опочка или Велье).

Из отмеченных в современных псковских говорах наименований вблизи Пскова и Печор фиксируется только *обозерье* — у Псковского и Чудского озер (в Псковском, Печорском и Гдовском районах); известные в псковских говорах *болонье* и *валище/валища* здесь не употребительны; другие слова в псковских говорах не сохранились.

Картографирование современного псковского материала для слов с корнями *-вал-* и *-болон-* обнаруживает такие особенности: 1) географические наименования с корнем *-вал-* известны преимущественно южнее линии д. Кахново Островского района — д. Городно Дедовичского района, значительный остров их фиксаций в Гдовском, Лядском, на севере Полновского района Псковской области; 2) распространение слов с корнем *-болон-* отмечается в Новоржевском районе и далее на юге и востоке области, образования же с *о-болон-* фиксируются на севере Печорского района и далее идут южнее узкой полосой по левобережью р. Великой, далее в Невельском и Поречском районах.

На основании локализации древних и средневековых источников,[15] фиксирующих ряд рассматриваемых слов, можно говорить о таких группах центров письменности в их употреблении: пск., сев.-зап., сев.-вост. и стар.-белорус. — *кустовье*; пск. и сев.-вост. — *болонье* (также и на сев.-зап.?), *стрелица*, *усох/усоха*, *закустовье*; пск. и сев.-рус. (сев.-зап.) — *кут*; пск. и стар.-белорус. — *тѣсна*. Налицо преобладание пск.-сев.-вост. (и сев.-зап.) связей языка памятников письменности, также пск.-моск. (наряду с другими центрами, где отмечены эти слова) — *болонье*, *кустовье*, *стрелица*. Нет ни одной пск.-новг. параллели.

На основании показаний современных восточнославянских материалов можно говорить о следующих группах говоров в употреблении рассматриваемой лексики: преимущественно зап.- и юж.-рус., укр., белорус. — *болонье*; зап.-рус. и калуж. — *валище/валища*; пск. и смол. — *обозерье*; зап.-рус. и белорус. — топоним *Усох/Усохи*; сев.-зап. (и пск.) — *кут*; арх. и белорус. — *кустовье*, рус. (конкретно обл. не известна) и белорус. — *закустовье*; сев.-рус. — *стрелица*. В отличие от материалов письменности, здесь очевидно преобладание связей с зап.-рус. и белорус. говорами, также с сев.-зап. и белорус. (употребления *болонье* и однокоренных слов сгущаются именно в зап. и юж.-рус. гово-

---

[15] Подробнее о локализации памятников (или отдельных контекстов), об установлении территориальной характеристики слов из письменных памятников см. в нашей статье: *Денисенко Ю. Ф.* К реконструкции лексической системы псковских говоров средневековья. Ороним *болонье*. Анализ материалов восточнославянской письменности. С. 145—147, 150—154.

[16] Для слова *болонье* прочно утвердился в литературе ареал запад и юг русской зоны; на основании анализа памятников письменности и топонимов, отраженных в них, нам удалось выявить реликтовую зону более северного его распространения — до пределов Новгород—Нижний Новгород (см. лингвистическую карту в нашей работе: *Денисенко Ю. Ф.* К реконструкции древнего маргинального ареала некоторых географических апеллятивов. (*Болонье* и однокоренные образования). С. 180.

рах — при наличии реликтовой зоны в районе Пск.—(Новг.)—Моск.—Нижегор.[16]); отсутствуют также фиксации центральных (в том числе и московских) говоров, в то время как в средний период такие связи отмечались.

Реконструированные группы наименований: 1) для восточнославянского периода — общевост.-слав. *болонье*, сев.-зап. и сев.-вост. *кустовье* (*закустовье*?), сев.-вост. и зап. *усох/усоха*; зап. *тѣсна*; возможно, сев. *кут*; 2) для великорусского периода — сев.-зап. и сев.-вост. *стрелица* (*усох/усоха*?); сев.-рус. *кут*, зап.-рус. *валище/валища*, *обозерье* (последнее только пск.?).

Анализ географических наименований (которых меньше по количеству, чем наименований времени) позволяет также считать, что — на основании некоторых лексических данных — можно говорить о псковских говорах древнерусского периода (*болонье*, *кустовье*, *тѣсна*, *усох/усоха*). Для среднего периода выявлены связи псковских говоров с северо-западными, северо-восточными и московскими, значительно число аналогий псковско-старобелорусских.

По отношению к новгородским говорам псковским свойственна значительная самостоятельность (ни один из апеллятивов в новгородских памятниках не отмечается; в новгородской топонимии, по данным среднего периода, известны *Болонье* и *Стрелица*, для последнего из них связь со значением апеллятива ‘мыс у слияния двух рек’ очень проблематична). Эта самостоятельность для рассматриваемой лексики отмечается с древнего периода, в особенности же — со среднего, т. е. в эпоху самостоятельности Псковского княжества.

Для дальнейших подобного рода наблюдений, для выявления более широких лексических пластов псковских говоров Средневековья, для воссоздания истории развития и образования псковских говоров необходимо такое накопление сведений о лексике других групп, какое удалось нам провести для групп географической и временной лексики. Необходимо также выявление и изучение источников псковской письменности, приуроченных к различным территориям псковского региона.

Т. В. БАХВАЛОВА

Обозначение границ земельных владений в памятниках южновеликорусского наречия (на материале отказных книг Орловского края)

Знание лексических, фонетических, грамматических особенностей южнорусского наречия в разные периоды его развития — одно из важных условий успешной разработки вопросов формирования русского национального языка.

Изучение южнорусских говоров по данным памятников письменности только начинается. Здесь наблюдается большое отставание от историко-лингвистического изучения севернорусских говоров.

Ценным источником для исследования локальной русской речи в прошлом являются отказные книги.

Отказные книги — это своеобразные южнорусские акты, не имеющие себе подобных на русском Севере. Появление отказных книг связано с правительственным заселением южных окраин Русского государства. Здесь в XVI в. формируется военнослужилое население, которое должно было охранять южные границы Русского государства. Служилые люди для закрепления на этой земле получали земельные наделы, что фиксировалось в отказных книгах. Отказные книги «предназначались служить юридическим актом, закреплявшим недвижимое имение за владельцами».[1]

Отказным книгам свойственны строгая территориальная прикрепленность, точная датировка, принадлежность, с точки зрения авторства, местным жителям. Этим объясняется их большая ценность в историко-диалектологическом отношении.

Отказные книги со стороны языка почти не изучались. Первым обратил внимание на необходимость изучения текстов отказных книг С. И. Котков: «„Отказные книги“ необходимо включить в круг важнейших источников по истории русского языка. Они особенно ценны для изучения его локальных разновидностей, и письменных, и устных».[2]

---

[1] *Холмогоров В. Н.* Об «Отказных книгах» // Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. М., 1900. 2. Вып. 1. С. 69.

[2] *Котков С. И.* Отказные книги // ВЯ. 1969. № 1. С. 135.

© Т. В. Бахвалова, 1991

Предметом наших наблюдений явились тексты отказных книг Орловского края — Мценских, Новосильских, написанных в первой половине XVII в.[3]

Фонетические и грамматические особенности орловских говоров изучены в значительно большей степени, чем лексика.[4] «Специальных работ, посвященных исследованию лексики Курско-Орловского края, в нашей диалектологической литературе пока еще нет»,[5] — писал в 1955 г. С. М. Кардашевский. С тех пор положение почти не изменилось ни в плане изучения словарного состава живых орловских говоров, ни в плане изучения лексики местных памятников письменности.[6]

Отказные книги составлялись с целью «зафиксировать самый акт „отказа" земель челобитчикам и, таким образом, закрепить за ними поместья и вотчины с точным перечислением того, что было отказано».[7]

Отказные книги содержат разнообразный лексический материал, связанный с областью поместного землевладения, в том числе «богатую терминологию природных и искусственных межевых примет».[8] И это не случайно: «По тогдашним воззрениям казалось, что для невозможности поземельных споров нужно не столько точно определить пространство владений, сколько установить незыблемость межевых знаков».[9]

При проведении границ согласно отказу, отводу поместных угодий в пользование новому владельцу межевщики XVII в. должны были «мѣжю и грани тому помѣстью учинить». Межевая линия проходила по естественным географическим объектам и предметам, созданным человеком, как-то: лес, степь, река, болото, верх, отвершек, холм, река, дорога, старая межа, и другим, но непременно с г р а н и на г р а н ь, т. е. по опорным вехам — деревьям, пням, столбам, на которые насекались г р а н и —

---

[3] Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977. С. 177—236 (далее при цитировании в тексте указывается только страница).

[4] См., например: *Котков С. И.* Говоры Орловской области со стороны их вокализма // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. Т. 5. Кафедра рус. яз. Орел, 1951. (Вып. 2). С. 58—128; *Котков С. И.* Говоры Орловской области (Фонетика и морфология): Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. Орел, 1952; *Новицкая Н. С.* Из истории Новосильских говоров // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. Кафедра рус. яз. Орел, 1958. Т. 13. Вып. 5. С. 101—191; *Кирсанова Е. И.* Из наблюдений над ливенскими говорами Орловской области. Там же, с. 192—216.

[5] *Кардашевский С. М.* Из истории изучения лексики курско-орловских говоров // Учен. зап. МОПИ. Т. 32. Вып. 2. Труды каф. рус. яз. М., 1955. С. 113.

[6] См.: *Котков С. И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970.

[7] *Павлов-Сильванский В. Б.* Источники и состав отказных книг Поместного приказа // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 164.

[8] *Котков С. И.* Отказные книги. . . С. 133.

[9] *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVIII в. М., 1894. С. 55.

метки, зарубки: «. . .дъб кроковит, на немъ была староя гран и та прежнея гран высѣчена и выше тое грани насечѣна новая гран» (С. 177), «. . .а грани сѣкъ и землю мѣрел новасилской пушкар Данила Левин» (С. 215).

Специально созданными межевыми знаками являлись столбы с нанесенными на них гранями: «. . .подлѣ дороги стоит столбъ, на нем гран от тог столба прямо к Осину верху» (С. 204).

Функцию межевых знаков выполняли также отдельные деревья и пни с насеченными на них гранями.[10] «. . .межи дворов стоит дсен на нем гран да на про ѕлку илем на нем гран да конец огородов столб на нем гран» (С. 202).

На столб, дерево или пень, используемые в качестве межевого знака,[11] наносилась обычно одна грань, реже — две. Две грани встречались в тех случаях, когда они указывали на направление межевой границы: «. . .стоит клен на нем двѣ грани адна гран от поля а другая от лесу» (С. 197), «. . .клен суховерхъ на нѣмъ двѣ грани одни грани пошли по полевои межы, а другия грани пошли по лесовои межы» (С. 189).

Иногда две грани — старая и новая — свидетельствовали о том, что граница отмежеванным угодиям проходила по старым граням.

Интересны в этом отношении отказные книги 1642 г. новосилца Кузмы Савенкова, где описывается граница между землями разных владельцев — «. . .налевя помѣсноя земля Кузмы ѳедянинова с товарыщи а направя помѣсная земля Микулы Боркалова да Онцыѳора Мухортова» (С. 228—229). Поскольку вновь обозначенная граница совпала с существовавшей ранее, для нанесения новых граней межевщик воспользовался прежними межевыми знаками: рядом со старой гранью Бориса Волошанинова нанес свою — грань Кузмы Савенкова: «. . .в лесу стоит илемъ на немъ двѣ грани старое Бориса Волошанинова да новоя Кузмы Савенкова. . . но гарѣ стоит столбъ а на немъ гран старая Бориса Волошанинова а подлѣ столба д ѕбчик стоит моложав а на немъ гран Кузмы Савенкова . . . на межѣ стоит дуб толстъ а на нем двѣ грани Бориса Волошанинова а др ѕга Кузмы Савенкова. . . (С. 228).

Естественно, предметы, выполняющие роль межевого знака, нуждались в выделении их из группы однородных, подобных. Это осуществлялось разными способами: 1) за счет указания на характерные признаки самого выделяемого объекта, 2) за счет уточнения, описания местонахождения межевого предмета.

Среди признаков выделяемого объекта отмечались самые яркие, например: в и д, п о р о д а д е р е в а — *дуб*, *клен*, *береза*,

[10] Иное понимание межевого знака в статье *Кислик Л. И.* К характеристике лексики, используемой для называния границ земельных участков (по данным деловой письменности XIV—XVII вв.) // Исследования по русскому языку и языкознанию / Под ред. проф. А. Н. Стеценко. М., 1974. С. 115—133.

[11] Ср.: в смоленской письменности XVII—XVIII вв. «межевой знак, осыпанный землей, назывался *копцом*» // *Борисова Е. Н.* Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974. С. 22.

ива, *илем*, *волха*, *ясен*, *осина*, *рябина*; *пень дубовый*, *дубов пень*, *пень есеновый*, *пень кленовой*; *столб дубовой*.

Как показывают материалы отписных книг, в качестве межевого предмета чаще всего среди различных пород деревьев используется дуб (*пень дубовой*, *столб дубовой*). очевидно как самое долговечное, примечательное своей величиной и формой дерево. Историк Г. М. Пясецкий, описывая проведение земельных границ в Ливенском уезде, находящемся в восточной части Орловского края, отмечает, что межевщики XVII в. «избирали для граней только такие деревья, которые были редки в массе хвойного леса и, следовательно, могли служить очевидною приметою. Особенно, при насечке граней, дорожили дубами».[12]

В качестве характерной детали межевого объекта часто использовался возраст дерева. Указание на возраст дерева осуществлялось различными способами: а) за счет употребления существительного с суффиксом субъективной оценки: дуб-*дубок*, *дубец*, *дубчик*, илем—*илемок*, береза-*березка*, клен-*пакленок*; б) в результате употребления при существительном соответствующего определения: дуб *моложав*; в) путем одновременного использования существительного с суффиксом субъективной оценки и характеризующего определения: *дубок молодой*, *дубок малой*, *дубец моложав*, *дубчик моложав*.

При выборе межевого объекта учитывалась и его яркая примечательная особенность. В процессе описания межевого предмета часто назывались выделяющие его, примечательные особенности во внешнем виде.

В роли характеризующих определений обычно используются краткие прилагательные: дуб *кудряв*, *сух*, *суховерх*, *толст*, *сед*, *кроковит*, *плотав*, *почковат*, *желват*; береза *кудрява*, *триплотава*; ясен *плотав*; и др.

Семантическим разнообразием выделяются прилагательные, называющие различные признаки дуба, самого распространенного в качестве межевого знака дерева: «. . .на поли стоит *дуб сух* но нем гран от таго дѫба пряма к Лысаи дубровки *дуб почкават* но нем гран от таго дуба пряма стоит *дуб суховерхъ* но межи но нем гран старая другая новая» (С. 207). Имена существительные в этой функции единичны: «. . .стоит *дуб грамабоина* на нем гран» (С. 217), «. . .*дубовоі пен з гарю* на нем гран» (С. 204), «. . .на ясени гран а *ясен з желвиною*» (С. 190).

Указание на отличительный признак межевого предмета осуществляется иногда развернутым словосочетанием: «. . .*ясен верхъ сломлен* на нем гран» (С. 204), «. . .*дѫбъ гром бил* на немъ грань» (С. 228), «. . .*клен нагиб на полдни* на немъ грань» (С. 215).

Требуемая точность в обозначении межевых знаков нередко достигается путем подчеркивания одновременно нескольких ха-

---

[12] *Пясецкий Г. М.* Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Тр. орловской ученой архивной комиссии 1893 г. Орел, 1893. Вып. 3, 4, 5. С. 11.

рактерных признаков: 1) «*дубчик краковитъ и вѣтеват* на нем гран» (С. 215), «*дуб толстъ ѯзголяв* на нем гран» (С. 205), «*дуб плотав взголяв* на нем гран» (С. 205); 2) «*дуб краковит верхъ сломлен* на нем гран» (С. 215), «*дуб суховерхъ вѣт отломлена* на немъ гран» (С. 190), «*дуб. . . краковит обсѣчан* на нем гран» (С. 205); 3) «*кленъ высокъ серед клена вѣт на полночь лактиною* на немъ грань» (С. 201), «*илемъ плотав на полночь плоть с ѯха а на полдни здорова* на немъ грань» (С. 201); 4) «*два дуба надном корени на одном дубя* гран старое *вѣт отошла на усход*» (С. 226—227), «*два дуба на адномъ корении абапол их объвился корон* на адном дубе гран старое» (С. 227).

В приведенных примерах больше, чем где-либо, чувствуется связь с живой разговорной речью. И это не случайно: «Для языка деловой письменности живой общерусский язык был органической основой».[13]

Несмотря на разнообразные способы описания межевых предметов, порядок следования компонентов при их обозначении обычно одинаков: название данного предмета, указание на его примечательные особенности, упоминание о межевой отметке на нем.

Выделение межевых объектов осуществляется не только в результате указания на их характерные признаки, но и за счет уточнения их местоположения.

Местоположение межевого знака устанавливается по отношению к различным естественным и искусственным ориентирам.

В качестве естественных ориентиров использовались: формы и детали рельефа местности — *верх*, *усть верха*, *вершок*, *отвершек*, *верх отвершка*, *устье овершка*, *сомородная яма*, *косогор*, *взгорье*, *полугора*, *гора*, *крутоярина*, *курган* и другие; водоемы и части водоемов — *речка*, *устье реки*, *водоток*, *водотечь*, *озерцо*, *болотце*, *ржавец* и другие; отдельные деревья, кусты и их совокупности — *дуб*, *илем*, *ивовый куст*, *лес*, *пашенной лес*, *лесок*, *подлесье*, *колок*, *дуброва*, *дубровка*, *ывник*, *березник*, *хмелник*, *липежок* и другие; отдельные предметы неживой природы — *камень*, *медвежья берлога*, *гнездо* и другие.

Искусственными ориентирами могли быть: пути сообщения (*дорога*, *росстани дорожки*, *стежка*), специально сделанные линии разграничения земельных участков (*межа*, *борозда*), отдельные строения, участки и части населенных пунктов (*гумно*, *огород*, *изгород*, *усада*, *усадище*, *двор*, *колодезь*, *проулок* и другие).

Подобно тому как у предмета, используемого в качестве межевого знака, отмечаются примечательные черты, так и у выбранных ориентиров указываются индивидуализирующие его особенности. Если межевым знаком могли быть только деревья, пни, столбы, с нанесенными на них гранями, то ориентирами избирались самые разнообразные объекты окружающей действитель-

---

[13] *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974. С. 47.

ности. Не случайно поэтому и средств выделения предметов, выбранных в качестве ориентиров, больше, нежели средств выделения межевых знаков.

Географические объекты, используемые при межевании земельных угодий, как правило, имеют при себе микротопонимы: речка *Зушица*, *Обакумовский* верх, *Крутой* отвершек, *Усов* лес, *Каменный* лесок, *Лысая* дубровка, *Савенков* брод, большая дорога *Новосильская*. Иногда отмечается принадлежность тому или иному лицу: усада *Бессона с братею Денисовых*, двор *Мортинков*, *Мортинъкин хмельник*.

В отказных книгах чрезвычайно распространены указания на какие-либо характерные особенности упоминаемых объектов окружающей действительности: курган *невелик*, *ивовое* болотце, *березовый* гоек, *осинов* колок, верховье *отвершковое*, *старый* выгон, дорога *прогонная*, борозда *старая* и другие.

Местоположение межевого предмета по отношению к окружающим объектам, выбранным в качестве ориентиров, в отказных книгах обозначается довольно точно. Это достигается разными способами, и прежде всего за счет использования многообразных предлогов, участвующих в передаче различных пространственных отношений: *на — на поле*, *на дороге*, *на горе*, *на полугоре*, *на берегу*, *на отвершку*, *на подлесе* и т. д.; в — *в лесу*, *в березнику*, *в болотцы* и т. д. Обращает на себя внимание весьма разветвленная синонимия предлогов: *подле-у-близко — подле дороги*, *у дороги*, *близко дороги*; *позад-за — позад двора*, *за верховем*; *надверх — над верхом*, *верх верха*; *меж-межи-промеж — меж плоты и колодезя*, *межи дворов*, *промеж усад*.

Стремление к максимальной точности при обозначении местонахождения межевого знака реализуется путем употребления нескольких уточняющих обстоятельств, выраженных предложно-падежными формами имен существительных: «. . .*у рѣчки* у Черни *на берегу* стоит волха на ней гран» (С. 177), «. . .*на вершку на* старом *выгоня в березнику* стоит береза кудрява» (С. 205), «. . .*в* той же *8саде 8 селища* дворового стоит ѧсен плотав на нем гран» (С. 205), «. . .*подлѣ дороги* курганъ невеликъ *подлѣ курганца* ива кудрява на нем грань» (С. 201).

Конкретизация местоположения межевого знака осуществляется в отказных книгах с помощью описательных конструкций «. . .*по левой стронѣ тои дороги свернув в сторону* стоит дуб толстъ на нем гран» (С. 205), «. . .*едучи к болшои навосильскои дароги недоехов дороги* стоит дуб на нем гран» (С. 205—206).

В большинстве случаев местонахождение межевого знака устанавливается по отношению к тем или иным предметам окружающей действительности. И лишь иногда местоположение предметов-ориентиров определяется относительно межевого знака: «. . .стоит дуб на нем гран *подле озерцо*» (С. 211), «. . .стоит дуб на нем гран *подле ево язвища*» (С. 211), «. . .на клену гран *под нимъ яма* въ яме уголя» (с. 201), «. . .стоит дѫб но полугорѣ краковит но нем

гран а *пониже ево березка* недолека» (С. 207), «. . .пряма на дубец на нем гран *против яма*» (С. 215).

Одной из особенностей языка актовых текстов является то, что «основное их содержание передается формулами».[14] Наблюдения над текстами южнорусских отказных книг XVII в. подтверждают это положение. Изучение языка названных деловых документов позволяет говорить о наличии в них определенной формулы для обозначения межевых знаков, а именно: указание на местоположение—название самого «гранного объекта»—описание его примечательных особенностей—упоминание о наличии грани, зарубки на нем—пояснение о том, что находится по соседству с данным межевым знаком. Как правило, порядок компонентов в данной формуле является постоянным, лишь иногда встречаются отступления.

Обязательным компонентом в данной формуле является название самого «гранного объекта» и упоминание о наличии грани на нем. Все остальные компоненты являются факультативными, не обязательными в каждом конкретном случае: «. . .стоит береза на неи гран» (С. 232); «. . .на столбѣ гран столбъ дубовои» (С. 189); «. . .серед степи стоит столбъ а на нем гран» (С. 228); «. . .в березнику стоит береза кудрява на неи гран» (С. 205); «. . .илмокъ стоит близка дароги костомаровскои что в город во Мценескъ ис Костомароваи дрвни ѣздеть на илемку грань под нимъ сомородная ямка подлѣ ямки курганъ невеликъ» (С. 201).

При установлении границ земельных угодий важно было не только указать межевые знаки, их местонахождение и характерные признаки. Необходимо было описать, где и как проходит межевая граница в пространстве между «гранями».

Подобно тому как характеристика межевых знаков строится в текстах отказных книг по определенной модели, так и описание участка границы земельного надела между межевыми знаками осуществляется по определенной формуле.

В конструкциях, используемых для обозначения отдельных участков межевых границ, можно выделить следующие компоненты: 1) указание на исходный «гранный» межевой предмет (*от того дуба*, *от тои березы*, *с того дуба*; *от клена*, *от столба* и т. п.); 2) указание на направление межевой границы (*прямо*, *вниз*, *прямо вниз*; *к колодезю*, *на дуб*, *через степь* и т. п.); 3) описание места прохождения межевой линии (*межою*, *по меже*, *через дорогу*, *вдоль по лесу*, *по верху до колодезя*, *на гору по верху через ручей*).

В текстах отказных книг имеют место различные комбинации указанных компонентов для обозначения отдельных участков границы земельных владений. Обязательным является первый из названных компонентов: «. . .*от клена* на илемъ на илму гран» (С. 201), «. . .*от таг дуба* стоит дуб на нем гран» (С. 211). Однако такие сверхлаконичные описания малоинформативны.

---

[14] *Дерягин В. Я.* Русская деловая речь на Севере в XV—XVII вв.: автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М., 1980. С. 5.

Требуемая точность при указании границ земельных наделов достигается за счет подробного описания, в каком направлении и где проходит межевая граница. Поэтому, как правило, в рассматриваемых деловых бумагах имеются данные о направлении межевых границ и месте их прохождения: «. . .с таво клена на гору по верху через ручеи на горѣ к полю на подлѣсьи пад усть Болшова верха стоит дуб грамабоина на нем гран и против грани яма с таво дуба и ямы пряма на дубец на нем гран» (С. 215).

Причем в одних отказных книгах внимание акцентируется на направлении межевой границы, в других — не столько на направлении, сколько на месте ее прохождения, в третьих — обозначается и направление, и место пролегания границы отмежеванного земельного участка; сравните:

1. «. . .пряма на столбъ . . .пряма на кленокъ . . .на пакленакъ . . .но ясен . . .на столб . . .на дву пакленков . . .на столбъ. . . . . .межою . . .на столбъ . . .пряма межою на столбъ» (С. 189);

2. «. . .через Нарѣцкои ѡтвершек. . . через ѡтвершек. . . через ѡтвершек Козлов . . .через Нарецкои ѡтвершек. . . через сеную дорогу . . .через болшую дорогу . . .через болшой холм» (С. 211);

3. «. . .пряма старою межою через Обакумовскои верхъ. . . прямо по межѣ . . .прямо по межѣ . . .прямо старою межою на Рѣпнои отвершик . . .прямо по межѣ на степ . . .прямо через степ . . .прямо на гор8 по верху . . .прямо через аорѣмовскою дорог8» (С. 228).

Как видим, при описании межевой границы в разных отказных книгах используются различные синтаксические конструкции. Эти конструкции отличаются наличием-отсутствием отдельных компонентов, степенью их распространенности и способами морфологического выражения. Так, например, указание на исходный межевой знак в мценских отказных книгах 1636 и 1642 гг. представлено по-разному: «. . .от тово клену. . . от тог столба . . . от тог кленка . . .от тог клену. . . от тог пакленка . . .от тех пакленков . . .от тог столба» (С. 189); «. . .а от клена. . . а от ивы . . .а от илма . . .а от клена . . .а от илма . . . а от илемка» (С. 201).

Таким образом, описание межевой границы в отписных книгах осуществлялось по определенной формуле и включало в себя наименование межевых знаков (указание на местоположение, название самого «граннного» предмета и упоминание о наличии грани на нем, описание его примечательных особенностей) и обозначение участков границы между межевыми знаками (указание на исходный межевой предмет, указание на направление и место прохождения межевой границы). Интересно, что в некоторых случаях выявляется зависимость одних факультативных компонентов от наличия или отсутствия других. Так, необходимая ясность, точность при обозначении межевого знака иногда достигаются за счет подробного описания направления и места прохождения межевой границы, указания на место нахождения межевого знака. Упоминание о характерных признаках межевого предмета в этом случае становится избыточным, ненужным: «. . .от того д8ба пряма

к рѣчки к Любовъши но горѣ стоит дѮбъно нем гран. . . на степ да через степ да но косогоре ортеб а над ним дѮбъа на нем гран. . . от тог дуба пряма по верхѮ по водотечи но гору да на остърову стоит дѮбъ моложавъ на нем гран а отого дѮба пряма но СѮ—хи озерка нод озером стаит дѮб но немъгран. . . атого д ба пряма на Выскою д бровък . . .а в болоцы асина а на неигран» (С. 231).

Взаимосвязь между отдельными компонентами формулы описания межевой границы иногда наглядно проявляется в тексте: наблюдается повторение одних и тех же лексических единиц, указывающих сначала на направление межевой границы, а затем на место расположения межевого знака: «. . .от тово ясеня прямо *к дороги подлѣ дороги* стоит столбъ . . .пряма *к Осину верху над верхом* стоит пен . . .*на ѡтвершек на усть ѡтвершка* стоит береза наклона . . .*на столбовую дорогу подлѣ дороги* стоит столбъ. . . . . *к болшои новосилскоі дороги за дорогою* на курганцы стоит столбъ» (С. 204). Таким образом достигается максимальная точность описания, не допускающая инотолкования, что являлось необходимым условием при оформлении акта межевания.

Выявленная вариантность при обозначении межевой границы объясняется, видимо, причинами разного характера: как собственно языковыми (особенностями структурной организации текста отдельной отказной книги), так и неязыковыми: отсутствием строго регламентированных норм оформления определенных деловых бумаг, отсутствием у авторов отказных книг достаточного навыка в письменном оформлении акта межевания («правописная подготовка писцов была неодинакова»,[15] отказные книги часто писали писцы-непрофессионалы).

Вместе с тем наличием определенной формулы не ограничиваются общие черты у различных отказных книг в их основной части, где дается описание межевой границы. Отдельные акты характеризуются преобладанием тех или иных синтаксических конструкций и их регулярной повторяемостью.

В способах описания межевой границы наблюдается определенная стандартизированность. Эта стандартизированность проявляется при сопоставлении текстов отдельных отказных книг во многих отношениях: в наличии определенной формулы, в преобладании тех или иных синтаксических конструкций. Стандартизация языка ощущается и при рассмотрении способов описания межевой границы внутри одной отказной книги.

Таким образом, в отказных книгах-памятниках деловой письменности XVII в. в обозначении границ земельных угодий наблюдается сочетание определенной типизации и формализованности с индивидуальными особенностями конкретного поземельного акта, проявляющимися как в полноте реализации существующей формулы описания межевой границы и в комбинации ее компонентов, так и в конкретном лексическом наполнении этих компонентов.

---

[15] Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. . . С. 5.

Стандартность и вариантность в составе отказной схемы — черты, характеризующие не только отказную книгу в целом[16] (с традиционным зачином, основной частью, заключением), но и отдельные ее фрагменты, в частности описание границы межевания.

Анализ текстов отказных книг показывает, что в них «. . .в полной мере отражаются основные закономерности развития русской деловой речи XVI—XVII веков».[17]

[16] См.: *Котков С. И.* Отказные книги. . . С. 44; *Ващенко Т. Ф.* К изучению отказных книг // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 37.

[17] *Дерягин В. Я.* Русская деловая речь на Севере. . . С. 45.

Г. И. ДЕМИДОВА

Материалы деловой Брянской письменности XVII в. в государственном архиве Курской области

Материалы деловой брянской письменности XVII в., хранящиеся в Государственном архиве Курской области, сосредоточены в фонде 1657, который носит название «Коллекция столбцов XVII и конца XVIII века» (18 единиц хранения числятся по описи № 1, № 29 — 46), и в фонде 1555 под названием «Коллекция документальных материалов XVII—XIX веков» (8 единиц хранения числятся по описи № 1, № 141 — 148). Все упомянутые документы написаны на бумаге скорописью второй половины XVII в. и образуют столбцы, имеющие архивные номера. Столбцы разной длины в зависимости от содержания дела в нем изложенного от одного листа до пятнадцати. Все документы датированы: самый ранний относится к 1662 г., самый поздний — к 1701 г.

Оформление деловых документов скромное. Большинство из них имеют вид обычных для этого времени делопроизводственных актов. Только два документа (ф. 1657 № 37 и 38) начинаются с большой заглавной буквы, украшенной пышным растительным орнаментом из длинной ветви с листьями и цветами. Часть столбцов сохранила печати из темного воска диаметром 1—1.5 см, надписи и изображения на которых трудно прочитываются (ф. 1657 № 29, 32, 34, 38, 39, 41; ф. 1555 № 144). В целом состояние столбцов удовлетворительное. Больше других пострадали от времени документы ф. 1555 № 144, ф. 1657 № 31, 36 и нуждаются в реставрации.

Скорописные тексты, написание которых территориально связано с современной Брянщиной — Карачев, Камарицкая волость Севского уезда, — можно сгруппировать следующим образом:

Данные грамоты на владение землею, на льготы в платеже податей и несении службы солдатам, драгунам, слободчикам.

Отказные грамоты на землю камарицким солдатам.

Челобитные солдат об убытках и налогах, чинимых им ратными людьми и гонцами.

Выписи из писцовых и межевых книг на землю камарицким солдатам.

Выписи из судного дела по иску из-за земли солдат, драгун.

© Г. И. Демидова, 1991

Памяти камарицким бурмистрам, севскому стрелецкому и казачьему голове Василию Пересветову об отводе земли драгунскому сыну.

Указ царя Федора Алексеевича воеводе князю Василию Васильевичу Голицыну о даче выписи на владение землею камарицким солдатам.

Таким образом, данные тексты, охватывающие определенный территориальный регион, показывают деловые и социальные отношения людей второй половины XVII в. Главный вопрос, который поднимается во всех деловых актах, — это вопрос о земельном владении низших служилых людей — солдат, драгун. За несение службы, которая обычно была пожизненной и наследственной, им отводилось по 15 десятин государственной земли.[1] Во время наделов, межевания между землевладельцами возникали многочисленные споры о правах владения тем или иным земельным участком, урочищем, сенным покосом, лугом и т. п., а также о границах, размерах его.

В части деловых бумаг имена их составителей не приведены, что было распространенным явлением в делопроизводстве XVII в.[2] Часть же имеет прямое указание на писца, например: а запись писал севский площедной подячий Ермошка Максимов (ф. 1555 № 143 1676 г.). В других документах имеются скрепы. Среди тех, кто оставил скрепы, находим имена Пашки Коробова (ф. 1657 № 30 1678 г.), Емельки Уварова (ф. 1657 № 35 1685 г.), Сергушки Худякова (ф. 1555 № 146 1692 г.), дьяка Федора Евфимлѣва и Исачки Матвеева (ф. 1555 № 147 1694 г.), Карпа Коробова (ф. 1657 № 36 1685 г., № 37 1685 г.), Михайлы Жедучнева (ф. 1657 № 34 1685 г.), подьячего Осипа Дементьева (ф. 1657 № 43 1686 г.), стольника Андрея Демского (ф. 1697 № 42 1696 г. и № 44 1697 г.), подьячего Федотки Акатова (ф. 1555 № 145 1682 г.).

Прямого указания на местное южнорусское происхождение писцов в текстах нет. Но, как считает С. И. Котков, периферийные писцы-профессионалы в подавляющем своем большинстве были местными уроженцами.[3] Об этом наглядно свидетельствуют фонетические, грамматические и лексические приметы южнорусской речи, нашедшие отражение в рукописных источниках.

Изучение языка делопроизводственных документов вызывает известный интерес с разных точек зрения. Прежде всего показания памятников отражают состояние периферийной приказной письменности второй половины XVII в. Кроме того, они позволяют выявить некоторые элементы народно-разговорной речи южноруссов той эпохи. Этим открывается как историческая перспектива в деле исследования южнорусских говоров, так и степень участия южнорусской разговорной речи в становлении русского национального

---

[1] Курск. Очерки истории города. Изд. 3. Воронеж, 1975. С. 26.

[2] См.: *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980. С. 80, 92, 103 и др.

[3] Там же. С. 20—21.

языка. А это имеет особо важное значение потому, что до сравнительно недавнего времени лингвисты по ряду причин не придавали существенного значения говорам территории южнее Москвы в процессе формирования русского национального языка. Они ссылались на то, что земли южнее Москвы в результате татаро-монгольского нашествия были опустошены и заселялись преимущественно в позднее время.[4] Исследования последних лет опровергают эту точку зрения. Ее ошибочность убедительно показана в целом ряде работ.[5]

Привлеченные для анализа материалы деловой письменности содержат стандартные формулы и штампы (клаузулы), свойственные деловому жанру. И несмотря на это, лексический состав анализируемых памятников богат и разнообразен. Лексическая содержательность их предопределяется тем, что в них говорится в основном о земельном владении того или иного лица. Отсюда в этих документах отложился комплекс определенных тематических и лексико-семантических групп слов.

Прежде всего в документах широко представлены названия земельных угодий: *сеножатная земля* (142, л. 1), *сеножатные угодья* (142, л. 3), *перелог*, *дикое поле* (35, л. 1), *пашня*, *сеножать*, *сенные покосы* (29, л. 1), *поле*, *сеножатный луг*, *поляна* (40, л. 1), *урочище* (там же, л. 3), *пустошь* (там же, л. 4). Ср. в контекстах: а в тех урочищах вверхъ узлеча болота *роспашь* была их исцова (39, л. 2), *сѣножатный луг* а прозваниемъ называѣть лозливая поляна (40, л. 1), по тѣмъ *урочищам пашенною землею* и *сенными покосы*. . . и всякими *угодьями* владѣти (29, л. 1). Отмечены некоторые названия, которые отсутствуют, например, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, как *мякотная земля*: отвели дрвни Алешка драгуны преж сего свою *мякотную землю* (142, л. 5). В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля зафиксированы слова *мя́коть* и *мякота́* с пометами «самар.», «сарат.» в значении «паханая земля, поле, с которого снят один хлеб» (Т. 2. С. 373). Как видно из примера, прилагательное от этого слова употреблялось в южнорусском говоре уже в XVII в.

Анализируемые тексты содержат в большом количестве апеллятивы, широко употребляющиеся и в современных южнорусских

---

[4] Эта концепция, в частности, представлена Н. П. Гринковой (*Гринкова Н. П.* Воронежские диалекты. Л., 1947), Я. А. Спринчаком (*Спринчак Я. А.* Синтаксические конструкции Судебника Ивана Грозного // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1939. Т. 20). Я. А. Спринчак писал: «Приказно-деловой язык Московского государства создавался на севернорусской лингвистической основе, так как характеризуется севернорусскими чертами».

[5] *Котков С. И.* Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников. Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962; *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963. С. 6—16; *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.

говорах. Это названия местного ландшафта, рельефа: 1) наименования возвышенностей: тотъ дубъ стоитъ *на горѣ* (41, л. 3), на левой стороне земля Сѣвского уѣзду Комарицкои волости слободки Калининои что на комарицком *холму* (38, л. 3), *на вершине* хорошево ложка на бортном на пню. . . грань (142, л. 4).

2) Названия оврагов: от того озера на сѣвские *верхи* з дикою дубровою лѣжитъ впусте (земля) (40, л. 3), ср.: *верх* — «овраг» (Сл. РЯ XI—XVII вв., вып. 2; СРНГ, вып. 4), от столба что стоитъ в устье великого *логу*; через устья великого *логу* (44, л. 2), направо в крутой яме крутым *ложком* вдоль до верховья тово *ложка* (36, л. 2), от того дуба. . . *до лощины* и *лощиною* до столба триста сажень (44, л. 3), противъ ево *в лощине* выкопана яма (там же, л. 4), ср.: *лощина* — «овраг», «ущелье» („Толковый словарь живого великорусского языка" В. И. Даля. Т. 2). Слово *овраг* не встретилось ни разу.[6]

3) Названия низких болотистых мест: по тому ж *болоту* ученилъ межу Максим Кобатов (39, л. 11), взлечь *болотца* которая вышла от того холму (39, л. 10), на прямою вершину *мочюлищо* (143, л. 1), ср.: в «Словаре» В. И. Даля *мочилище* — «колдобина, пруд» (Т. 2. С. 354); в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского слово не отмечено.[6]

4) Названия водных потоков: то болото впало с устьеку *в реку* Сѣве а с Сѣви *реки* тѣкъ болотомъ (146, л. 1), по левою сторону *речки* Летча сенные покосы (145, л. 2), от *колодезя* логомъ (44, л. 3),[7] лебедянское *озеро* (40, л. 3).

5) Исток, начало реки, болота, оврага: вдоль *до верховья* того ложка (36, л. 2), *верховья* болота Злечи (39, л. 7), ср.: *верховье* — «верховье, местность у истока (реки, оврага и проч.)» (Сл. РЯ XI—XVII вв., вып. 2).

6) Название оврага, долины без воды — *суходол*: вверхъ Злеча *суходоломъ* идучи (39, л. 14), ср.: в «Словаре» В. И. Даля *суходол, суходолие* — «лощина, долина без воды» (Т. 4. С. 367).

7) Названия леса (вида леса), деревьев: *дуброва* (37, л. 4; 40, л. 5), *дубняк* (142, л. 5), *селитобный лес* (пригодный для сооружения строений): *селидобным лѣсомъ*. . . владѣти (29, л. 1), *береза* (36, л. 2; 43, л. 4), *дуб* (39, л. 5; 40, л. 4, и др.), *лоза* — «дерево ветла, ива, верба» (Словарь Даля, т. II).

8) Названия размеров земельных угодий: *четь, треть, десятина, сажень, аршин*. Например: четыре *десятины* в неи пашни дикого поля двадцать *четей* (35, л. 1), до бортного дуба двести

---

[6] Не встретилось и слово яруга в значении 'овраг', приводимое С. И. Котковым в качестве своеобразного слова южновеликорусской топонимики юго-западной зоны. — См.: *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. С. 107.

[7] Гидроним *колодезь* — 'река', по исследованию Т. Ф. Ващенко, прослеживается в белгородских, брянских, елецких, карачевских, курских, мценских, новосильских, орловских и рыльских местах. — См.: *Ващенко Т. Ф.* Некоторые данные о составе лексики отказных книг // История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 151.

сажен (36, л. 2), *треть* дубровы (39, л. 2), меж граней и ямъ оставлены по три *сажени* трех *аршинов* (38, л. 6), пашни сорок *десятинъ* (35, л. 3) и др.

Мера пахотной земли исчислялась в *загонах*: подавали. . . челобитную в отыске во владенье пахотные земли в сороке в двух *загонах* (143, л. 1); на ихѣ пашне пограбили пожатого хлѣба *загонъ* ржи (147, л. 2). Луговые, сенокосные угодья определялись в *копнах сена*: сена тритцат *копен* (35, л. 1), в поле брать потому ж сѣна с тово шестьдесят *копен* (там же). В *копнах* измерялось и количество сжатого хлеба: нажатого (хлеба) девять *копенъ* (147, л. 3). Слова данной тематической группы интересно сопоставить с метрологической лексикой современных брянских говоров. Слова *аршин*, *сажень*, *четверть*, *загон* на протяжении веков входили в официальную систему мер русского государства, но в связи с изменением в официальной метрической системе эти слова выпали из активного запаса литературного языка, сохранившись лишь в говорах в силу своей универсальности и длительной традиции. В современных брянских говорах эти слова употребляются, по наблюдению Т. В. Дементьевой, преимущественно в речи старшего поколения, составляя активный словарь этих диалектоносителей.[8]

Поскольку в анализируемых источниках речь идет о праве владения земельным наделом, о перемежевании участков, то значительное место в них занимает описание границ, межей, ориентиров этих угодий,[9] из-за которых часто у землевладельцев возникали споры и раздоры. Об этом отчетливо сказано в одном из документов: Нада резать грани натесать и ямы выкопать и всякие признаки учинить для того чтоб впред меж ними села Голышина и дрвни Алешка у драгуновъ меж собою в том землю спорной и ссорнои не учинилось (142, л. 2). В качестве межевых примет использовались естественные природные объекты, элементы ландшафта (яма, овраг, лесок, полянка, дорога, холм, река, болотце, дерево, пень и др.) и специально для этого созданные «гранные столбы». Приведем описание межи одного камарицкого владения, составленное в 1676 г.: . . .договор в том что учинит нам меж собою тои земли мѣжи и грани от села Мелового от большого лога от платинки драгуна Фрола Алексеева на колодѣзь а с колодезя гору на смежные загони драгунов дрвни Меркуловка (143, л. 1). Или: на березе насечены две грани адна грань назад межею другая же лежит вдоль против грани она от того мицкого болота и березы и от ямы (36, л. 2). О «гранных столбах» сказано: а по тои выше писанои межи столбъ

---

[8] См.: *Дементьева Т. В.* Метрологическая лексика брянских говоров: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1983. С. 8—10.

[9] Описание межевых граней в наших материалах во многом совпадает с тем, что имеется в южнорусских отказных книгах XVII столетия. См. об этом: *Ващенко Т. Ф.* Некоторые данные о составе лексики отказных книг // История русского языка. Памятники XI—XVIII вв. М., 1982. С. 153—154; *Бахвалова Т. В.* Обозначение границ земельных угодий в памятниках южновеликорусского наречия (по данным отказных книг Орловского края) // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка. (Тез. докл. и сообщ.). Вологда, 1983. С. 133—135.

ставленъ большого лѣсу а в дубровах грани насечены на больших деревьях (38, л. 6). Деревья, пни, которые часто выступают ориентирами границ угодий, надо было как-то дифференцировать, отличать от им подобных. И здесь деловые документы заставляют нас слышать живые голоса людей той далекой от нас эпохи, которые писали их. Например, определениями к дубу являются: *матерый*, *моложавый*, *плотавый*, *яловый* (ср.: «о дереве либо кусте: бесплодный, не дающий плода» — Словарь Даля. Т. IV; то же значение в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. Т. 4), *гранный*, *суховетхий*, *горелый*, *обсеченный*, *сухой*, *кудряв*, *кудрявый*, *бортный*; с порядковыми номерами: *четвертый*, *третий* и т. д.; *береза плотавая*; *пень сухой*, *дубовый*. Например: *от* того *мотерого дуба* прямо до *дуба плотава* (4, л. 2), от ямы дубровою *до дуба моложава* (44, л. 3). Заметим, что определение *моложавый*, указывающее на возраст дерева, реалии неодушевленной, и поныне используется в брянских говорах, ср.: отризаеца *дуб моложавый*, распаривають, час лежит баба с бревна, стясывают её, в бабу закладаица камель (Почеп. р-н Погореловка). Последнее примечательно в том отношении, что позволяет установить период, в течение которого отмеченные локальные слова входили в речевой оборот южноруссов, т. е. определить их «возраст».

Изучаемые материалы содержат названия сельскохозяйственных культур, возделываемых в крае. Общим для всех зерновых культур служило название *хлеб*: велѣно ему того сѣеного хлѣба осмотреть подписать много десятков и какова хлѣба порозни (147, л. 2), спрашиват въ ево гсдрву казну четвертного хлѣба во Брянску (32, л. 1) и др. Слово *хлеб* может выступать с дифференцирующим определением: *еровой хлѣбъ* (39, л. 1; 142, л. 1). Упоминаются также *конопля* (147, л. 3), *овес* (148, л. 2 об.).

Представлена в деловых документах лексика, отражающая социальную дифференциацию общества: боярин и воевода князь Василий Васильевич Голицынъ (32, л. 4), стольник (32, л. 1), бурмистр (46, л. 1), дворянин (29, л. 1), окольничий (40, л. 1), помещик (148, л. 1 об.), вотчинник (148, л. 3), думной дворянин (145, л. 3), генерал (40, л. 1); солдат, воин (36, л. 1, 3), драгун (40, л. 3), слободчик (41, л. 4), бобыль (35, л. 1), крестьянин (147, л. 4) и др. Отмечены терминологические обозначения со словом *люди*: *крымские люди татары* (29, л. 1), *обыскные люди*, *сыскные люди* (29, л. 1), *вольные гулящие люди* (40, л. 1), *беглые люди* (147, л. 4) и др.

Многочисленную группу составляют названия людей по месту их жительства. С суф. *-ец*: кричинцы (село Кричин) (148, л. 2 об.); почепцы, звѣняченцы (села Почеп и Звенячка) (40, л. 6); карачевцы (село Карачев) (35, л. 1); стародубец (село Стародуб) (142, л. 1); ярославец, лобковцы (села Ярославец, Лобки) (147, л. 5); светозерцы (слобода Светозерская) (39, л. 14); с суфф. — *янин*: рыляне (г. Рыльск) (38, л. 3).

Региональная письменность является источником для изучения словообразовательной системы живой разговорной речи

XVII в. В документах много слов с уменьшительными суф. *-к(а)*, *-ок(ек)*, *-ечк(о)*, *-ц(-ец)*, *-иц(е)*: платинка (143, л. 1), полянка (145, л. 2; 148, л. 1 об.), слободка (146, л. 1), речка (35, л. 1; 40, л. 1), лесок, ложок (142, л. 4), мосток (40, л. 5), болотце (146, л. 1), поместьице (35, л. 1), болотечко (43, л. 4). Интересно слово *устьек* — «исток»: то болото впало с устьеку в реку Сѣве (146, л. 1). Это слово в словарях не зафиксировано, в «Словаре» В. И. Даля (Т. IV) дано только «устье» в значении «исток» реки.

Особым характером содержания анализируемого материала обусловлен богато представленный лексико-грамматический класс наречий и предлогов. Наряду с нейтральными наречиями и предлогами типа: вверх, сверху, налево, направо, вниз, меж, через, против, впредь, подле, вновь, близко, смежно и др., отмечаем сугубо разговорные локальные образования: покаместь, после, окромѣ, налѣве, направе, откуды, покаместа, порозни, промеж, вкруте, назаду и др. Например: *покаместь* имъ землею владеть велено (39, л. 3), *покаместа* они лошадми обзаводятца (32, л. 1), до пятого столба *откуды* межа началась (40, л. 6), *налѣве* земля Сѣвского уѣзду (36, л. 3), *направе* тои ж межи (там же), от столба через болотечка налево *вкруте* до болота (43, л. 4), (земля) лѣжить *впусте* и нихто не владѣетъ (40, л. 4) и т. п.

Лексическое наполнение локальной деловой письменности XVII в. не исчерпывается указанными группами лексики, оно гораздо шире и существенно дополняет наше представление о той роли, которую сыграло южнорусское наречие в общем процессе становления русского национального языка.

Лингвистическая содержательность того или иного памятника прошлого не ограничивается освещением только лексической стороны его, ибо под лингвистической содержательностью понимается вся совокупность заключенных в них лингвистических данных, предопределяемых и содержанием памятника, и отнесенностью его к определенной области русского языка и его диалектов.[10] Анализируемые деловые документы дают материал для выявления элементов локальной разговорной речи и в области фонетики и грамматики. Так, они содержат многочисленные указания на аканье, которое определяет весь характер безударного вокализма южнорусского наречия. Об этом свидетельствует замена *О* посредством *А* в первом и втором предударных слогах и в заударном слоге: атветчикамъ (39, л. 4), таго (142, л. 1), драгунав (там же), салдаты (144, л. 2), адна (36, л. 2), атмерено (38, л. 4), каторые (30, л. 14), паселитца (40, л. 1), с стараны (39, л. 11), от платинки (143, л. 1) и др. Косвенными указаниями на аканье являются написания *О* на месте *А*: Онтошке Захарову (142, л. 1), дрогуны (там же), Евсею Обакумову (143, л. 1), зопахали (39, л. 8), от мотерого дуба (41, л. 2), скозали (30, л. 10, 12), роздать (46, л. 1) и др.

---

[10] См.: *Котков С. И.* О предмете лингвистического источниковедения. Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 8.

Прослеживается сохранение звука, обозначавшегося буквой ѣ, в положении под ударением перед твердыми и мягкими согласными, а также в абсолютном конце слова: сѣвского и рыльского уѣздов (44, л. 2), столникъ Андрѣи Николаевичь (43, л. 1), до рѣчки (141, л. 3), хлѣб (142, л. 1), сѣно (там же), на землѣ (30, л. 6), велѣлъ (там же, л. 7), в уѣзде (35, л. 1), ис Сѣвска (29, л. 2), всѣхъ (142, л. 3) и др. Напротив, в безударном положении ѣ часто заменяется на *е*: в уѣзде (31, л. 5; 35, л. 5), на Свиридке (142, л. 1), в прошлом годе (там же), по скаске (40, л. 4), на дороге (32, л. 2) и др. Нередки случаи замены ѣ на *е* и под ударением: на всех (142, л. 1), на рѣке (30, л. 6), две грани (36, л. 2), на стороне (36, л. 4), атветчикамъ (там же), лесу (39, л. 7), на земле (142, л. 1) и др. Это позволяет заключить, что ведущей тенденцией во второй половине XVII в. на Брянщине было изменение ѣ в *е*, хотя этот процесс протекал противоречиво и непоследовательно. Так, в ряде случаев, даже в одном и том же документе, наблюдается большая пестрота в употреблении старого ѣ: из Сѣвска, всѣх, от лѣсу, на столбѣ, ѣздятъ, а рядом: на дубе, по скаске, на стороне и здесь же: едучи, на пне, по речку (46, л. 1—3).

В исследуемых документах отмечены немногочисленные случаи замены *О* на *У* в первом и втором предударных слогах: Петру *Блухтину* (35, л. 2) и здесь же: *Блохтину*; деревня *Лупандино* (148, л. 1), ср. сейчас: *Лопандино* Комаричского района. Эти данные свидетельствуют о том, что в живых говорах изучаемой территории XVII в. гласный *О* звучал близко к *У* или как *У*, что было следствием сильной лабилизации звука *О* под влиянием соседних губных и заднеязычных. Кроме того, отмечен пример обратной замены *У* на *О* во втором предударном слоге: до дуба *соховетхотого* (89, л. 2), ср.: *суходол* (39, л. 14) и др. Вероятно, такое написание свидетельствует об ослаблении лабиализации *У* в речи некоторых писцов. Это происходило под влиянием *О* в соседнем слоге. Сильная лабиализация является характерным признаком вокализма современных брянских говоров. Сильную лабиализацию претерпевает не только *О*, но и *Ы*, ср.: глыбокий — глубокий, глыбина — глубина, глыбче — глубже, глыдать — глодать и т. п.[11]

Отмечаются случаи перехода в гласный *О* не только этимологического *Е*, а также *Е* из *Ь*. Это наблюдается после шипящих, *Ц* и других согласных: *авос* (148, л. 2 об.), *в ном* столбъ (142, л. 5), *мочюлищо* (143, л. 1), *селищо* (141, л. 2), *зоветцо болотцо* раздора (146, л. 2), *ерославцов* (147, л. 5) и др. Переход *Е* в *О*, по словам С. И. Коткова, в XVII в. имел широкое распространение в южнорусском наречии.[12]

Отмечаются в материалах письменности факты звучащей речи и в области консонантизма: ассимиляция по звонкости—глухости, диссимиляция, упорщение групп согласных, ср.: *чтопъ* с тои их

---

[11] См.: Словарь брянских говоров. Вып. 4. Л., 1984.

[12] См.: *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963. С. 54.

земли они отмѣтьчины *збили* (39, л. 1), *ис Сѣвска* (142, л. 1), з *дрогуны* (там же), против *скаски* (29, л. 1), *з дикою* дубровою (40, л. 3), *шездесять* (41, л. 3), *тринатцать* (30, л. 12), Якушка *Позняковъ* (39, л. 1), роспашь была ихъ *исцова* (39, л. 2), *салдацкого* строю (147, л. 2) и т. п.

Содержанием изучаемых источников определяется тот факт, что не все части речи представлены в них с одинаковой полнотой. Так, в них имеется обширный материал для изучения именного склонения, числительного, прилагательного, наречия и в меньшей степени системы глагольных форм.

В области морфологии прослеживается такая яркая черта южнорусского наречия, как частичная утрата категории средн. рода существительных. Это выразилось в одинаковом обозначении на письме безударных окончаний им.—вин. п. ед. ч. имен средн. и жен. рода, в согласовании с ними прилагательных и глаголов: топкая болота (39, л. 7), взлечь болотца которая вышла от того холму (39, л. 10), через третье болоту (146, л. 1).

Имеются свидетельства об изменениях в грамматическом оформлении категории рода личных имен. Так, в им.—вин. п. отмечаются имена на *-ко*: Самошко (35, л. 3), Емелько (там же), Едашко, Алимъпеико, Ивашко, Абакумко, Мартынко (46, л. 3) и др., но подавляющая часть личных имен употребляется с окончанием *-а*. Склоняются те и другие имена по первому склонению, т. е. по старой **а-* основе. Наблюдается переход существительного *сажень* из жен. рода в муж.: до дуба двесте тритцать адин сажен (38, л. 2).

В ряду других характерных черт южнорусского наречия в литературе отмечаются формы род. и предложн. п. ед. ч. на *-у* от существительных муж. рода старой **о-* основы. В анализируемых документах, как и в современных брянских говорах, они представлены шире, чем в современном литературном языке: [13] того смотру (30, л. 7), с того холму (39, л. 10), того лесу (39, л. 7), до указу (147, л. 2), близ холму (146, л. 2), подле лѣсу (38, л. 3), для спору (39, л. 14), оброку платить (147, л. 3), уѣзду (36, л. 4), изо Сѣвску (29, л. 2) и др.; на пню (142, л. 4), на дубу (там же, л. 5), в Сѣвску (146, л. 1), в Брянеску (32, л. 1), на холму (38, л. 3), в починку (35, л. 1).

В документах встречаются формы дат. п. ед. ч. существительных **а-* основы, свидетельствующие о воздействии мягкого варианта склонения на твердый, ср.: къ ихъ *слободки* (146, л. 2), и по тои *дубровы* ему. . . владѣти (30, л. 14). Аналогичные формы широко бытуют в современных южнорусских говорах,[14] так что факты

[13] См. об этом: *Демидова Г. И.* К истории форм родительного падежа единственного числа существительных на *-у* в брянских говорах // Диалектная лексика 1979. Л., 1982. С. 140—149; *Демидова Г. И.* Значение имен существительных мужского рода предложного падежа с флексией *-у* в деловой локальной письменности XVII в. // Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда, 1981. С. 112—120.

[14] См.: *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Л., 1927. Вып. 1. С. 88.

подобного рода можно считать давней и непрерывающейся локальной традицией. В предложном п. ед. ч. слово *земля* часто встречается в старом оформлении: на тои *земли* (30, л. 5), на тои спорнои *земли* (147, л. 2) и др. С. И. Котков отмечал, что «в предложном падеже ед. ч. старая форма мягкой разновидности держалась довольно устойчиво».[15] В настоящее время, как известно, существительные жен. рода на *-а* с твердой и мягкой основой в дательном и предложном п. ед. ч. часто образуют формы на *-ы(-и)*: *к жены, к земли*.[16]

Отмечаются единичные случаи сохранения двойственного числа у существительного жен. рода **а-* основы: *по обѣ сторонѣ* (30, л. 6).

Показательно колебание в образовании форм им.—вин. п. мн. ч. у существительных средн рода с флексиями *-а(-я)* и *-ы(-и)*, свидетельствующее о размывании родового признака, о ярко обозначенной в южнорусском наречии уже в XVII в. тенденции к однозначному выражению форм во мн. ч. Например, их *урочищи* (39, л. 4, 8; 147, л. 5) и в те же *урочища* (39, л. 10). По мнению С. П. Обнорского, формы средн. рода на *-ы(-и)* — типичная южнорусская черта.[17]

В дательном, твор. и предложном п. мн. ч. существительные имели старые и новые окончания: грамота дана солдатомъ (39, л. 14), по гранем (142, л. 5), всѣм драгуном (143, л. 1), имъ светозерцомъ (39, л. 14) и по мѣжам и граням (143, л. 1), по урочищам (144, л. 1; 145, л. 2); со всѣми угодьи и со крестьяны (35, л. 5), сенными покосы владѣть (145, л. 2), с старожилы (40, л. 4), с товарыщи (146, л. 2) и всякими угодьями (29, л. 2), пустошми (147, л. 3), сеножатми (29, л. 2); в разных городахъ и в уездах (145, л. 1), жили в разных городех и уездех (148, л. 3), в урочищахъ (146, л. 2), на дубах (39, л. 5), в дубровах (147, л. 3) и др.

В склонении прилагательных и местоимений отметим форму род. п. ед. ч. с окончанием *-ово-(ево)*, свидетельствующую об особенностях живого разговорного языка, а также южнорусских говоров XVII в.: хорошево леска, хорошево ложка (142, л. 4), с другова болотца (146, л. 1), до пня дубововo (36, л. 2), от рылсково лесу (39, л. 7), какова хлѣба (147, л. 2), ево (31, л. 1; 148, л. 1 об.), до тово ложка (36, л. 2), своево (39, л. 1) и др.

Интересный материал содержат анализируемые источники для изучения грамматических особенностей числительных. Они довольно многочисленны, поскольку в каждом документе речь идет о величине земельных угодий. Конкретные факты показывают, что процесс выделения числительных в особую часть речи в XVII в. еще не завершился. Так, у числительных второго десятка еще отчетливо проступает их былая трехкомпонентная структура, например: детеи *двинадесяти* летъ (35, л. 3). У числительных группы 50—80 еще встречается раздельное написание составных частей

---

[15] *Котков С. И.* Южнорусское наречие. . . С. 181.

[16] *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970. С. 135.

[17] См.: *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931. Вып. 2. С. 122.

словосочетания, что можно расценивать как факт переходного типа, в котором еще не произошло полного слияния компонентов: *восмьсот восмь десят* саженеи (30, л. 10), *сто восмъ десят* чет в поли (35, л. 2), *сто восмъ десят восмъ* сажен (36, л. 2). Числительное *сорок* в некоторых актах сохраняет еще старое склонение по образцу существительных **о-* основы ед. ч.: пахатные земли *в сороке* в двух загонах (143, л. 1). С исчезновением категории двойственного числа у числительного *дъвѣсътѣ* вторая составная часть сто стала изменяться по мн. ч. Это повлекло за собой фонетическое преобразование формы им.—вин. п.: конечный безударный *ѣ* стал более закрытым и сблизился с *и*. В брянской письменности представлены как старые формы на *ѣ*, так и новые на *и*: до дуба *двести* семдесят три сажени, до бортного дуба *двесте* сажен, от ямы до дуба *двести* сажен, от ямы *двесте* восмь сажен (36, л. 2).

В глагольной системе представлены архаичные формы инфинитива на *-ти*: дѣда ево велено сыскати (29, л. 2), ему ответчику владѣти с своеи стороны (30, л. 14), ѣхати имъ в Комарицкую волость (29, л. 1), допрашивати тѣх обыскныхь людеи (29, л. 3) и др. С другой стороны, встречаются формы с аффиксом *-ть*, свойственные южнорусскому наречию и находящиеся в речевом обращении в говорах и сегодня: помещиковь и вотчинниковь перевесть. . . по указу (148, л. 4).

Отмечаются в документах глаголы несовершенного вида с суффиксами *-ыва-*, *-ива-*: допрашивати (29, л. 3), распахивать (40, л. 3), сказывали (29, л. 4), прикладывать (там же), сыскивал (40, л. 4), селивать (148, л. 2 об.) и др.

Следует обратить внимание на глагольные образования с приставками *по-*, *при-*, *у-*, свойственные живой разговорной речи южнорусской области: на ихъ пашне *пограбили пожатого* хлѣба загонъ ржи (147, л. 2), охочие люди *похотятъ* на техъ оброчныхъ пустошах селица (там же, л. 3), запохали и *привладели* лишние земли (39, л. 8), сыскные люди *учнут* сказывати (29, л. 4), тѣ покосы. . . дрогуны *попахали* (142, л. 2).

Черты разговорного стиля можно обнаружить и в области синтаксиса. Это употребление род. п. существительного с предлогом *с* в значении *из*: то село Кричино на болшои московскои дороге ездятъ с Москве и к Москве всяких чиновь люди (149, л. 2 об.). Это нанизывание предлогов и союзов: в том в нынешнем году (142, л. 1), в сороке в двух загонах (там же), на рѣчке на Лубнѣ, на рѣчке на Копытце (35, л. 1), на бортном на пню. . . грань (142, л. 4), я Тарасъ Васильев да я Никита Кузьмин да я Фролъ Алексеевъ да Гаврила Нестеровъ Комарицкие драгуны. . . дали есми на себя запись (143, л. 1) и др.

В заключение отметим, что язык деловых документов, хотя и не является «зеркальным отражением» разговорного языка эпохи,[18] может быть надежным источником для изучения южно-

[18] См.: *Горшков А. И.* Рецензия на книгу С. И. Коткова «Московская речь в начальный период становления русского национального языка» // Русский язык в школе. 1975, № 2. С. 115.

русской речи в ее прошлом состоянии. Как подчеркивал Ф. П. Филин, делопроизводители Московского государства несомненно подражали языку московских канцелярий, но «подражание это, конечно, не исключало проявления ценных для языковедов местных особенностей речи».[19] Лингвистические факты проанализированных брянских источников свидетельствуют о том, что в них представлены и общенародные, и местные черты русского языка XVII в. Датированность и локализованность брянских документов повышает их ценность и делает их необходимыми при изучении истории русского языка и истории южнорусской локальной письменности.

Проанализированные рукописные источники — это только часть большой коллекции рукописного наследия XVII—XVIII вв., хранящейся в Курском государственном архиве, которая ждет специального исследования, чтобы быть введенной в научный оборот памятников русской письменности.[20]

---

[19] *Филин Ф. П.* О языке деловой письменности в древней Руси. Вопросы филологии. М., 1974. С. 36.

[20] Общий обзор рукописных источников XVII—XVIII вв. Курского государственного архива содержится в статье З. Д. Поповой. См.: *Попова З. Д.* Рукописи XVII—XVIII вв. в Курском областном архиве. Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

Форма и семантика диалектного слова

Изучение диалектного лексического материала убеждает в том, насколько последний в семантическом и материальном плане сложен и своеобразен. Именно в силу этих обстоятельств он требует к себе пристального внимания и не терпит одинакового подхода. Нередко приходится встречаться с тем, что судьба каждого слова весьма оригинальна и может быть разъяснена не только при обращении к словам всего словообразовательного гнезда (их истории, изменении их материального облика и семантики), но также к другим славянским языкам (в особенности восточнославянским).

Одной из сложнейших проблем при этом являются разграничение фактов, одинаковых или близких по форме, их классификация, определение семантических линий, которые в совокупности образуют единое общерусское слово. Примером здесь могут служить слова с прах- и прох-, либ- и люб-.

1. Прах- и прох-

В третьем томе Словаря Даля имеются два слова прахóвый (статья Прах) и прохóвый (статья Прохóвый). Первое слово, обозначенное Далем как восточное, интерпретируется им в качестве прилагательного к существительному прах, т. е. тесно связано со словом прах и его семантикой; оно и толкуется соответствующим образом: 'из праха или пыли; порошистый, рыхлый, мелкий и сухой'. Прахóвая земля, дожди не держатся, вода уходит. Прахóвый снег, убродный. Прахóвенький хлеб, рыхлый, мягкий. Праховый холст, реденький, жидкий, плохой. Праховенькая одеженка. Здесь же: прахова́тый, то же в меньшей степени.

Второе слово (прохóвый), отмеченное как курское, тамбовское, ярославское, вятское, тверское, имеет следующее толкование 'рыхлый, жидкий, мягкий, рассыпучий, слабый, непрочный'. На первый взгляд, семантика этих слов не тождественна, так как в слове прохóвый отмечены новые смыслы: 'жидкий, мягкий' и 'слабый, непрочный'. Однако приведенные в статье примеры

© О. Д. Кузнецова, 19

опровергают эту несхожесть, так как и в этой статье имеется проховый хлеб рыхлого печенья, прохóвенькое полотно, реденькое, т. е. употребления того и другого слова подтверждают совпадение их семантики или бóльшую близость.

Заметим, что во второй статье дается новое слово, которого нет в первой, — прохóный, помеченное как южное, западное и с тем же значением, что и прохóвый. Приводятся подобные же иллюстрации: прохóная кашка, тесто рыхленькое.

Отсюда, казалось бы, следует сделать вывод о связи этих двух слов со словом прах и, следовательно, о появлении новых качественных значений на почве семантики слова прах.

Наличие тождественных исходных значений слов, возможность развития качественных значений у того и другого слова, их взаимное влияние — все это нельзя не учитывать при рассмотрении истории слов с корнями прах- и прох-.

Большое количество написаний с про-, широкая семантика производных значений ('рыхлый, мягкий', 'редкий', 'жидкий', 'плохого качества'), значительное количество новообразований, семантически связанных с этими новыми качественными значениями (прохова́тый 'жидковатый. О кушанье' (Ворон.); проховее 'более редкий, неплотный. О ткани' (Тул.); прохóвенький 'реденький. О ткани' (Курск., Тамб., Твер., Яросл., Вят., Ворон.); прáхово 'жидко' (Ворон.); прахóный. 1. 'Жидкий, не крутой. О тесте, хлебе, каше' (Смол., Курск.) // 'Рыхлый, ноздреватый. О хлебе' (Калуж., Зап. Брян.) // 'Сыроватый'. Орл. 2. 'Мягкий, хорошо пропеченный' (Смол.), заставляют усомниться в правомерности связи всех этих диалектных слов со старославянским прах.

Следует заметить, что употребление новых качественных значений у слов с корнями прах- и прох- и мотивируемых ими производных в основном ограничивается южнорусским ареалом: так, слово прахóный отмечено главным образом в южных и юго-западных говорах (Калуж., Орл., Курск.. Смол., Зап. Брян.). По Далю, слово прахóный — южное, западное. Такое распространение этих слов хорошо согласуется с данными белорусского языка; причем здесь отмечается наличие значений, неизвестных в русском языке: прохóн 'свободный доступ, проход'; прохóно, нареч. 'рыхло, не густо'; прохонова́тый 'рыхловатый, ноздреватый' (Носович); прахóн 'проход, проем, отверстие' (Тлум. слоўнік);[1] прахóна .1. 'Рэдка'. Ета ты прахона етае цеста замесіла. 2. 'Шырока'. Нашто так прахона бунду (сукенку) пошыла, нехарошэ ж (З народн. сл. 1975).[2]

Самая форма прохóвый с О (прох-) (так писал Даль, Носович, в такой форме слово записано большинством собирателей), невыводимость всей семантики из семантики слова прах, несмотря на наличие у него развитой фразеологии в русском языке, слова,

---

[1] Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1981. Т. 4.

[2] *Дуброўская Е. Ф.* Прыслоўи у гаворцы вёскі Вялікія аўцюкі // З народнага слоўніка. Мінск. 1975.

не имевшего в диалектах большого распространения, все это заставляет искать разгадку семантического богатства слова, наличие его двух материальных оболочек с прах- и прох- в другом — в особой судьбе его, в возможных изменениях его материального облика. На последнее указывает Даль. Дело в том, что в статье По́рох он сближает слово праховый со словом пороховой; Пороховóе дерево, праховóе, крушина. Кроме того, для семантической мотивации прилагательного проховый и производных ближе слово по́рох, отмеченное в значениях: ‘прах, пыль’ (Моск. Моск.; Буйск. Костром., Чистоп. Казан., Петрозав. Олон.); ‘пыль, сор’ (Прионеж.); ‘порошок, пыль’; ‘сухая гниль’ (Прикамье); ‘пылинка’ (Ср. Урал), его производные — порóха ’первый рыхлый осенний снег, пороша’ (Печора и Зимний Берег, Арх., Беломор., КАССР, Мурман., Пск., Новосиб., Колым., Амур); ‘снежный пушок’ (Холмог. Арх.); пороховня́ ‘труха, гниль’ (Зап. Брян.); порохно́ ‘труха, гниль’ (Курск.); порохня́ ‘труха, гниль’ (Курск., Зап. Брян.); ‘прах, пыль’ (Руднян. Смол.); ’гниль на деревьях’ (погр. с Украиной). Как видим, значения ‘труха, гниль’, ‘прах, пыль’ имеют юго-западное распространение. С русскими материалами перекликаются украинские — порохня, порохонь ‘гнилушка’ и древнерус. порохъ ‘пыль’ (Срезневский). Заметим, что и прилагательное прохóный получает объяснение и мотивацию только с учетом курск. порохно́ ‘труха, гниль’.

Особенно интересной является материальная соотносительность слов прохóный, порохно́, порохня́ и украинских порохня, по́рохонь.

Приведенные материалы позволяют заключить, что, во-первых, высказанное предположение о происхождении формы прох- из русского порох вследствие редукции предударного гласного в небольшом круге слов следует считать вполне возможным, во-вторых, юго-западный ареал слов с прох- допускает и второй источник, мргущий повлиять на форму этих слов — польский язык (ср. польск. proch ‘пыль, прах, пепел’, prochowy ‘пороховой’, ‘пыльный’. Sł. języka polsckiego, 1965).[3]

2. Либивый — любивый

В 8-м вып. Сл.РЯ XI—XVII вв. приведены слова либивый (либевый, либѣвый) и либовый ‘тощий, истощенный, слабый’, подтвержденные рядом цитат из источников, начиная с Ипатьевской летописи (893 г.) (Осташася же татаровѣ друзии у Володимѣра кормити либывѣи конѣ) и кончая цитатой из Розыскных дел о Федоре Шакловитом (Т. III, С. 231, 1690 г.): Кобыла . . . свѣтлосѣра, грива налѣво, либева.

Новым по сравнению со словарем Срезневского (а слова либивыи, либѣвыи имеются у Срезневского) является в Сл. РЯ

[3] Słownik języka polskiego. Warszawa, 1965. T. 7.

XI—XVII вв. наличие слов либивость и либовость ‘изнурение, слабость’ (XVI—XVII вв.).

Несмотря на то что употребление слов либивый, либѣвый в древнерусском языке подтверждено цитатами из памятников, все же они остаются недостаточно ясными для читателя. Это объясняется тем, что нашим современникам эти слова неизвестны (их нет в современном русском языке), а также тем, что в обоих словарях древнерусского языка не приводится других слов этого корня (за исключением существительных либивость и либовость в Сл. РЯ XI—XVII вв.). Отсутствие внутренней мотивированности этих слов, невозможность поставить их в определенный словопроизводственный ряд и создают впечатление непроясненности, некоторой загадочности. Эта загадочность усиливается тем, что в 8-м вып. Сл. РЯ XI—XVII вв. они представлены в двух формах: либивый и любивый.

Обращение к этимологическим словарям (Фасмер, Преображенский) также не вполне проясняет дело. Приведенные здесь материалы из других славянских языков (старосл. либивъ, либѣвъ, древнечеш. libivý, liběvý ‘худой’, кашуб. lebý ‘худой’. Фасмер; сюда также либѣвити ‘изнурять’: тѣло своѥ либѣвить. Sl. jazyka starosl.) [1] указывают на общеславянский источник, причем в форме lib-. Данные современных славянских словарей согласно подтверждают это: ср. чеш. libový (maso) ‘нежирный, постный’ (Česko-ruský sl.).[2] libivý, libový (maso) ‘без жира, нежирный’ (Rank).[3]

Интересные диалектные факты содержатся в Словаре русских народных говоров (вып. XVII).[4] Здесь имеется целый ряд слов и прежде всего прил. ли́бивый, либи́вый и либиво́й в знач. ‘тощий, слабый’, отмеченное в олонецких говорах: Петрозав., Лодейноп. Олон., 1898, Медвежьегорск. КАССР, а также лебиво́й. Тихв. Новг., 1906. Из КАССР (1970-е гг.) имеются еще материалы, свидетельствующие об употреблении слова либивый в этом же или близком ему значении: либиво́й ‘тощий, о скотине’ (така либива́, худуща. Медвежьегорск), ли́бевый ‘костлявый, о скотине’ (ли́бева корова, одни кости. Кондопог.), либиво́й ‘чахлый’ (Медвежьегорск.), ли́бивой ‘чахлый’ (Кондопог.). Это прилагательное зарегистрировано также с У на месте И(е): любиво́й ‘худой, тощий’. Печор. Арх., 1927. В карельских же говорах (1970-е гг.) отмечено производное значение: либево́й ‘плохой, неплодородный, о земле’ (На либево́й земле не посеешь). Таким образом, приведенные диалектные данные говорят о сохранении на Севере прилагательного со значениями, прямо соотносительными с древнерусским значением. В архангельских говорах зарегистрировано прилагательное люби́вый с антонимичным значением: люби́вый ‘удобренный, плодородный, о земле’. Мезен., Пинеж. Арх., 1885.

[1] Slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. I. Kurz. 1—17. Praha, 1958—1968.

[2] Česko-ruský slovník. Praha, 1958.

[3] *Rank I.* Česko-ruský slovník. Praha, 1902.

[4] Далее: СРНГ.

Кроме уже названных, в северо-западных говорах имеется прилагательное либова́тый в значении ‘слабый, хилый’ (Вышневол. Новг., 1855) и в значении ‘невзрачный, непривлекательный’ (Пск., Осташк. Твер., 1855), а также в значении ‘разборчивый’, ‘любящий лакомства’ (Великолукск. Пск., 1928). Последнее можно понимать как производное от первого значения.

Помимо этого в диалектах (но на других территориях) имеются слова, семантически достаточно близкие рассмотренным, но все же несколько отличающиеся от них. Что касается их внешнего облика, то все они зарегистрированы с У после Л. Среди них прилагательное люба́вый (в говорах юго-западных), значение которого истолковано как ‘нежирный, отделенный от жира, о мясе’ (Росл. Смол., 1852). Это прилагательное соотносительно с чеш. libový (мясо) ‘нежирный, постный’. Несколько позже в юго-западных говорах было зарегистрировано еще прилагательное лю́бовый ‘нежирный, о мясе’ (Брасов. Брян., 1961) и любо́вый (Брян. Орл., 1904; Мосал. Калуж., Руднян. Смол.). В параллель этим прилагательным в калужских говорах имеем существительное любо́ве ‘мясо без жира и сухожилий’ (Мосал. Калуж., 1905—1921) — с У на месте И, а в нижегородских говорах: лю́бово с тем же значением (Нижегор. Нижегор., 1852; Княгин, Нижегор.), лю́бовце ‘уменьш.-ласк. к любово’ (Нижегор. Нижегор., 1852; Княгин. Нижегор.). Отмечены и другие слова с тем же значением, но имеющие более широкое распространение: любови́на (Яросл., 1849; Волог., Костром., Влад., Моск., Ряз., Пск., Смол.), любо́ви́нка (Скоп. Ряз., 1892; Моск., Кашин. Твер., Костром., Пск., Смол.), ‘мягкое вареное мясо’ (Тотем. Волог., 1892), любови́ночка ‘уменьш.-ласк. к любови́на’ (Моск. Моск., 1910), любовчи́на ‘мясо без жира и сухожилий’ (Ворон., 1905—1921; Калуж.), любовчи́нка. Ласк. (Калуж., 1905—1921; Курск.). Слово любовчи́на употребляется в южнорусских говорах и в другом, очень близком только что рассмотренному значению ‘слой мяса на свином сале’; ‘мясная прослойка в свином сале’. Вначале существительное с таким значением было зарегистрировано в Обоян. у. Курск. губ. в 1858 г., причем в двух формах: либавчи́на и любавчи́на и ласк. либавчи́нка, любавчи́нка. Однако в более поздних записях форма с И отсутствует: любовчи́на (Нижнедев. Ворон.; 1893; Курск., Орл.), любовчи́нка. Ласк. (Курск., 1914; Калуж.), любовщи́на (Курск.; Даль).

Русские диалектные материалы корреспондируют с белорусскими фактами, отраженными в белорусских диалектных словарях: любо́вы(й) ‘постный, без сала’. Миёрский р-н, с. 115; любі́вы ‘постный, о мясе’. Столбцовск., с. 151; любо́вая мяса. Полоцк., с. 200—201 (Народн. слова, 1976[5]); любівы ‘постный, без сала, о мясе’. Новогрудск., с. 59 (3 народн. сл., 1975[6]); любо́віны ‘без сала, о мясе’. Л’убац’ дзец’и л’убов’ино м’аса. Гродн. (Сцяшко-

[5] Народнае слова. Пад рэд. А. Я. Баханькова. Мінск, 1976.

[6] З народнага слоўніка / Рэд. А. А. Крывіцкі, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1975.

вич, 1972[7]); любавізна ‘мясная прослойка в сале’. Миёрск., с. 115; Полоцк., с. 200—201 (Народн. слова, 1976) и любя́к ‘постное мясо’. Любяка́ ўреш. Новогрудск., с. 11 (Народн. слова, 1976).

Таким образом, в говорах русского и белорусского языков помимо прилагательных либовый, любовый ‘худой, тощий’ находим довольно большой набор прилагательных и существительных с корнем либ-, люб-, семантически очень близких, так как все они служат для обозначения нежирного мяса. Скорее всего, это значение также старое, идущее от общеславянского языка (на это указывают факты чешского языка: кроме приведенных выше еще: чеш. libovina, libovinka ‘хорошее мясо без жира и сухожилий’. Rank.

Отношение вариантов корней либ-, люб- не совсем ясно. Отсутствие в других славянских языках (имеются в виду не восточнославянские языки) варианта с У после Л указывает на то, что вариант с У является более поздним, возникшим, очевидно, на восточнославянской почве. Большинство русских и белорусских диалектных слов записано в форме с У, и только самые старые записи содержат варианты с И (либавчи́на, либавчи́нка. Обоян. Курск., 1858, и ли́би́вый и либиво́й. Олон., 1898, либова́тый. Вышневол. Новг., Пск., Осташк. Твер.). Между прочим, исторические материалы также говорят об этом: в примере из Ипатьевской летописи в сп. XVI в. И исправлено на Ю. Фасмер в Этимологическом словаре русского языка в статье Любавый пишет о «вторичном Ю» в слове любавый, высказывая предположение о влиянии слов с корнем люб- ‘любить’. Такое предположение не лишено оснований и вполне убедительно подтверждается русскими и белорусскими данными: наличие в русском литературном языке и в диалектах большого числа слов с корнем люб-, обозначающих ‘такой, который нравится, приятный’: лит. люб, лю́бо, диал. лю́бный ‘выбранный по вкусу, по желанию’ (Пск., Твер., Даль), любова́тый ‘приятный’ (Волог., 1898), любова́ть ‘облюбовывать, выбирать то, что нравится’ (Пск., Твер., Зап., Южн., Влад., Новг., Онеж.) и мн. др.

В говорах русского языка можно найти ряд лексем, в семантике которых вполне очевидны контаминация, смешение двух слов, как например люба́вый ‘любимый, вкусный, особенно о мясе’ (Смол.), любовщи́на ‘любое, что полюбилось, на выбор’; ‘свиное мясо, остающееся на сале, по срезке его’ (Курск.), любови́нное, любови́на, любовчи́на ‘чистое, хорошее мясо, без жиру или костей, сухожилий’ (Даль). Интересно, что И. И. Носович, автор Словаря белорусского наречия, не сомневался в том, что значения слова любо́вый ‘выбранный по желанию’, ‘любезный, милый’ и любо́вый ‘нежирный, о говядине’ вполне объединяются в одном слове, и поместил их в одной словарной статье.

---

[7] *Сцяшковіч Т. Ф.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.

Г. И. ДЕМИДОВА, З. М. ПЕТРОВА

«Отказные книги» XVII в. как историко-диалектологический источник

«Отказные книги», изданные под редакцией С. И. Коткова,[1] представляют собой памятники южнорусского местного делопроизводства первой половины XVII в. Они содержат материалы из Белгородской, Брянской, Воронежской, Елецкой, Карачевской, Курской, Мценской, Новосильской, Орловской, Рыльской волостей. Все они датированы и локализованы, во многих случаях имеются указания на то, что писали их местные грамотные люди, в основном писцы-непрофессионалы (дьяки, подьячие, попы, низшее духовенство), а также представители военно-служилого населения (станичные атаманы), грамотеи из торгово-ремесленного посада и др.

С выходом в свет «отказных книг» открывается историческая перспектива в деле изучения южнорусских говоров XVII в. Материалы «отказов» могут содействовать не только изучению отдельных диалектных явлений в их историческом развитии, но и решению таких актуальных проблем нашего языкознания, как образование русского национального языка, степень участия южнорусской разговорной речи в становлении литературного языка. Введение в научный оборот новой категории источников, особенно памятников, содержащих элементы народно-разговорной речи, — «отказов», «отделов» и «отводов», как они именуются в рассматриваемых книгах, — имеет особое значение потому, что до последнего времени лингвисты по ряду причин не придавали существенного значения говорам территории южнее Москвы в процессе формирования русского национального языка. Они ссылались на то, что земли южнее Москвы в результате татаро-монгольского нашествия были опустошены и заселялись преимущественно в более позднее время.[2] Исследования же последних лет опровергают

---

[1] Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Под ред. С. И. Коткова. М., 1977.

[2] Эта концепция, в частности, представлена Н. П. Гринковой (*Гринкова Н. П.* Воронежские диалекты. Л., 1947), Я. А. Спринчаком (*Спринчак Я. А.* Синтаксические конструкции Судебника Ивана Грозного // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1939. Т. 20). Я. А. Спринчак отмечает:

© Г. И. Демидова, З. М. Петрова, 1991

эту точку зрения. Ее ошибочность убедительно показана в работах С. И. Коткова.[3]

Необходимость исследования южнорусских памятников С. И. Котков справедливо обосновывает тем, что без этого «невозможно воссоздать. . . общую картину формирования русского национального языка и процесс образования московского говора, который явился, как известно, основой литературного языка».[4]

Тексты «отказов» содержат важные сведения о контактах и взаимодействии братских восточнославянских языков в процессе их формирования в XVII в., так как их исторические связи осуществлялись при посредстве южнорусских говоров.

«Отказы» принадлежат по жанру к деловым документам. В них ярко отражена живая русская речь первой половины XVII в. Отсюда ясно, какое исключительно важное значение они имеют для решения вопроса о путях и источниках формирования русского литературного языка.

«Отказные книги» построены по единому формуляру. Каждый «отказ» — это исторически сложившийся законченный акт делового письма. Эти документы содержат стандартные формулы и штампы, свойственные данному жанру. И несмотря на это, лексический состав опубликованных памятников богат и разнообразен.

Центральной задачей в выяснении процесса формирования национального языка, по словам С. И. Коткова, «является выделение той лексической общности, которая, имея в своей основе лексическую систему великорусской народности, по мере развития национальных связей обогащалась, развертывалась, совершенствовалась и в условиях все более обобщающего влияния письменной культуры приобретала характер национальный».[5] Изучение словарного состава «отказов» способствует накоплению наших сведений по исторической лексикологии, что несомненно поможет воссоздать общую картину формирования лексического состава русского языка.

«Отказные книги» представляют большой интерес для антропонимических изысканий. Поскольку речь в них идет об оформлении «отказов» и «отделов» поземельных участков разным владетелям, то фамилии, имена и прозвища, подтверждающие право отдельного лица, семьи, целого рода, занимают большое место.

«Приказно-деловой язык Московского государства создавался на севернорусской лингвистической основе, т. е. характеризуется севернорусскими чертами» (Там же. С. 113).

[3] *Котков С. И.* Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962; *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963. С. 6—16; *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.

[4] Памятники южновеликорусского наречия. Введение. С. 3.

[5] *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение. С. 128.

Помимо владетелей, в документах фигурируют имена подьячих, дьячков, попов, казаков и других грамотных людей, которые составляли «отказы» и «отделы» или выступали в качестве свидетелей. Отсюда огромный материал для антропонимических «раскопок». Как известно, основная масса неканонических имен собственных давалась по физическим и моральным свойствам людей, по различным обстоятельствам их жизни.[6] Это имена с ясной семантикой и очевидной социальной природой. Так, порядок и время рождения ребенка нашли отражение в именах типа Первои Кузьмин (5, л. 850 об.), Вторышко Степанов (5, л. 639), Другак Саборов (5, л. 635 об.), Третяк Корсаков (5, л. 103), Шестак Челюскин, Позняк Отроков (5, л. 48 об.), Меншин Мордвинов (5, л. 638 об.).

О личном, интимном отношении к ребенку родителей свидетельствуют такие «говорящие» имена, как Ждан Кондырев (5, л. 528, 528 об.), Любим Вепрѣискии (2, л. 447 об.). Внешние и внутренние свойства человека просматриваются в таких старых именах, как Смирка Обрасимов (5, л. 104 об.), Неупокой Какошкин (5, л. 199), Гневушка Подымов (5, л. 528), вдова Некраса (5, л. 48 об.).

Прослеживаются имена, происходящие от существительных нарицательных, эмоционально окрашенных: Воин Тонкои (5, л. 33), Волокита Дмитриев (5, л. 49 об.), Тиняй Плешкин (5, л. 638 об.), Сила Пересветов (10, л. 10) и др.

Интересны и прозвищные имена, употребляемые в документах как официальные, наряду с крестными именами: Ивашка Васильев снъ Хахол (2, л. 517), Федор Семенов снъ прозвища Сечка (5, л. 843), Василеи прозвища Жуль (5, л. 843 об.), Игнатка прозвища Губар (2, л. 401) — на принадлежность последнего прозвища южновеликорусскому наречию указывает и Сл. РЯ XI—XVII вв. (стр. 151) — Панкрашка Петров снъ прозвища Быкъ (5, л. 849 об.), Левка Тимофѣев снъ Боровитинъ прозвища Расторгуи (10, л. 25 об.) и мн. др.

Большой интерес представляет также группа слов-названий людей по месту их жительства: елчаны 'жители Ельца' (4, л. 233), орлене (9, л. 340), мецняне 'жители Мценска' (7, л. 270 об.), воронежец (3, л. 22), курченин (6, л. 3), новосилец (7, л. 161), карачевцы (5, л. 528), болховичи (5, л. 899 об.), почепец (5, л. 48). «Отказные книги» дают богатый материал для исследования системных отношений внутри ряда тематических и лексико-семантических групп слов, характеризующих русскую живую речь того времени. Так, здесь широко представлены названия угодий, земельных, приусадебных участков и т. п. (гумно, гуменник, заполье, огороды, выпуски животинные, пашня, отхожая земля, роспашная земля, перехожая земля, кулига, луг, дикое поле, сенные покосы, пустошь, перелог, присады и урочища, сеножать и сеножатные угодья и т. п.). Например: а дворы и огороды и гумно

---

[6] См.: *Селищев А. М.* Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ // Учен. зап. МГУ, тр. каф. рус. яз. М., 1948. Кн. 1. Вып. 128.

отказал з городьбою (7, л. 230 об.); а под агороды и под гуменники и на выпуск животине места да на пашню диког жа поля (3, л. 22 об.); лодыгина околица и выпуски животинныя (10, л. 25); переписал в тех урочищах под дворы и огороды и на подгуменники места и пашню и сена и лес (4, л. 33); а сенныя покосы и леса пашенныя и непашенныя измерил в десятины (4, л. 172 об.).

Тексты «отказных книг» содержат обширные лексические материалы, характеризующие названия рельефа, водоемов, болот (верх, враг 'овраг', вражек, боярак, еруг, лог, ложок, холм, гора, горка, полугора, угорок, курган, подол, ржавец, болото, озеро, озерко, устье, затон, запрудина, пролука, брод и т. п.). Например: лог у Свидну да вверх долгим болотом по падоловскую дорогу по еружку по Вѣлеи по речку по Локну да по вал (10, л. 482); липяшка по лѣвую сторану вверхъ по бояраку (3, л. 119 об.); за Сенным логом Крутои ложок а сверх Крутог ложка поле (10, л. 24); от устья озера Вѣти вверх по озеру через рога по лески Мертвитцкие да ровец вешнеи ж розлои верхъ озерка Кнежова (10, л. 365 об.); по озерам и по затономъ и по колодезем и по упалым речкам (10, л. 368 об.); рыбные ловли озера забережныя и заморныя и затоны с вешними розлои и ровцы с протоки (10, л. 370).

Несомненный интерес представляет лексическая группа названий леса, деревьев (ср. виды леса: черный лес, дровяной, хоромный, селитобный; колок, бор, гай, роща, березник, дубрава, липежок; названия деревьев: дуб, береза, осина, клен, покленок, ясень, липа, волха, сосна, илем и т. п.). Например: на старою межу на березоваи колок а в нем роща осиновая (10, л. 371 об.); гран от ясеня, на клену гран от тог клену (7, л. 325 об.); на берегу стоит волха (7, л. 7); у Стоячьног верха стоит илем на немъ гран (7, л. 328 об.); береза луковата возлѣ березы дубок вѣтка дубовая приросла к березе от березы дубок (10, л. 371 об.).

«Отказные книги» дают новые материалы для изучения таких древних промыслов человека, как охота, рыболовство, пчеловодство. Например: а рыбные ловли в рѣкѣ в Дону против Фомина поля (3, л. 119 об.); новые борти делати и пчела садити и рыба ловити и звер бити и бобры гонити (10, л. 898 об.); озерко Мутинец с неводною тонѣю (10, л. 481); озер и рыбных ловел и бобровых гонов и бортны ухожевъ и вспудов и перевесеи и иных каких всяких угодеи (4, л. 71 об.); козиные ходы и стоилы (6, л. 638); тетеревиныя попужы (6, л. 638); ловля вентеревая (10, л. 26 об.) и др.

Интересна тематическая группа названий русских крестьянских построек. Например: изба на щепѣ (7, л. 174); да клѣт с приклѣтом да хлѣв (7, л. 174); клѣт липовая с овчюхом (7, л. 173 об.); в селѣ Плесестѣеве на дворѣ на боярском изба болшая да клѣть да пуня (8, л. 108 об.).

Из лексико-грамматических классов слов особо отметим богато представленные группы локальных наречий и предлогов (близко, вверх, вверху, вдоль, взголовь, влево, вправо, задь, кверху, сумеж и др.). Например: сумеж с Петровским лугом (2, л. 982 об.);

обапол ево Кирилова усадища (7, л. 284 об.); а межа Сомъсонову да Василеву помѣстью Борзенковых от Лахтивонова да от Бессонова помѣстья Денисовых позад дрвни Борзенковаи (7, л. 324 об.); с таво дуба и ямы прямо через Малыя Глинки через верх стоит дуб плотав на нем гран (8, л. 284) и т. п.

«Отказные книги» являются неисчерпаемым источником для изучения словообразовательной системы живой разговорной речи. Укажем лишь отдельные примеры, свидетельствующие об этом: названия лиц с суффиксом *-щик*: откащик, затинщик, росылщик и др.); названия местности на *-ище* (усадище, селище, городище, поимище, пожнище и др.); уменьшительно-ласкательные существительные (лесок, борок, гаек, полечко, озерцо, озерко, усадищечко, плесцо и др.) и т. п.

Говоря об «отказных книгах» в плане лингвистического источниковедения, следует иметь в виду, что лингвистическая содержательность не ограничивается освещением только лексической стороны «отказов», ибо под лингвистической содержательностью понимается вся совокупность заключенных в них лингвистических данных, предопределяемых и содержанием памятника, и отнесенностью его к определенной области русского языка, его диалектов.[7] «Отказные книги» дают материал для выявления элементов локальной разговорной речи и в области фонетики и грамматики. О важнейших особенностях местного вокализма и консонантизма «отказных книг» писал С. И. Котков.[8] Мы остановимся на некоторых моментах грамматической содержательности «отказов», свидетельствующих о вторжении в регламентированный приказный язык деловой письменности отдельных локальных черт. Строгая архитектоника «отказов», многократная повторяемость в них определенного круга наименований, соотносимых с предметам материального мира, содержат богатый материал для изучения именного склонения. Так, в «отказных книгах» прослеживается такая яркая черта южнорусского наречия, как частичная утрата категории среднего рода существительных. Это выразилось в одинаковом обозначении на письме безударных окончаний им.-вин. п. ед. ч. имен среднего и женского рода. Например, в брянских «отказах» находим: селища Пятовская (2, л. 16), дворища Приказщикова (2, л. 32 об.), места пустоя (2, л. 553 об.), всякоя вгодья (2, л. 107) и др. Совпадают по форме с женским родом прилагательные, местоимения, глаголы прошедшего времени ср. рода: была селища Василовичи (2, л. 664), была селища дрвня Павлова (2, л. 663 об.).

По страницам «отказных книг» рассеяно немало свидетельств о различного рода изменениях в грамматическом оформлении категории рода имен собственных. Так, отмечаются имена с суффиксом субъективной оценки на *-ко*, т. е. наделенные приметой

---

[7] См.: *Котков С. И.* О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 8.

[8] *Котков С. И.* Отказные книги // ВЯ. 1969. № 1. С. 134—135.

среднего рода: Мокарко, Климко, Гаврилко, Фролко, Ивашко и под., подавляющая же их часть употребляется с окончанием *-а*: Гришка, Ивашка, Митка и под. Эти факты объясняются особенностями заударного вокализма южнорусского наречия в его прошлом состоянии: в конечном открытом слоге вследствие редукции на месте *о* чаще, вероятно, звучало *а*, черта, сохраняющая свою жизненность и в современных южнорусских говорах.

Словоизменительные характеристики имен собственных на *-ко* и *-ка* соответственно представлены двумя парадигмами — по старой **о*-основе: у Харитонка снъ Пронка (2, л. 1144), у Ивашка (2, л. 1144 об.), с Миткям, с Ларкям (2, л. 106 об.) и др. и по **а*-основе: у Ермошки (2, л. 1144 об.), с Савкою да с Володкею, с Ларкею (2, л. 555) и др.

Можно отметить колебания в роде в отдельных лексемах: *перелог* и *перелога* 'пашня, оставленная под паром', между тем как «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского отмечают это слово только в форме мужского рода (т. III, с. 909). Наблюдается расхождение в роде отдельных слов по сравнению с общеизвестным в то время и в современном русском языке. Так, слово *дебрь* в брянских «отказах» зафиксировано только в мужском роде: вверх к Городецкому дебрю а от дебря к Сосновому болоту (2, л. 1104 об.).[9]

Морфология «отказных книг» отражает как общерусские явления языка XVII в., так и некоторые местные особенности, прослеживаемые в южнорусских говорах и по сей день. К числу первых можно отнести типичное для XVII в. обильное употребление род. и предл. п. ед. ч. на *-у*: суходолом по олехъ с ольху в кривои дуб (2, л. 580 об.), пуд меду на год да с меду пошлина по гсдрву указу (2, л. 575 об.), из середнево клину (2, л. 102), ат березнику. . . у Сухой мох (2, л. 580); на дубу (2, л. 556 об.), на клену (2, л. 558 об.), во Брянску (2, л. 863, 983) и др.

Показательно колебание в образовании им. п. мн. ч. у существительных среднего рода на *-а* (*-я*) и *-ы* (*-и*), свидетельствующее о размывании родового признака, о ярко обозначенной в южновеликорусском наречии уже в XVII в. тенденции к однозначному выражению падежных форм во мн. ч. Например, с одной стороны, имеем: места пустые (2, л. 674 об.), гумнища (2, л. 1145 об.), хмелевые болота і ласиные стоіла (5, л. 328), с другой стороны, образования иного рода: месты пусты (2, л. 304 об.), урочищи в пустоши Колининой (5, л. 912 об.), чатыря дворищи (2, л. 47 об.), лыки и лубя драт (2, л. 16 об.) и под. По мнению С. П. Обнорского, формы на *-ы* (*-и*) — типичная южновеликорусская черта.[10]

В этом же плане рассмотрим материалы «отказных книг», свидетельствующие о взаимовлиянии твердого и мягкого вариантов

---

[9] «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, Словарь живого великорусского языка В. И. Даля, Словарь русского языка XI—XVII вв. фиксируют слово *дебрь* только в форме женского рода.

[10] *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931. Вып. 2. С. 122.

склонения **а-* и **о-* основ. Так, в документах встречаем формы род. пад. ед. ч. твердой разновидности на *-ѣ (е)* — по мягкому варианту: у рѣке Гоби (2, л. 102 об.), по правои сторонѣ рекѣ (5, л. 251 об.), в безударном варианте: у сосенке поставлен столбъ (2, л. 261). В дат. п. ед. ч. употребляются формы на *-ы* — по аналогии с мягким вариантом склонения: от ямы к улицы (2, л. 102). Аналогичные формы широко бытуют в современных южнорусских говорах, так что факты подобного рода можно считать давней и непрерывающейся локальной традицией.

К числу специфических южнорусских форм можно отнести образования мн. ч. на *-я* у существительных с суффиксом *-анин/-янин* типа дворяня (5, л. 899 об.), крестьяня (5, л. 88 об.), курченя (6, л. 32 об.), рыленя (10, л. 13), брянчаня (10, л. 26) и др. Встречаются старые образования род. п. мн. ч. существительных среднего рода с нулевой флексией, которые позже нормативными уже не считались, а осознавались как диалектизмы: сена межь поль пят копен (2, л. 575), сто пят дерев (5, л. 327 об.). В то же время отмечены вариантные формы на *-ов* типа *пустых дворищав* (2, л. 135 об., 136), которые позднее, как известно, активизировались именно в южнорусском наречии и стали в нем общеупотребительными.

В родительном падеже единственного числа прилагательных и неличных местоимений в «отказах» наличествуют следы отражения живой разговорной речи — формы на *-ово*: тово жа числа (2, л. 23 об.), всево отделил на ево Ивановъ жеребеи (2, л. 47), прежнево. . . поместья (2, л. 53 об.), другова отвершку (6, л. 41) и т. п.

Интересный материал содержат «отказные книги» для изучения грамматических особенностей числительных. Они довольно многочисленны, поскольку в каждом «отказе» речь идет об обследовании отводимых угодий, их величине, границах. Конкретные факты показывают, что процесс выделения числительных в особую часть речи в XVII в. еще не завершился. Так, у числительных второго десятка в косвенных падежах изменению подвержены обе части словосочетания: ко сту к двятинотцати четвертям (2, л. 577 об.), ко сту к петинатцети четям (5, л. 636) и под. Словосочетание в целом еще не лексикализовалось, не приняло современного оформления. У числительных 50—80 при склонении изменяется только первая часть, т. е. «отказы» фиксируют древнюю словоизменительную парадигму: к осмидесат к осми четвертам (2, л. 102), по пятидесят чети члвку (5, л. 664) и др.

В области глагольных форм обращает на себя внимание сохранение архаических образований инфинитива на *-ти* безударное, обнаруживаемых в трафаретных формулах, характерных для языка московских приказов: угодемъ владети. . . Федору Василеву сну Толбузину (5, л. 201 об.), во всомъ слушети да еѣ живота (2, л. 17), тем поместьям владети Ивану (2, л. 401 об.).

Наряду с этим встречаются формы разговорной речи типа *итит* (ь), ср.: она скозала итит жит к племяннику своему к Павлу

Тютчеву (2, л. 15 об.), представляющие собой усложнение инфинитивной формы на *-ти* посредством аффикса *-ть*, формы, свойственной южновеликорусскому наречию начала XVII в. и продолжающей находиться в речевом обращении сегодня.

Следует особо отметить большую значимость тех конкретных подстрочных примечаний, которыми издатели «отказных книг» снабдили все тексты. Эти примечания содействуют более точной интерпретации лингвистических данных. Например, в карачевском «отказе» для слова *отвершку* в выражении *верхъ Быковского отвершку* издатели помечают, что *у* исправлено из *а* (с. 127). Это частное указание может быть косвенным доказательством широты употребления форм род. пад. с флексией *-у*.

В заключение отметим, что даже краткая совокупность приведенных фактов убеждает в том, что материалы «отказных книг» — это вполне надежный источник для изучения южнорусской речи в ее прошлом состоянии. Лингвистические факты «отказных» актов существенно дополняют наше представление о той роли, которую сыграло южнорусское наречие в общем процессе становления русского национального языка.

Н. И. АНДРЕЕВА-ВАСИНА

Об одном из источников СРНГ

Обозрение источников, которые легли в основу таких монументальных изданий, как Словарь русских народных говоров (СРНГ), представляет несомненный интерес, поскольку даже краткие сведения и характеристика их помогают в какой-то мере воссоздать историю формирования фундамента, на котором этот словарь построен.

Ко времени начала работы над созданием картотеки СРНГ (1958 г.) по инициативе и под руководством Ф. П. Филина был разработан обширный круг источников (свыше 1200), в которых имелись диалектные слова. Среди этих источников числились также материалы Русского Географического Общества (РГО). Эти многочисленные материалы, которые широко используются при составлении СРНГ, относятся к довольно длинному (начиная с 40-гг. прошлого столетия) отрезку времени и весьма разнообразны по своему составу. Это рукописи, коллективные и индивидуальные сообщения, очень различные по информации о территориальном распространении того или иного слова (от уезда до края), целые словарики и отдельные слова. Но все они так или иначе связаны с деятельностью РГО.

Как известно, РГО возникло осенью 1845 г. как результат настойчивых пожеланий многих известных в ту пору мореплавателей, путешественников, ученых-естествоиспытателей, таких как адмирал Ф. П. Литке, мореплаватель И. Ф. Крузенштерн, профессор К. И. Арсеньев и др., среди них был также В. И. Даль. В создаваемом обществе они видели организацию, которая объединила бы исследователей разных областей знаний, стала бы средоточием накопленных материалов, сведений, документов, относящихся к России, содействовала бы дальнейшему собиранию возможно полных сведений «об отечестве». Цель и задачи Общества были изложены в записке-проекте, поданной на утверждение в правительство. Записка, видимо, составлялась при самом деятельном участии В. И. Даля, на квартире которого не раз собирались будущие учредители Общества. Проект был утвержден. Согласно разработанному уставу Общество включало в себя 4 Отделения: 1) Общей географии. 2) Географии России. 3) Стати-

© Н. И. Андреева-Васина, 1991

стики России (т. е. экономической и политической географии). 4) Этнографии России. «Предметы занятий сего отделения, — говорилось во Временном уставе, — суть: сведения о прежнем и нынешнем состоянии племен, вошедших в состав государства, в отношениях: физическом, нравственном, общественном и языковедения».[1] «Отделения, — как пишет П. П. Семенов-Тян-Шанский, — при свободном приливе к ним всех интересующихся успехами наук в России, сделались теми лабораториями, в которых происходил обмен мыслей, возбуждался почин полезных общественных предприятий на пользу науки, обсуждались способы достижения предположенных целей, оценивались уже совершенные труды, с целью присуждения за них наград Общества, разрабатывались и обнародовались результаты исследований».[2] Постепенно вокруг небольшого кружка учредителей Общества группируются значительные культурные силы. Случилось так, что руководящие посты в РГО заняли члены так называемой немецкой группы. Это обстоятельство вызывало недовольство у остальных членов РГО. Многие из них, являясь наиболее передовыми представителями своего времени — периода мощного подъема и расцвета русской культуры, обладавшие сильно развитым национальным чувством, сразу же повели борьбу с этой группой. Особенное неприятие вызывал известный своими арктическими и кругосветными плаваниями воспитатель одного из наследников царской семьи, адмирал Ф. П. Литке. Он скептически относился к стремлениям молодых членов Общества (среди которых следует назвать Н. И. Надеждина, проф. Неволина, Милютина, Срезневского и др.) изучать быт и экономическое положение русского народа, что, естественно, привело бы к мысли о необходимости отмены крепостного права. «Эти молодые люди, — писал в „Мемуарах“ П. П. Семенов-Тян-Шанский, — жаждали не только сближения с русским народом и изучения его быта и национальных особенностей, но и освобождения его от крепостной зависимости».[3] Победа над немецкой группой привела к отставке многих руководителей Общества. Пост Председательствующего в Отделении Этнографии в 1848 г. занял Н. И. Надеждин. Талантливый ученый, профессор теории искусств и археологии, этнограф, редактор журнала «Телескоп», запрещенного в свое время за напечатание в нем «Философических писем» Чаадаева (за что редактор был сослан в Усть-Сысольск), Н. И. Надеждин долгое время возглавлял это Отделение и определял его работу. Бессменным его помощником, а потом преемником был И. И. Срезневский. В своей программной речи на годовом собрании Общества (29 ноября 1846 г.) Надеждин подчеркнул, что к ведению этнографии в первую очередь относится познание языка. Изучение этногра-

---

[1] Записки РГО. СПб., 1846. Кн. 1.

[2] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* История полувековой деятельности имп. Русского Географического Общества. СПб., 1896. Ч. 1. С. 9.

[3] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары. 3. Пг., 1915. С. 13, 17.

фии должно осуществляться через изучение взаимодействия языка и культуры; реконструкции духовной культуры лингво-этнографическими средствами. Надеждин выделяет этнографическую лингвистику, или лингвистическую географию. Взгляды Н. И. Надеждина поддерживались большинством членов Отделения этнографии (в том числе И. И. Срезневским), они, в известной мере, определяли последующую деятельность Отделения. Весною 1847 г. Н. И. Надеждин, братья Милютины и другие члены Отделения этнографии подали в Совет РГО Записку, в которой обосновывалась необходимость создания Комиссии по разработке географических терминов. В июне эта комиссия была организована. На первом же ее заседании было решено заняться собиранием возможно большего числа слов и выражений, «существующих в разных местах и наречиях для означения частностей, видов и оттенков понятий географических».[4] Членами Комиссии был разработан текст объявления с приглашением принять участие в делах Общества, прислав такого рода сведения. При этом разъяснялось, что нужны не только слова, но и их значения. Если слово не русское, желательно узнать, нет ли ему адекватного в русском языке: указывалось, что желательно отмечать оттенки слов, и «как далеко простирается его употребление за пределы губерний».[5] Объявление-приглашение было напечатано в С.-Петербургских Ведомостях (№ 126, 1847 г.). Кроме того, Общество разослало сообщения, циркуляры отдельным лицам, которые также заканчивались просьбой сообщать имеющиеся у кого-либо сведения. Обязались доставить свои материалы и сами члены Отделения. Надеждин — записи, сделанные им во время поездок по губерниям, Григорьев брался выбрать нужную лексику из Архангельских губернских ведомостей, Савельев брал на себя труд собрать местные термины из разных повременных изданий, а также передать в Общество рукописный сборник беломорских слов, собранных его братом во время путешествия на Новую Землю.

Вскоре в РГО стали поступать материалы. Уже в июне 1847 г. — от петербургского мещанина М. Иванова, в сентябре — из Екатеринославской губернии от надворного советника К. Буницына и т. д. Но многие из присланных записей слов в научном отношении оказались мало полезными. Так, М. Иванов, житель С.-Петербурга, прислал длинную рукопись со сплошь общеупотребительными словами. Нужна была детально разработанная программа, которая отвечала бы научным запросам Отделения. К 1848 г. такая программа была разработана Н. И. Надеждиным при участии других членов Отделения, в том числе и И. И. Срезневского, и разослана в количестве 7000 экз. В Общество стали стекаться более интересные местные материалы. Но, как показало время, и эта программа оказалась недостаточно четкой и ясной. Вновь была предпринята попытка ее переработки. В улуч-

[4] Извлечения из архива ГО СССР. 1847, ф. I. 0—1, № 5.
[5] Там же.

шенном виде программа содержала весьма подробный раздел о языке. В нем говорилось: «относительно языка следует обращать внимание на все местные уклонения его от общего языка, который находится в повседневном употреблении образованных классов общества, которым пишутся книги. . .».[6] Указывалось, что следует замечать: 1. Особенности местного произношения (цаловать вм. целовать, ндрав вм. нрав и под.). 2. Особенности в словообразовании («особливо в окончаниях слов при склонении и спряжении»; лицов вм. лиц и др.). 3. Особенные обороты речи. 4. Употребление общеизвестных слов в особом смысле (дивно вм. мило, и др.). 5. Слова местные, мало или вовсе неизвестные.[7] Программа содержала 6 разделов, каждый из них включал и языковые вопросы (напр., в разделе «Особенности общественного быта» имелся вопрос: как называются общественные власти и чины? и др.). Вновь переработанная программа была проще по своему изложению, а следовательно и общедоступнее. Ориентируя собирателей на полноту контекста, обращая их внимание на доказательность приводимых материалов, она тем самым способствовала тому, чтобы поступавшие ответы были более соответствующими научным запросам Общества. Отправка программы нескольким адресатам из одной местности давала возможность сверки и оптимального учета данных о слове. Опубликование и рассылка по различным каналам (через министерства, ведомства, губернаторам провинций и т. д.) вызвали большую деятельность на местах. В письме от 13 ноября 1849 г. штатный смотритель училищ Дмитрюков сообщал в РГО, что директор училищ Курской губ. назначил его корреспондентом Общества. Он собирает материалы, часть из них высылает, будет продолжать собирать и далее «сколько позволит досуг». Землемер Лосиевский писал (15 ноября 1849 г.), что уже выслал часть собранного материала, в ближайшее время пошлет еще. Главный директор Межевого корпуса Министерства юстиции сообщил, что в ответ на программу РГО высылает печатные замечания от землемеров. Капитан Невоструев (профессор Симбирской духовной семинарии) в письме отметил, что действует по указанию Симбирского Епархиального начальства и высылает имеющиеся у него сведения. Помещик Давыдов сообщил, что, получив программу от тамбовского губернатора, он за 3 месяца составил простонародный словарь, который и посылает. Из Петрозаводска поступили материалы старшего учителя Мудрова, из Тобольской губернии — штатных смотрителей училищ Лукина и Худякова и т. д. Постепенно складывается определенный круг корреспондентов. Так, с 1847 г. постоянно шлет свои материалы по Архангельской губ., где живет уже многие годы, контр-адмирал Кузмищев. Многие записи народной речи, песни и т. д. жителей Шадринского уезда Пермской губ. высылает в РГО государственный крестьянин А. Зырянов. В одном из сопроводитель-

[6] Извлечения из архива ГО СССР. 1846, ф. I. № 1, ед. хр. 4.
[7] Там же.

ных писем он просит Общество помочь ему получить разрешение на вход в архивы. С такой же просьбой обратился в РГО учитель гимназии А. Гапонов, высылавший записи речи по Уфимскому уезду. РГО положительно откликнулось на эти просьбы. Такого рода письма не раз приходили в Отделение, и ни одно из них не осталось без внимания. Так, например, в мае 1852 г. на заседании Отделения обсуждалось письмо с просьбой о денежной помощи Антону Преображенскому, только что окончившему семинарию, который не раз присылал материалы в РГО. Члены Отделения этнографии из-за неимения средств для сверхсметных расходов «составили добровольное пожертвование — 30 руб. серебром».[8] Среди корреспондентов Общества были также помещики, князья (Кропоткин, Голицын, Комобакин). Основная же часть корреспондентов была лицами простого звания. На общем собрании РГО в мае 1856 г. И. И. Срезневский, представляя статью крестьянина Шадринского уезда Пермской губернии Александра Никифоровича Зырянова «Описание свадебного обряда у крестьян этого края», охарактеризовал ее как замечательное описание. При этом он подчеркнул, что ответы на программу «получались и получаются в значительном большинстве. . . от лиц, принадлежащих не к высшему образованному обществу, а к среднему и низшему, от сельских священников, дьяконов, причетников, от учителей уездных приходских училищ, от мещан и селян, от сельских писарей, от учеников семинарий и т. п. Что именно такие лица, а не другие, более знакомые с нуждами науки, вчитываются в программы Общества, вдумываются в их содержание и пользу ответов на них, по силам заботятся о сообщении Обществу этих ответов и сообщают ответы все более и более удовлетворительные».[9] Эти лица превосходно знали быт, нравы, часто владели местным говором. Поэтому ценность поступавших материалов состояла не только в том, что их было много, а главным образом в том, что они собирались на местах уроженцами или людьми, прожившими здесь многие годы. Так, например, принятый в члены-корреспонденты Общества Леопольдов в письме указывал, что все, присланное им, «списано с натуры» и что он уроженец этих (саратовских) мест. Родным был говор Оханского уезда Пермской губернии для братьев Волеговых. Интересно, что младший из них, как выяснилось недавно,[10] — Василий Алексеевич, был корреспондентом «Литературной газеты», издававшейся А. С. Пушкиным и А. А. Дельвигом в 1830—1831 гг. Крепостные графов Строгановых — Волеговы были «видными в Приуральске экономистами, публицистами и историографами».[11] Василий Алексеевич окончил в Петербурге знаменитую строгановскую горнозаводскую и лесную

[8] См. Заседания Отделения этнографии. Вестник РГО. 1857. Ч. 20. Кн. 3 и 4.

[9] Вестник РГО. 1856. Ч. 17. С. 26.

[10] См. статью А. Никитина «И встретил нас Куницын» // Прометей. Историко-биографический альманах серии ЖЗЛ. М., 1987. Т. 14, С. 243—246.

[11] Там же. С. 244.

школу. Позднее был «командирован для обозрения частных и казенных заводов» [12] Урала. Путешествие дало ему возможность собрать немало сведений самого различного характера. Автор цитируемой статьи пишет, что Василий Алексеевич «отлично разбирался в горной технике, уральской истории, любил русскую литературу».[13] Добавим, что он интересовался и русским языком, о чем свидетельствуют его многочисленные материалы со словами простонародного языка и местных наречий. Собирал местные слова и его брат, Ф. А. Волегов. В архиве Географического Общества СССР, членом-корреспондентом которого он был в свое время, хранится папка с 12 листами записей народных слов Пермской губернии.[14] Каждое из слов имеет четкое, ясное и точное толкование значения.

Поступавшие в РГО материалы оформлены были обычно поразному. Одни присылали перечни слов и выражений с указанием их значений, другие старались подробно пояснить местные термины промыслов, ремесел и т. д., третьи пытались расширить возможности информации о слове сообщением этимологий, подробным указанием границ его распространения. Так П. Ф. Кузмищев, который прислал большой список слов, относящихся к географической терминологии, оформил его в виде словарика. Слова в нем были собраны по разделам: сибирские и камчатские, астраханские и каспийские и т. д. Каждое слово, расположенное в алфавите, имело пространное определение, приводились примеры. Напр., заимка — загородный дом, хозяйственное заведение загородом. То же, что в Петербурге дача, а в Малороссии хутор. Около Петербурга земли раздавались, а в Сибири их занимали сами. Матерая — матерый берег, земля за морем. Так говорится на островах о твердой земле. Пример: Выйти на материю, значит прийти из Камчатки... в Охотск. Ильмень — широкий разлив воды в Волге, составляющий как бы озеро, иногда такой величины, что и берегов не видно. Низкое место, наполняемое водою во время разлива Волги, получает также название ильменя. Такие ильмени́ заграждают иногда земляным валом, дабы зашедшая туда рыба не ушла обратно в реку с убылью воды. В Астрах. губ. слово озеро прилагается только к соляным озерам, а пресноводные едва ли есть,[15] и т. д. Священник А. Луканин прислал всего несколько слов, употребляемых в г. Соликамске, с объяснением их значений (яр — прибой воды к берегу, который от того подмывается и бывает обыкновенно высок и крут; материк, матерая — главное русло реки), и т. д. Материалы других (напр., Шренка) едва умещались на 47 страницах. Учитель тихвинского училища Ф. Медников сообщил местные тихвинские слова. Титулярный советник, корреспондент статистического отделения Министерства внутрен-

---

[12] Там же. С. 245.
[13] Там же. С. 245.
[14] Извлечения из архива ГО СССР. Разряд 29. 0-1, № 48.
[15] Извлечения из архива ГО СССР. 1847, ф. I. 0-1. № 5.

них дел А. Леопольдов прислал слова, употребляемые в Саратовской губ., и т. д. В этих записях часто присутствовали сведения, которые представляли немалый интерес для истории слов и их значений. Часто, сообщая тонко подмеченные подробности обычаев и те особенные для них слова-названия и выражения, корреспонденты обнаруживали наряду с умением наблюдать и искусство изложения, «равно удовлетворяющего, — как отмечал И. И. Срезневский, — и этнографа, и лингвиста, и тому, и другому одинаково нужны и подробности обычаев, и те особенные слова. ., которые неразрывно связаны с ними в уме и жизни народа и без правильного понимания которых невозможно уразуметь ни быта народного, ни языка».[16] Следует отметить, что диалектная лексика имелась не только в ответах на программу. Она была в работах и другого рода, которые поступали в Общество. Например, много диалектных слов содержалось в статье священника Пермской губ. И. Ф. Словцова, которую он представил в Отделение статистики в ответ на так называемую конкурсную задачу, и в других работах.

К 1851 г. в Отделение этнографии поступило более 600 корреспонденций в виде сборников статей, писем и т. д. Согласно правилам РГО лица, не единожды просылавшие свои материалы, принимались в число членов-сотрудников Общества. На этом основании В. И. Далем в члены-сотрудники был рекомендован борисоглебский уездный судья Козлов, о котором он писал, что «человек он образованный и любознательный».[17] Выступая на заседании Отделения этнографии 31 октября 1852 г., И. И. Срезневский отмечал, что, «принимая во внимание основательность и полноту сведений, доставленных протоиереем А. Луканиным, штатным смотрителем Рыльского уездного училища, коллежским асессором Алексеем Ивановичем Дмитрюковым, столоначальником департамента горных и соляных дел, титулярным советником Степаном Ивановичем Гуляевым, представить их в Совет Общества, от имени Отделения, к наименованию членами-сотрудниками Общества».[18]

После опубликования программы в Отделении этнографии скопилось достаточное для обработки и издания количество материалов. По решению Отделения все поступавшие рукописи, статьи и т. д. просматривались членами Отделения и затем распределялись: наиболее интересные направлялись для печатания в изданиях РГО, другие сдавались в архив Общества, а также в его библиотеку. Часть материалов по рекомендациям членов Отделения (Срезневского и др.) отсылалась для включения в Дополнение к областному словарю. В просмотре рукописей принимал участие В. И. Даль. Так, в 1853 г. им был прислан отзыв о статье

[16] Общий отчет о материалах, поступивших в РГО и рассмотренных Отделением этнографии с 1 сентября 1852 г. по 1 января 1853 г. // Вестник РГО. 1853. Ч. 8. СПб., 1853.

[17] Извлечения из архива ГО СССР. 1848, ф. I. 0-1. № 2.

[18] Вестник РГО на 1853. СПб., 1853. Кн. 1. Ч. 7.

священника В. Георгиевского, в которой очень любопытной по мнению Даля оказалась лингвистическая часть. Заботясь о пользе для науки Срезневский выступил в Отделении с предложением организовать при Обществе издание памятников русского народного языка, куда вошли бы материалы для географии русского языка с объяснениями особенностей и образцами областных говоров, народные русские песни, сказки, былины, пословицы, а также словарь народного русского языка по всем наречиям. Что и было поручено Надеждину и Срезневскому. К сожалению, в полном объеме выполнить это не удалось. Позднее Срезневский, продолжая обрабатывать полученные Обществом лингвистические материалы, предложил присоединить к ним собственное богатое собрание подобных материалов и издать их под названием «Памятники русского народного языка и словесности».

Число рукописей, поступавших в РГО, все увеличивалось (если в 1852 г. было получено 102 рукописи, то в 1853 г. — 104, в 1854 г. уже 146). Увеличилось также и число корреспондентов. Среди них учителя Розов, Пругавин, старший учитель владимирской гимназии Н. Бодров, священники Георгиевский, Пахомов и мн. др. Все рукописи в Отделении внимательно читались и обсуждались. Заслушивались годовые отчеты о них (обычно составляемые И. И. Срезневским). Так, на Отделении этнографии был заслушан его отчет о материалах, поступивших с 1 сентября 1852 г. по 1 января 1853 г. В нем он отметил целый ряд корреспондентов, которые «достойны особой признательности по новости сведений или по полноте содержания. Заключая в себе: 1) замечания о быте и обычаях народа. 2) сборники образцов народного языка и словесности. 3) сборники областных слов».[19] Он не уставал поражаться их «сметливости и уменью», сказав, что «обращаясь к материалам по отделу образцов народного языка и словесности, я позволю себе заметить, что в отношении к ним запасы Общества были постоянно богаче, чем по другим отделам. . . Сборники слов, доставленных в Географическое Общество, представляют в себе едва ли не самую лучшую долю запаса тех фактов, которыми наблюдатели местные могут обогащать нашу русскую науку, — долю лучшую, по-крайней мере по богатству и разнообразию содержания, если не по безусловному внутреннему достоинству. Последнее зависит от мелочной внимательности к оттенкам смысла и к тому значению, которое соединяется с идеей или вещью, изображаемой словом в жизни народа. Эта внимательность зависит от навыка, подчиненного строго требованиям этнологии и филологии».[20] Срезневский особо отмечает «Сборник малороссийских слов Дмитрюкова». «Долгом считаю вспомнить, что г. Дмитрюков уже долгие годы постоянно занимается этно-лингвистическими наблюдениями, особенно в Судженском уезде».[21] Закончил свой

[19] Вестник РГО 1853. Ч. 8. СПб., 1853. Действия РГО. С. 16—18.
[20] Там же. С. 17.
[21] Там же.

доклад Срезневский выражением надежды на дальнейшие ценные пополнения и на то, что для обработки найдутся люди, «достойные взяться за это дело».

Обработка материалов показала, что они распадаются в основном на 2 раздела: на памятники языка и на очерки народного быта, обычаев, представлений, суеверий и т. д. Разработка этих отделов требовала предварительных обозрений, которые устраивались постоянно не только на заседаниях Отделения этнографии, но и на общих собраниях Общества. Рассмотрение материалов показало, что имеет смысл издавать только те этнографические описания, которые подробно и основательно отвечали на все или на бóльшую часть вопросов программы, а из остальных составлять систематические своды и сборники. На этом основании было предпринято издание Этнографических сборников (с 1853 г.), которые, как известно, содержат массу диалектных материалов.

В печатных изданиях Общества помещались также обзоры поступивших материалов, которые представляли собою извлечения нужного («замечательнейшего») из тех заметок, статей, списков и т. д., которые рецензировались членами Отделения этнографии. Чтобы ни одно из полученных сообщений не пропало для науки, были разработаны правила относительно порядка рассмотрения вновь поступающих материалов. На одном из заседаний Отделения этнографии было решено составить алфавитный каталог к хранящимся рукописям по предметам и по местностям.

На заседании Отделения этнографии 27 декабря 1855 г. И. И. Срезневский отметил, что число поступающих материалов все увеличивается, не все они одинаковы по ценности: много мелких заметок, разного рода сборников, необходимо воспользоваться ими своевременно. Для этого следовало бы передать часть материалов (естественно, с обязательством возвращения) лицам, которые могли бы обработать сведения, например, об обычаях, обрядах и дополнить ими издания Снегирева, Сахарова, Терещенко, как, к примеру, это делается со сказками, передаваемыми Афанасьеву для напечатания. Это служит лишним подтверждением того, что РГО никогда не было замкнутой корпорацией и охотно делилось ради науки своими богатствами. Поступавшие материалы посылались В. И. Далю, сообщались А. Х. Востокову для Опыта областного словаря, использовались Афанасьевым и др. лицами.

После учреждения в РГО наград (большой золотой медали, а также малых золотых и серебряных медалей) многие корреспонденты были награждены. Так, в 1866 г. Владимир Алексеевич Попов, служащий Сольвычегодского уезда Вологодской губ., — за представленное в Общество рукописное сочинение «Движение народонаселения Вологодской губ.», Станислав Павлович Микуцкий — за записки лингвистико-этнологического содержания, инспектор казанского врачебного управления М. Ф. Кривошапкин — за работу «Енисейский округ и его жизнь», И. А. Муллов — за работу «Доказательства в народном суде», А. Н. Зы-

рянов — за материалы, сообщенные им Обществу из Шадринского уезда Пермской губернии. В характеристике последнего было сказано: «Этот почтенный крестьянин постоянно сообщает в Общество очень любопытные материалы, сообщенные им песни, сказки и пр. всегда прекрасно записаны, все его заметки обличают умного и дельного наблюдателя».[22]

Уже по такому сравнительно небольшому числу материалов, о которых было упомянуто в обозрении, можно судить о важности работ, которые осуществлялись в стенах РГО. Ценность их заключается не только в накоплениях данных для диалектной лексикографии (а накопления эти уникальны). Многие из фактов, зафиксированные в материалах Общества, являются единственным источником наших знаний о том или ином слове.

Поступления в РГО продолжались многие годы, но особенным обилием отличаются 1850—1860 гг. Позднее, в 80-гг., наступил значительный спад (в среднем в год поступало 5—6 рукописей). Это, видимо, объясняется усилением внимания в работе Отделения этнографии к описаниям жизни, быта инородческих племен России, народов зарубежных стран и т. п. РГО по Отделению этнографии расширило предметы своих занятий и в какой-то степени отошло от своих прежних задач. Не стало того, о чем так хорошо сказал В. И. Даль в отзыве на опыт областного словаря, напечатанном в издании РГО: «Землеведение и языкознание, по-видимому, две науки, почти несродственные, но если изучать землю вместе с обитателями ее, то вопрос этот принимает иной вид, и РГО, по Отделению этнографии своему, придется сродни или в свойстве со 2 Отделением АН. На этом поприще оба ученые общества подают друг другу братскую руку соревнования и помощи».[23] Однако уже то, что было сделано, представляло огромную ценность. Имена многих, принимавших участие в создании лексических фондов РГО, остались безвестными. Их труд был, казалось, незаметен, но значителен. Насколько беднее были бы наши материалы без этих поступлений. Насколько осложнилась бы работа по созданию, в частности, и словарей. Трудами членов РГО было положено начало накоплению и систематизации огромных богатств лексики. Участие в этой трудоемкой работе энтузиастов и корифеев науки обеспечило успех начинания. Усилия РГО в этом направлении трудно переоценить, они стали значительной вехой в зарождении и развитии диалектной лексикографии.

---

[22] Записки РГО 1861. Кн. I. Действия Общества. С. 16.

[23] Вестник РГО 1852. Ч. 6. Кн. I. Действия РГО с 1 июня по 1 октября 1852 г. С. 77.

Л. А. БАЛЯСНИКОВА, Н. И. БАТОЖОК,
В. А. КОЗЫРЕВ

Словарь брянских говоров как источник лингвогеографических и историко-лексикологических исследований

Целенаправленное и планомерное изучение брянских говоров имеет на кафедре русского языка РГПУ им. А. И. Герцена давнюю традицию, связанную с научно-педагогической деятельностью Н. П. Гринковой и В. И. Чагишевой, которой в этом году исполнилось бы 80 лет. Последовательная работа по комплексному исследованию народной речи одного из обширных регионов русской диалектной территории ведется в институте с 1931 г. Проведено около 40 диалектологических экспедиций. Силами студентов, аспирантов, учеников и коллег В. И. Чагишевой создана уникальная картотека Словаря брянских говоров (далее — КСБГ) общим объемом в миллион карточек-цитат, являющаяся одним из наиболее крупных в стране картотечных собраний диалектной лексики и представляющая собой надежную основу для всестороннего и углубленного изучения народной речи в ее истории и современном состоянии. Создана проблемная научно-исследовательская группа по изучению брянских говоров. Центральной в деятельности этой группы является работа по созданию Словаря брянских говоров, пять выпусков которого уже вышло из печати (Словарь брянских говоров. Вып. 1—5. Л., 1976—1989 — далее СБГ).

Особое место в восточнославянской диалектологии отводится изучению брянских говоров потому, что сложившаяся на Брянщине языковая ситуация уникальна — ведь Брянская область представляет собой территорию, где сходятся три восточнославянских этноса, и, соответственно, характер брянских говоров складывался в условиях тесного контактирования трех восточнославянских языков — русского, украинского и белорусского.[1]

[1] Непосредственное соседство с районами предполагаемой прародины славян с юго-запада, расположение на путях ранних славянских миграций на Север по Десне, Днепру, Сожу, на исторических границах древнерусских княжеств (Черниговского, Трубчевского, Севского, Карачевского) — все это привлекало лингвистов, этнографов, историков, археологов. Библиография, посвященная изучению территории, расположенной между Днепром и Десной, насчитывает около двух сотен наименований. Из лингвистических работ см. в первую очередь: *Чагишева В. И.* О брянских говорах // Учен. зап. ЛГПИ

© Л. А. Баляснікова, Н. И. Батожок, В. А. Козырев, 1991

На протяжении многих веков этот край был свидетелем важнейших событий в истории. В IX в. территория, соответствующая современной Брянской области, оказывалась в возможной зоне контактов четырех славянских племен — северян, вятичей, радимичей, смоленско-полоцких кривичей.[2] Границы расселения этих племен очерчиваются четко, а этнические группы, населявшие собственно территорию, соответствующую территории современной Брянской области, на карте ДАРЯ не обозначены. Вместе с тем имеются указания на наличие здесь археологических памятников радимичей, вятичей, кривичей. Не обнаружены пока археологические стоянки северян. В княжение Святослава (в 957—972 гг.) территория древнерусского государства постоянно расширялась. Святославом были покорены земли радимичей, через земли вятичей и северян он стремился к выходу на Волгу, и к середине X в. все эти территории вошли в Древнерусское раннефеодальное государство с центром в Киеве. В XI в. эта территория являлась частью Черниговской земли, находившейся в 1024—1036 гг. в собственности Мстислава Владимировича, затем вошла в состав великокняжеских земель. В 1054—1073 гг. — это владения Святослава Ярославича, затем с 1097 г. эта земля утвердилась за Святославичами.[3] В первой трети XII в. — это владения Олега Святославича и Давида Святославича, в XII—первой трети XIII в. территория оставалась в пределах Черниговской земли, лишь небольшая часть на Севере оказывалась в пределах Смоленского княжества (как раз та часть, которая соответствует месту расселения смоленско-полоцких кривичей). Однако уже в это время интенсивно протекает процесс дробления земельной собственности в большинстве русских земель, и наряду с другими землями оказалась раздробленной и Черниговская земля. Появилось множество мелких княжеских уделов. В частности, по Десне располагались Брянское, Стародубское, Трубчевское княжества.[4] Во время татаро-монгольских походов в 1237—1240 гг. они подверглись разгрому, однако все еще продолжали существовать в виде мелких княжеских владений. Позже эти земли неоднократно переходили в руки соседних князей — рязанского, литов-

---

им. А. И. Герцена. Л., 1957. Т. 130; О словаре восточной Брянщины // Псковские говоры. 1. Псков, 1962; Брянская область в истории и лингвистике // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1968. Т. 325; Изучение брянских говоров за 60 лет // Брянские говоры. Л., 1978.

[2] Ср. опубликованные в ДАРЯ карты I—III («Расселение славянских племен и их соседей в X веке (по материалам археологии)», «Восточные и юго-восточные древнерусские княжества в середине XII века», «Северо-Восточная Русь и ее соседи в середине XIV в.»), специальное содержание которых разработали В. В. Седов, В. А. Кучкин, Н. Н. Львова, Л. А. Королева.

[3] *Черепнин Л. В., Пашуто В. Т.* Образование русского централизованного государства в сравнительно-историческом аспекте (XVI—XVII вв.) // Вопросы методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма. М., 1981. С. 155.

[4] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII вв. М., 1977. С. 96, 237.

ского, смоленского, московского.[5] К середине XIV в. усилившееся Литовское феодальное государство распространило свою власть на Черниговское, Новгород-Северское, Стародубское, Трубчевское и другие княжества. Таким образом, с XIV в. и в течение XV в. территория, соответствующая территории современной Брянской области, находилась под властью Великого княжества Литовского. На основе Люблинской унии в 1569 г. Польша подчинила бóльшую часть территории, на которой расположена в настоящее время Брянская область, Белорусская, часть Смоленской области.[6] В то же время со второй половины XV в. активно боролось за свои владения, в частности и за земли западнее Москвы, Московское государство. В 1523 г. оно возвратило себе северские города Белев, Трубчевск, Путивль и др.[7]

Даже из такой по необходимости конспективной ретроспекции следует, что на территории Брянщины постоянно и в течение долгого времени осуществлялись экономические, культурные и языковые коптакты не только русского, украинского, белорусского населения, но также и других, в первую очередь литовского и польского. В зимней экспедиции 1985 г. коренная жительница села Балыки Почепского административного района, рассказывая о соседях из Клетнянского района, сказала: «Ины зовуцца москали, так их прозванье; у их свои заведёнки, нучки носют суконные, широкого раскроя польта, мы их дразним москали, а они нас кацапы, а мы ить не кацапы, мы хохлы, не, мы только не украинцы, не, мы под шляхтой, вон и лес панский, и мыза пана, а на том древе паненка повесилась; да не сейчас, а когда-некогда».

В Клятненском районе мы узнали, как население этого района в свою очередь квалифицирует Почепских соседей: «У нас, у москалей, куплёного не було, носили рубахи саморучные, ну, а в Почепском тоже люди сдельные, усё могут: и вышывать, и прицаниваться. Хохлы они: они зовут свинью — паца, украинское, у нас так не зовут».

Такого рода примеры могут навести на мысль о некой беспорядочной смеси населения и говоров, бытующих на территории Брянщины. Однако это не так. Прежде всего лингвистический ландшафт Брянщины определяется говорами исконно русского населения, причем эти говоры представляют собой исключительно богатый материал в плане изучения русской диалектной лексики.[8]

---

[5] *Кизимов Ю. А.* Земли и народы России в XIV—XV вв. М., 1984. С. 121.

[6] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси. . . С. 134; См. также об этом: *Смолина К. П.* Семантическая эволюция слова «скарб» в восточнославянских языках // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 186.

[7] *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X—середина XVIII в.). М., 1975. С. 225.

[8] Показано, что 88 % словника Словаря брянских говоров вводит новую диалектную информацию. См.: *Балясникова Л. А.* Информативные возможности Словаря брянских говоров в кругу словарей исторического цикла // Брянские говоры. Диалектное слово и аспекты его изучения. Л., 1985. С. 134.

Сложна и неоднозначна сама языковая ситуация, сложившаяся в зоне взаимодействия трех восточнославянских языков. Говоры, бытующие на территории, соответствующей современной Брянской области, квалифицировались по-разному: и как белорусские, и как южновеликорусские, и как переходные.[9]

Предваряя несколько разбор высказанных по этому поводу точек зрения, заметим, что В. И. Чагишева квалифицировала эти говоры как южнорусские и образующие в их пределах особую группу. Она не только показала их определенное фонетико-морфологическое единство, но также поставила вопрос и об известном лексическом единстве этих говоров. Вместе с тем она понимала, что в пределах этого единства отдельные группировки могут существенно различаться. Из этого необходимо исходить, приступая к анализу тех или иных брянских материалов.

При обращении к двум первым классификациям русских говоров[10] обнаруживается, что в этих классификациях говорам, бытующим на территории Брянской области, отводилось разное место. Авторы Диалектологической карты русского языка в Европе, относя весь запад Брянской области, западную часть Брянского административного района и запад Трубчевского района к белорусским говорам, тем самым противопоставляли их восточным районам Брянской области: Дятьковскому, Карачевскому, Навлинскому, Брасовскому, Комаричскому, Севскому. Таким образом, территория, занимаемая в настоящее время Брянской областью, разбивалась в самом общем виде на два ареала — с диалектной границей между белорусскими и русскими говорами, идущей примерно по Десне. Приблизительно такую же границу находим на карте П. С. Кузнецова.[11]

Н. Н. Дурново отмечал здесь наличие говоров, образующих постепенный переход: «Обычно в таких говорах черты одного наречия — основные, первоначальные, а черты другого — вторичные, проникшие в них позднее под влиянием этого другого наречия, т. е. эти говоры возникли вследствие объединения наречий, граница между которыми до этого объединения была более резкой. Точнее: между южновеликорусским наречием великорусского языка и северно-русским наречием белорусского языка находится широкая полоса переходных говоров, северно-белорусских в основе, с южновеликорусским наслоением. Названные переходные говоры, очевидно, возникли вследствие объединения диалектических границ единиц, до того времени разобщенных

---

[9] Подробнее об этом см.: *Козырев В. А.* Брянские говоры в исследованиях профессора В. И. Чагишевой // Диалектное слово и аспекты его изучения. Л., 1985. С. 4.

[10] Опыт диалектологической карты русского языка в Европе / Сост. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. М., 1915. С. 2; *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970. С. 122—139.

[11] *Кузнецов П. С.* Русская диалектология. М., 1952.

между собой. Поэтому можно думать, что старые диалектические границы между. . . южновеликорусскими и севернобелорусскими и т. д. соответствуют каким-нибудь старым политическим или племенным границам».[12] Н. Н. Дурново приводит в своем курсе лекций несколько карт: Диалектологическую карту южновеликорусских говоров, Диалектологическую карту малорусского языка, Диалектологическую карту белорусских говоров. Если попытаться совместить эти три карты, можно получить некоторую дополнительную информацию. Так, оказывается, что на территории, соответствующей современной Брянской области, распространены говоры, которые в терминологии Н. Н. Дурново носят название северно-белорусских, переходных, говоров южновеликорусских на белорусской основе и отчасти (на самом юге области) полесских. Кроме того, интересующая нас территория может быть разбита на ряд более мелких территорий. Так, на основе распространения по территории различных типов яканья могут быть выделены две зоны — зона в Карачевском административном районе и зона, соответствующая всей остальной территории. Диссимилятивное аканье объединяет брянские говоры с говорами, распространенными севернее и северо-западнее Брянской области. На основе признака «Граница ‹к'› после мягких неслоговых» также выделяется граница между двумя регионами. С севера Брянской области она проходит вдоль 34 градуса восточной долготы, затем пересекает ниже Брянска Десну и уходит на юго-восток ниже Карачева, приближаясь к 35 градусу восточной долготы, затем опять делает петлю, огибая Севск и уходя за пределы Брянской области. «Западная граница звука г» (по Е. Карскому), проходящая с северо-запада через Витебск и идущая вдоль западной границы Брянской области через Новозыбков, выделяет самую западную зону Брянской области.

Специально изучал язык населения Стародубского, Мглинского, Суражского и Новозыбковского уездов бывшей Черниговской губернии и западной зоны Трубчевского уезда бывшей Орловской губернии П. А. Расторгуев. Он полагал эту территорию единой по говору и ввел в своей работе специальное название «северско-белорусский диалект белорусского языка» вместо используемого ранее Е. Карским обобщенного наименования «юго-восточные белорусские говоры».[13] Позже, завершив работу по изучению говоров этой территории, П. А. Расторгуев отказался от отнесения этих говоров к белорусским или даже к смешанным, переходным от белорусских к южновеликорусским. Во Введении к Словарю он определенно пишет: «. . .постепенно говоры современной Западной Брянщины утрачивают черты своей старой основы и в непрерывном изменении приобретают южновеликорусский характер. Исходя из этого, говоры современной Западной

[12] *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969. С. 125.
[13] *Расторгуев П. А.* Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.

Брянщины следует называть южновеликорусскими (развивавшимися в прошлом и развивающимися теперь в настоящем на белорусской основе)».[14]

Согласно схеме Нового диалектного членения граница южнорусских говоров с белорусскими, проходящая по территории Брянской области, отодвинута по сравнению с прежними членениями западнее, современные административные районы Клетнянский, Почепский, Погарский рассматриваются как южновеликорусские, а не как белорусские (или близкие к белорусским). Авторы Нового диалектного членения К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова выделили диалектные зоны. В частности, на территории Брянской области оказались представленными шесть диалектных зон, одна из которых не была отнесена к говорам русского языка (за линией западнее Стародуба), а пять входят в состав южновеликорусского наречия. Если перенести информацию о выделяемых по Новому Диалектному членению зонах на условную схему Брянской области, то окажется, что диалектные зоны распределяются по районам Брянской области следующим образом: 1) часть районов Суражского, Трубчевского, Унечского, Стародубского, Погарского, Почепского, Мглинского расположена в Западной группе южного наречия. Основной массив этой диалектной зоны находится за пределами Брянской области; 2) Рогнединский, Дубровский, Дятьковский, Жуковский, Брянский, Выгоничский, часть Клетнянского, Почепского, Трубчевского, Навлинского и Карачевского районов расположены в зоне Верхнеднепровской группы. Значительная часть этой зоны приходится именно на территорию Брянской области. Очень незначительная часть районов попадает в зону Верхнеднепровскую — часть Рогнединского и Дубровского районов; 3) районы Суземский, частично Севский, Комаричский, Брасовский, Навлинский, Карачевский находятся в зоне распространения Межзональных говоров типа «А» южного наречия; 4) и, наконец, на самом востоке области самые восточные части Брасовского, Карачевского, Комаричского, Севского районов захвачены частично говорами Курско-Орловской группы.

Сразу можно сказать, что для установления внешних границ распространения брянских говоров потребуется несомненное в будущем сравнение со всеми теми говорами, которые относятся к тем же группам и располагаются в тех же диалектных зонах, но за пределами территории Брянской области.

Новое диалектное членение уточнило сложившиеся представления, однако и согласно Новому диалектному членению часть районов Брянской области оставалась за пределами русских говоров, авторы относили их к белорусским. Однако нам представляется, что более всех была права В. И. Чагишева, которая не сочла возможным решать вопрос о западных границах брянских гово-

[14] *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного запаса говоров. Минск, 1973. С. 19.

ров априори. Несмотря на то что она располагала фонетическими и морфологическими аргументами, оправдывающими привлечение к анализу брянской лексики западных районов Брянщины, она отложила окончательное решение этого вопроса до того времени, когда будет создан Словарь говоров, бытующих на территории Брянщины, т. е. до времени, когда можно будет оперировать не только фонетическими и морфологическими данными, но и привлечь достаточное количество лексических данных. Вместе с тем само наличие в распоряжении исследователя фонетико-морфологических доказательств также оправдывало вынужденную замену лингвистического критерия на географический и исторический.[15]

Говоры, бытующие на территории Брянской области, явно противопоставлялись другим южнорусским говорам и одновременно составляли некое единство в пределах территории своего распространения. Они стали квалифицироваться В. И. Чагишевой как брянские говоры. Теперь, когда вышел I том Диалектологического атласа русского языка, можно с уверенностью сказать, что выделение их в особую группу оказалось совершенно правильным.[16]

Представляя собой специфическую группу говоров южнорусского наречия, брянские говоры, разумеется, имеют ряд особенностей в разных уголках Брянщины. Об этом убедительно свидетельствуют фонетические явления, зафиксированные в ДАРЯ, а также те лексические материалы, которые уже опубликованы в Словаре брянских говоров и содержатся в его Картотеке. Картина внутреннего диалектного членения Брянской области проясняется при опоре на лексические факты и сравнении их с имеющимися в ДАРЯ фонетическими материалами.

Опираясь на сведения о территориальной распространенности лексики на Брянщине и числовые показатели, характеризующие степень лексической общности различных районов и зон, можно получить общее представление о внутреннем диалектном членении единого лексического массива говоров, бытующих на территории Брянской области:[17] 1. Западно-белорусская подгруппа брянских говоров — все районы западнее Суража: Новозыбковский, Клинцовский, Суражский, Красногорский; 2. Северо-Западная группа брянских говоров — восточнее Суража, севернее Стародуба, западнее Дубровки, Жуковки, северо-западнее и западнее Почепа; 3. Стародубская группа брянских говоров — изолированная подгруппа, обнаруживающая сильные связи и

---

[15] См. об этом: *Козырев В. А.* Брянские говоры. . . С. 4, 8.

[16] В ДАРЯ содержится богатейшая информация обо всех русских говорах, в том числе и о брянских. Из 92 подавляющее большинство карт содержит информацию, касающуюся брянских говоров. Они уже сейчас наводят на некоторые предварительные размышления. Ср.: *Batožok N.* Powiązania gwar brianskich w swietle zjawisk fonetycznych (na podstawie Atlasu fonetycznego jezyka rosyjskiego). Olsztyn, 1989.

[17] *Batožok N.* Leksykalne i semantyczne aspekty analyzy porównawczej blisko pokrewnych gwar. Olsztyn, 1988.

с юго-западной белорусской подгруппой, и с Погаро-Почепской зоной; 4. Погаро-Почепская подгруппа брянских говоров — восточнее линии Клетня-Почеп-Погар, но западнее Карачева, Навли, Суземки, Севска, соответствующая Верхнедеснинским. Это говоры, бытующие на территориях, прилегающих к Дубровке, Рогнедино, Жуковке, Дятькову, Брянску, Выгоничам и с севера — к Трубчевску; 5. Восточная группа брянских говоров — юго-восточнее Брянска, северо-восточнее Навли и — с разрывом — южнее Навли, восточнее Севска и Суземки (вокруг Брасова и Комаричей); 6. Навлинская группа брянских говоров — изолированная (южнее Брянска, западнее Карачева, восточнее Трубчевска, севернее Суземки и Брасова); 7. Юго-восточная группа брянских говоров — Суземский и Севский районы.

Разумеется, выяснение лингвистической ситуации в Брянском регионе не окончено, требуется сравнение не только лексических массивов районов друг с другом, но также во многих случаях разбивка районов на более дробные части, а в некоторых случаях проверка границ буквально по населенным пунктам. Совершенно необходима проверка связанности брянской лексики с лексикой пограничных районов, с тем чтобы более точно определить выяснение границ группы брянских говоров в пределах южнорусских говоров.

С первыми двумя причинами повышенного внимания к этим говорам тесно связана и третья: большая их сохранность по сравнению с другими южнорусскими говорами и наличие большого количества особенностей, свойственных наиболее консервативным говорам русского языка.[18]

Немногочисленные и разрозненные прежде сведения о лексике брянских говоров, будучи сведенными в словарь, позволили поставить еще целый ряд историко-лексикологических проблем. Так, например, мог быть поставлен вопрос о внешних связях брянских говоров. В первую очередь, видимо, следует говорить о связях с балтийскими языками, а также с польским языком. На настоящем этапе разработки проблемы балто-славянского взаимодействия уже не требует аргументации сам тезис о наличии значительного пласта балтийской лексики на достаточно обширной части славяноязычной территории. Однако общее лексическое наследие балтийских и славянских языков с течением времени несомненно сокращается, и в этом смысле интересна конкретная локальная интерпретация балто-славянских отношений, своеобразная «привязка к местности».[19] Нельзя не вспомнить в этой связи и прямое указание на местности, которые могли бы представить в этом смысле наибольший интерес, — Смоленская, Калужская, Туль-

---

[18] *Кузнецова О. Д.* К началу издания словаря брянских говоров // Брянские говоры. Л., 1985. С. 119.

[19] Подробно занимался этой проблематикой А. П. Непокупный, которому удалось значительно расширить географию славянских рефлексов: *Непокупный А. П.* Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.

ская, Орловская, Курская, Брянская, Черниговская области.[20] Разумеется, набор перечисленных местностей не был случайным и обусловлен во многом историческими фактами. Окраинные племена радимичей, вятичей, кривичей, северян, словен населяли в VI—IX вв. территории, входящие в обширный прибалтийский культурный ареал или непосредственно соседствующие с ним.[21]

О связи брянского лексического массива с лексикой сопредельных областей, других русских говоров уже писали,[22] между тем о внешних связях брянских говоров с неславянскими лексическими массивами известно пока мало, а СБГ дает возможность такого сопоставления. Оставляя пока в стороне вопрос о различии между проникновениями и заимствованиями,[23] приведем здесь лишь факты, свидетельствующие о наличии достаточно большого балтийского лексического массива в брянских говорах. Для этого данные из СБГ и КСБГ сравним с материалами Словаря балтизмов,[24] где брянский материал в силу объективных и вполне понятных причин (к моменту издания СБГ КСБГ в полном своем объеме еще не была доступна для исследователей, кроме того, надо помнить об опережающих темпах издания СБ) учтен эпизодически.

Такое сравнение в одних случаях усиливает аргументацию автора Словаря балтизмов в пользу выдвигаемых гипотез, в других — предоставляет возможность пополнить данные о представленности той или иной русской диалектной зоны, часто уточняет или дает более широкую лингвогеографическую характеристику. При сравнении брянских лексических данных и данных Словаря балтизмов оказалось целесообразным проводить его по группам.

Обнаружилась довольно большая группа брянских слов, которые однозначно должны быть квалифицированы как балтизмы — в словарных статьях именно со ссылкой на брянский материал Словарь балтизмов так их и определяет. Примерами таких слов могут служить: жлукта, жлуктить; пелька;[25] пуга; клуня ‘помещение для молотьбы’ и др.

---

[20] *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Приднепровья. М., 1962. С. 242.

[21] *Седов В. В.* Племена восточных славян, балты, эсты: Славяне и скандинавы. М., 1986.

[22] *Герд А. С.* Из псковско-брянских лексических параллелей (к вопросу о белорусском влиянии на язык Пскова) // Брянские говоры. Диалектное слово и аспекты его изучения. Л., 1985; *Мокиенко В. М.* Из брянско-псковских ареальных параллелей. Там же. Ср. также многочисленные лексикологические работы по смоленским говорам А. И. Ивановой, постоянно привлекающей брянский лексический материал в своих исследованиях.

[23] *Мартынов В. В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983. С. 7—8.

[24] *Лаучюте Ю. А.* Словарь балтизмов в славянских языках. М., 1982 (далее — СБ).

[25] Можно дополнить справочный отдел Словаря балтизмов: *Чагишева В. И.* Название прорубей в говорах брянской области // Рэгіянальныя традыцыі ва усходнеславянскіх мовах, літаратурах, фальклоры. Гомель, 1980.

Обширная группа слов, бытующих на Брянщине, подтверждает ареальную характеристику слов, представленных в СБ, как слов южнорусских (со ссылкой на Словарь В. И. Даля или на один из южнорусских говоров, но без ссылки конкретно на брянский материал). Таким образом, в пределах данных группы речь идет о расширении ареальной характеристики в пределах южнорусских говоров. Примерами здесь могут служить брянские слова: анчутка 'бранное слово, преимущественно в речи детей';[26] гультяй 'кто ничего не делает'; жуда, жудить 'беда, страх, ужас, нагонять страх'; кукшин, кушын 'кувшин'; торывать 'окучивать, обкапывать кругом'; толока 'совместная работа'; свисло 'масло'; милта, милту, милтить — 'угощать студенистым киселем'; скрыль, ринджолы 'небольшие сани' и др. Иногда оказывается возможным расширить ареальную характеристику представленных в СБ балтизмов в пределах русских говоров в целом, так как имеющиеся в КСБГ брянские слова соотносимы с такими словарными статьями СБ, в которых южнорусский материал не представлен вообще: лупатый 'губастый'; гаплик, гаплевать 'крючок', 'завязывать ногу перекрестным способом'.

Наиболее информативны слова, которые расширяют ареальную характеристику балтизмов в пределах славянских языков и диалектов, поскольку брянские слова соотнесены в этой группе с такими балтизмами, которые в СБ вообще не имеют русских соответствий. Примерами в данной группе служат брянские слова кавкать, гребовать, глобать, голуз, галиться. Можно обратиться и к другим источникам, содержащим сведения о балтизмах, к словам, содержащимся в многочисленных статьях, трактуемых как балтизмы на том или ином участке славянской территории. Ко многим из них также можно найти брянские соответствия. Так, например, брянское глумной (СБГ, 3. С. 22) и многочисленные однокоренные образования глум, глумность, глуменый, глуменье, глумать, глуминя, глумить, глумица, глумлять, глумаватый и брянские (СБГ, 3. С. 24) глей и глейкий, распространенные фактически повсеместно на Брянщине, можно соотнести с данными Ю. В. Откупщикова: глумкой 'глуповатый, придурковатый', он соотносит с литовским glúmus 'дурак, глупость', глумить — с литовским glumiti 'дурачить, сбивать с толку', глейкий 'вязкий' — с литовским glegus 'липкая земля, грязь'.[27] А. П. Непокупный, устанавливая балто-севернославянские соответствия зезюля и *gegužia указал на редукцию этого названия для кукушки и установил южную границу бытования его южнее Смоленска, Могилева.[28] Можно было бы добавить, что в материалах КСБГ имеются зезюля, зизюля, зязизюля, обозначающие кукушку и распространенные значительно южнее — в Трубчевском, Брянском,

[26] Ср. также: *Топоров В. Н.* Из истории балто-славянских языковых связей: анчутка // Baltistika 1973. Т. 9. № 1. С. 29—44.

[27] Балтийские и славянские прилагательные с u-основой // Baltistika. XIX (I) 1983. С. 31—33.

[28] *Непокупный А. П.* Балто-севернославянские языковые связи. С. 12.

Клетнянском, Суземском, Унечском административных районах. Эти факты также значительно расширяют географию славянских рефлексов. Таким образом, именно брянские материалы показывают возможность значительного расширения представлений о лингвогеографической характеристике балтизмов на славянской территории, а в отдельных случаях укрепляют аргументацию исследователей, занимающихся балтийскими и славянскими соответствиями. Столь широкая представленность балтизмов позволяет предположить, что контакты брянских говоров с балтийскими языками оставили значительно больший след в истории формирования брянской лексики, чем это принято думать. Следовательно, дальнейшее изучение брянской лексической системы окажется неизбежно связанным с углубленным изучением балтийско-брянских лексических соответствий и параллелей.

Существуют и многие другие информативные возможности СБГ в лексикографическом комплексе словарей исторического цикла.[29] Так например, сопоставление словников СБГ и СРНГ (на Г-начальное) приводит к выявлению обширных списков брянских слов, дополняющих информацию СРНГ о реальном составе лексики современных русских народных говоров. Во-первых, это диалектные слова, представленные в СБГ и отсутствующие в СРНГ (44 % словника СБГ). Во-вторых, это диалектные слова, представленные в СБГ и в СРНГ, но отмеченные в СБГ семантикой, не указанной в СРНГ (23 % словника СБГ). В-третьих, это диалектные слова, представленные в СБГ и в СРНГ с аналогичной или сходной семантикой, но не имеющие в СРНГ указания на южнорусские говоры (23 % словника СБГ). СБГ насыщен новой, впервые вводимой в научный оборот информацией, характеризующей реальный состав, семантику, территориальное распространение современной русской диалектной лексики.

Малая представленность брянских материалов в СРНГ имеет своим следствием их незначительное использование в этимологии вообще и в этимологической лексикографии в частности. Так, например, ЭССЯ, реконструирующий праславянский лексический слой, вводит брянскую лексику лишь в редких случаях, основываясь преимущественно на тех фактах, которые почерпнуты из СРНГ (картотека СБГ включена в состав источников ЭССЯ с 8-го выпуска). Между тем брянские материалы во многом существенно дополняют и уточняют сведения, содержащиеся в ЭССЯ. Если в ЭССЯ (ср. отрезки на Г-начальное) в среднем на каждые 4 праславянских слова отмечено по 3 русских рефлекса (т. е. степень сохранности праславянского лексического фонда в русском языке составляет около 75 %), то в СБГ содержится 54 % праславянской лексики и 70 % исконно русских слов, точнее русских слов, представленных в ЭССЯ. Уже сегодня оказывается возможным сопоставить материалы СБГ с материалами ЭССЯ в несколь-

[29] *Балясникова Л. А.* Информативные возможности словаря брянских говоров в кругу словарей исторического цикла // Брянские говоры. Л., 1985.

ких аспектах:[30] 1. Слова, которые содержатся в СБГ и в том же значении приводятся в ЭССЯ в качестве русских (брянских или не брянских) рефлексов праславянских слов; 2. Русские слова, приводящиеся в ЭССЯ в качестве рефлексов праславянских слов, отсутствующие в СБГ; 3. Исконно русские слова, содержащиеся в СБГ в ином значении, нежели эти же слова в других русских говорах по материалам ЭССЯ. Этот список позволяет полнее представить семантику исконно русских слов, а в некоторых случаях дает дополнительные материалы к уточнению праславянской семантической реконструкции, укрепляет уже имеющуюся в ЭССЯ аргументацию; 4. Брянские слова, являющиеся несомненно рефлексами праславянских слов, приводимых в ЭССЯ, несмотря на то что к этим словам в ЭССЯ никакие русские рефлексы вообще не указаны. Таких слов немного, но они все же есть; 5. Слова, содержащиеся в СБГ, но отсутствующие в ЭССЯ. Таких слов, естественно, очень много, так как СБГ — словарь полного типа, в него включаются и многие более поздние заимствования как из славянских, так и из других языков. Однако в этом списке есть такие, которые заслуживают внимания в плане их отнесения к праславянской эпохе. См., например, в материалах картотеки: *дромача* и *драмача* 'кладка из досок и палок через грязь', *древулить* 'болтать', *гзули* 'экзамены, испытания'. Наличие подобных слов в народных говорах (в данном случае — в брянских) при отсутствии соответствий в литературном языке, непродуктивность словообразовательной модели, развитие оригинальных значений делают возможным предположительно учесть эти слова в составе праславянской лексики. Хотя, конечно, в каждом случае этот вопрос должен решаться очень осторожно. При последовательном рассмотрении списков слов, выявляющихся при сравнении словников двух словарей, неожиданно значительным оказывается список исконно русских слов, содержащихся в ЭССЯ, но не отмеченных в СБГ — почти треть (549 из 1822) исконно русских слов в брянских говорах не засвидетельствована. Этот список представляет особый интерес для дальнейших диалектологических экспедиций — предстоит выяснить, действительно ли мы имеем дело с русскими диалектизмами, не отраженными в брянских говорах (помня о локальном характере праславянского диалектизма, можно иметь в виду и такую ситуацию), или же это лакуны в материале, которые еще предстоит восполнить.

Брянские материалы оказались вовлеченными и в круг историко-лексикологических разысканий. Этому во многом способствовали исследования мало разработанного вопроса о взаимоотношении лексики «Слова о полку Игореве» с лексикой современных русских народных говоров, преимущественно Брянской области.[31] Обращение к словарному составу этого памятника тем

[30] *Батожок Н. И.* Праславянский слой в лексике брянских говоров // Брянские говоры. Л., 1985.

[31] См.: *Козырев В. А.* Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах // Брянские

более показательно, что завершен уникальный филологический труд, подводящий известные итоги и намечающий новые перспективы в изучении языка памятника: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». (Составитель Виноградова В. Л. Вып. 1—6. Под ред. Богородского Б. Л., Ларина Б. А. (вып. 1), Лихачева Д. С., Творогова О. В. (вып. 2—6). Л., 1965—1984). Сопоставление исторического и диалектных словарей (и их картотек) показало, что значительная часть той лексики, которая отмечена только в «Слове» и более ни в одном другом памятнике, имеется в современных русских народных говорах.

Материалы русских народных говоров, привлеченные к комментарию лексики «Слова о полку Игореве» (особенно той, которая вызывает споры), позволяют уточнить, дополнить толкования, а в ряде случаев по-новому трактовать отдельные лексемы памятника. Современные диалектные параллели к тем словам, которые являются вполне понятными и не вызывают разноречивых суждений, на новом материале подтверждают общепринятое их толкование. Наличие в народных говорах словарных соответствий к лексике «Слова о полку Игореве» (всего их обнаружено более чем к ста пятидесяти лексемам памятника) указывает на органическую связь «Слова» с народной речью. Основным источником для выявления такого рода параллелей служат материалы диалектных словарей и их картотек, в первую очередь СБГ и КСБГ, в которых представлены сведения по говорам той территории или сопредельной той, где происходили описываемые в памятнике события.

Доказательная сила современных диалектных данных существенно возрастает в том случае, когда ретроспекция диалектных словарей подтверждается показаниями этимологических словарей.

Так, например, до сих пор вызывает противоречивые толкования имя прилагательное *босый* в словосочетании босый влъкъ, не отмеченном ни в одном другом памятнике, кроме «Слова о полку Игореве»: А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию, и белым гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца. . . Отсутствие соответствующих данных породило множество противоречивых суждений. Большинство исследователей исправляет *босый* на *бусый* и толкует его как «серый». Основание для такой конъектуры усматривается в наличии современного диалектного прилагательного *бусый* «серый, дымчатый» (см., напр.: СРНГ. Вып. 3. С. 306). Другие, не сомневаясь в текстологической достоверности словосочетания *босый влъкъ*, значительно расходятся в его истолковании. Вопрос о семантике древнерусского имени прилагательного босый (в сочетании *босый влъкъ*) до сих пор по существу остается открытым. Даже в специальном издании — Словаре-справочнике

говоры. Вып. 3. Л., 1975; Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л., 1976.

«Слова о полку Игореве» — оно толкуется предположительно и весьма неопределенно: *босый* — «белоногий (?)», *босый влъкъ* — «необыкновенный; быстрый» (Вып. 1. С. 64). Аналогично в СлРЯ XI—XVII вв.: *босый* — «белоногий (?). Быстрый; необыкновенный (?)» (Вып. 1. С. 302).

Показания современной русской диалектной речи свидетельствуют о реальности этого уникального словосочетания, поддерживая тем самым правомерность его бесконъектурного прочтения в Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» и в СлРЯ XI—XVII вв., а также позволяют высказать некоторые соображения относительно его значения. В брянских говорах имя прилагательное *босый* (в сочетании *босый волк*) широко употребляется для обозначения характера волосяного покрова волка после весенней линьки: босый волк — «волк, сбросивший, сменивший шерсть в период линьки» (СБГ. Вып. 1. С. 74). Например: Босый волк када шэрсть тиряить — вот босый волк, шэрсть збрасываеть вясной, зимой был серый, а збросил, стал босый, билаватый, билявый делъицца (записано В. И. Чагишевой в селе Ружное Карачевского района Брянской области). Указанная семантика лежит в основе бытующего в брянских говорах сравнения *как босый волк* (буквально: «как волк после линьки, сбросивший шерсть и ставший более легким на ходу», переносно: «быстрый, резвый») — для характеристики бегущего человека (СБГ. Вып. 1. С. 74). Например: Ну пабех, как босый волк, што ни дагониш, кто шыпка пабех, нъ таго скажут: пабех, как босый волк, и ни дагониш (записано В. И. Чагишевой в селе Ружное Карачевского района Брянской области). Ср. также известное псковским говорам словосочетание *босый волк*, где босый — «быстрый», «резвый» (ПОС. Вып. 1. С. 131). Семантика диалектного *босый* (о волке) в свою очередь выводима из значения «голый, лишенный растительного покрова (шерсти, волос)», с которым имя прилагательное *босый* также бытует в брянских говорах (КСБГ). Например: Стривал миня волк, но ни босый, а лахматый. Я атстала. «Скажы, куманек. . .» Малитвы забыла у страстях чем зря. Ой, кум-волк стрел меня, ляск зубами (записано Н. И. Батожок в деревне Виженка Брасовского района Брянской области); Так босъя ж гълава у ниво, ни въласинки (записано Н. И. Батожок в поселке Навля Навлинского района Брянской области). Приведенные диалектные материалы находят подтверждение в этимологической лексикографии. Однако именно брянские материалы указывают на то, что это древнее значение представлено на славянской территории более широко. В свете приведенных диалектных материалов, подкрепленных данными этимологии, сравнение в памятнике князя Игоря, бегущего из плена, с босым волком, т. е. «быстро, резво, стремительно», приобретает реальный смысл.

Таким образом, словарь брянских говоров оказывается одним из важных источников в лингвогеографических и историко-лексикологических исследованиях и приобретает особое значение в лексикографическом комплексе сведений о языке.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Расшифровку сокращенных обозначений источников, отсутствующих в данном перечне, см. в кн.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений. М., 1975. Арх. сл. — Архангельский областной словарь, вып. 1—3. М., 1980—1983. Беляева — *Беляева О. П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.

ГАВО	— Государственный архив Вологодской области.
Иркут. сл.	— Иркутский областной словарь, вып. 1—3. Иркутск, 1973—1979.
Кн. моск. там.	— *Сакович С. И.* Из истории торговли и промышленности России конца XVII в. М., 1956. Тр. ГИМ. Вып. 30. Книга записная мелочных товаров Московской большой таможни 1694 г.
Кулик.	— *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
Мат. Узбек.	— Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. М., 1933. Вып. 3. Ч. 1.
Мельниченко	— *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Носович	— *Носович И. И.* Словарь белорусского языка. Минск, 1983.
Рук. лекс.	— Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Л., 1964.
Сб. Щук.	— Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1896—1902. Ч. 1—10.
Сл. Вятки	— *Симони П. К.* Материалы для истории старинной русской лексикографии, вып. 2. Два старинных областных словаря XVIII столетия. СПб., 1899.
Сл. Красноярск.	— Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
Сл. Оби	— Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964—1967. С. 1—3.
Сл. ряз. Мещеры	— *Ванюшечкин В. Т.* Словарь русских народных говоров рязанской Мещеры. Воронеж, 1983.
СРНГ	— Словарь русских народных говоров. Л., 1965—1983. Вып. 1—25.
Трондх. сл.	— *Lunden S. S.* The Trondheim Russian // German MS Vocabulary. Oslo, 1972.
Фасмер	— *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.; Л., 1964—1973. Т. 1—4.
ЭССЯ	— Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974—1983. Вып. 1—10.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

О. Д. Кузнецова, Ф. П. Сороколетов. Диалектные словари как памятники русской крестьянской культуры 3
В. В. Колесов. Слова литературного языка в диалектной речи (4. Образ) 13
И. А. Попов. Лексико-семантическая группа наречий со значением «спустя некоторое время, по прошествии какого-либо времени, после, потом» 28
П. И. Павленко. Глаголы с приставкой из- в русских народных говорах 39
А. Д. Ли. Системные связи в лексике народного говора 51
Н. В. Попова. Приставка оби- (обы-) в сопоставлении с об- (обо-) по данным русских народных говоров и литературного языка . . . 61
А. С. Герд. К истории говоров к юго-западу от Пскова 66
Г. В. Судаков. Диалектная лексика в старорусском языке (названия корзин) 73
Ю. Ф. Денисенко. Опыт реконструкции лексической системы псковских говоров (на материале местной лексики Псковских летописей) 81
Т. В. Бахвалова. Обозначение границ земельных владений в памятниках южновеликорусского наречия (на материале отказных книг Орловского края) 90
Г. И. Демидова. Материалы деловой брянской письменности XVII в. в Государственном архиве Курской области 106
О. Д. Кузнецова. Форма и семантика диалектного слова 112
Г. И. Демидова, З. М. Петрова. «Отказные книги» XVII в. как историко-диалектологический источник 118
Н. И. Андреева-Васина. Об одном из источников СРНГ 126
Л. А. Балясникова, Н. И. Батожок, В. А. Козырев. Словарь брянских говоров как источник лингвогеографических и историко-лексикологических исследований 136

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА
1987

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Г. Степанова*
Технический редактор *О. В. Иванова*
Корректор *Ф. Я. Петрова*

ИБ № 44821

Сдано в набор 27.11.90. Подписано к печати 16.10.91. Формат $60 \times 90^1/_{16}$.
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 9.5. Усл. кр.-от. 9.75. Уч.-изд. л. 10.53.
Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 927. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
С.-Петербургское отделение.
199034, Санкт-Петербург, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука».
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.

1 р. 90 к.

«НАУКА»
С.-Петербургское отделение